

Рудольф Штейнер

Наука о становлении человека

GA 183

Девять лекций, прочитанных в Дорнахе с 17 августа по 2 сентября 1918 г.

Перевод с немецкого Гуменник Н. В.

Редактор Гуменник С. А.

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

bdn-steiner.ru

Подробное содержание выполненное Марией Штайнер к отдельным изданиям лекций

Лекция первая, Дорнах, 17 августа 1918 г.

Тоска душ по духовной жизни; тормозящее воздействие лени и желания удобства. Новое понимание человека появиться здесь, когда совместно с человеческим будут мыслить ариманически-люциферическое, каким оно представлено в скульптурной группе в Дорнахском здании; внутренние импульсы художественного воззрения, действующего здесь. Распушенность мыслительной жизни в наше время. Важно не содержание идей, а тот способ, которым они живут в людях. Три основных недуга нынешней культуры человечества, в которых проявляется нынешний переход от люциферического к ариманическому: узость мышления, филистёрство, неумелость. Лекарством от болезней нашего времени является духовная наука.

Лекция вторая, Дорнах, 18 августа 1918 г.

Замкнутость физического человека от земного окружения; погружение духовно-душевного человека в потоки его собственного душевно-духовного внутреннего мира и Вселенной. Два полюса духовно-душевного у человека. Граница между нормальной аурой и вселенским в окружающем мире. Молнии, столкновения, запруживания потоков; формирование границ, барьеров снаружи и внутри. Запруживающая волна памяти; по ту сторону её зоны находится сознательное внутреннее. Другая зона соответствует силе любви; тому, что находится по ту сторону духовно-душевного Вселенной.

Лекция третья, Дорнах, 19 августа 1918 г.

Две граничные зоны душевного человека. До четвёртого послеатлантического периода одна граница всё ещё была проницаемой; другая будет проницаемой в шестом периоде. Уже сейчас кое-что начинает просачиваться, поднимаясь изнутри. Это необходимо гармонизировать. Культуры Востока и Запада (Тагор, Вильсон). Различные цели восточных посвящённых и посвящённых американизма. Восточный импульс к освобождению от земного человеческого рода. Американский импульс более сильного погружения в телесность. Ариманическая демонологизация человечества посредством техники. Спасение через Дух Христа и понимание духовно-научного знания.

Лекция четвёртая, Дорнах, 24 августа 1918 г.

Природный порядок и моральный порядок. Связь Христа с мистерией Солнца. Необходимая переработка способности представления у человека для понимания дуализма Христа-Иисуса. Мистерия тройственного человека. Трёхчастный человек как отражение его праобраза. Дуализм между истиной и наукой и его преодоление.

Лекция пятая, Дорнах, 25 августа 1918 г.

Сущностная форма головы как физическая форма древнего формирования восходит к ариманическим принципам; духовное в голове является юным образованием. Принципы земного становления главным образом разыгрываются в человеке грудной клетки. Люциферические принципы формирования конечностей человека получают своё полное внешнее выражение только в бытии Земли Венерой. Наряду с космическим рассмотрением следует с точки зрения человеческой индивидуальности взглянуть на гуманистическое рассмотрение. Значение подсознания, которое было скрыто, и различные стадии которого в наше время человеческое сознание должно снова поднять наверх. Чувственно воспринимаемое. Перекрещивание потоков в срединном человеке. Память, картина мира и микрокосмическая аура. Преобразованные чувства. Параллелизм между микрокосмическим человеком и космическим чередованием дня и ночи. Такие понятия, которые связывают природную жизнь и духовную жизнь, содержат то, что может плодотворно действовать в социальной и исторической жизни, в то время как механическое мировоззрение завело человечество в хаос.

Лекция шестая, Дорнах, 26 августа 1918 г.

Животрепещущие вопросы, на которые никогда не смогут ответить с помощью средств сегодняшнего времени, потому что представления о духовном и земном человеке были утрачены. Иллюзия физического Солнца. Пустое пространство и негативная субстанциональность; понятие меньшего чем пустое. Отверстия в мозге как инструмент душевной жизни, которая наталкивается на мозговую массу и отражается там. Затем это становится осознанным после смерти человека. Аура человека с её потоками, составляющими его душевную жизнь, образованная из ингредиентов душевного мира. После смерти человек вследствие этого вступает в определённое родство с миром душ и страной духов. Эти ингредиенты становятся свободными и преобразуются; благодаря этому сама душевная жизнь выхолащивается, и восходит духовная жизнь. Состояние преобразования. Мысль о метаморфозе может быть плодотворной для понимания перехода человека из одного воплощения в другое. Физический мир существует благодаря взаимопроникновению мыслей высших иерархий, формирующих мысли в вещественные мысли. Такие конкретные понятия древних мистерий следует пережить заново посредством духовной науки. Схема древних пифагорейских школ. Наследование абстрактных понятий от Римской империи через Средневековье и новейшее время. При этом в XIX веке человека утратили, чтобы потом заново открыть его с животной стороны. Эта ситуация создаёт пропасть и катастрофические факты. Элементы постижения духовного человека находятся в учении о метаморфозах.

Лекция седьмая, Дорнах, 31 августа 1918 г.

Связь морального и идейного с происходящим в природе. Иллюзия физического внешнего мира. Пропасть между идеализмом и реализмом и раздвоение нашей духовной жизни, обусловленные натуралистическим взглядом на мир и моральным идеализмом. Наша живая связь с космическим разумом, познаваемая в созидании идейным в речи. Её (речи) разложение умершим. Место эвритмии в общей структуре развития человека.

Лекция восьмая, Дорнах, 1 сентября 1918 г.

Проявление радикальной неправдивости в определённые исторические эпохи; исследование взаимосвязей. Пифагорейская школа и окружающий её мир. Силы возникновения и силы разрушения. Распыление слов после смерти. Раскрытие духовного смысла смерти. Разгадка неизречённого имени Бога. В разборе слова на гласные из разделения раскрывается духовное. В умолкающем слове исходя из души видят вспыхивание духовного. Одухотворение после смерти. Строение духовного человека между смертью и новым рождением. Направляющая и несущая смерть мировая сила иерархий. Расколдовывание душевного. Космическая сила «уничтожения форм».

Лекция девятая, Дорнах, 2 сентября 1918 г.

Сущность времени по аналогии с пространством. Человек переживает только отражение реального времени. Более ранние периоды времени действуют перспективно в настоящем времени. Пространственноподобное во времени и сущностное, связанное со временем. В природе Ариман действует из прошлого. Человек движется вместе со временем и не замечает перспективы времени; следствием этого является то, что ариманические силы могут действовать в нём в качестве сил настоящего времени; поэтому человек отделяет своё бытие в настоящем времени от духовного. То, что он несёт в себе идеалы, является следствием того, что он несёт в себе люциферические силы, которые посредством этого стремятся вырвать его из природы и одухотворить. В областях человеческого бессознательного ещё находится выравнивание; в настоящее время оно создаётся ранней смертью детей и молодых людей. Смерть пожилых людей делает физическую Землю более духовной, чем она была бы в противном случае. Преобразование человеческих форм из духовно-душевных в человеческие: соответствующих голове через ариманическую деятельность, соответствующих конечностям через люциферическую деятельность. В человеке грудной клетки происходит действие закономерно-божественных сущностей через дыхание жизни. Также там присутствует граница, память, благодаря которой в этой троице ариманические силы головы отделяются от люциферических сил конечностей и не позволяют нам прийти к какой-либо связи между природным порядком и духовным порядком.

Лекция первая

Дорнах, 17 августа 1918 г.

Надеюсь, Вы без лишних слов поверите, что мне доставляет глубочайшее удовлетворение возможность вновь возобновить работу в Вашем обществе здесь над этим нашим зданием и вокруг него. Действительно происходит так, что сегодня не только при более глубоком обдумывании, но, можно сказать, уже при более поверхностном обдумывании, у того, кто приближается ко всей ауре этого здания, могла бы возникнуть мысль, что с этим зданием всё же соединено нечто, что связано с самыми знаменательными, самыми далеко идущими задачами будущего человека. И после длительного, вынужденного отсутствия естественно, что снова с глубочайшим удовлетворением прибывают на то место, где находится это здание как символ нашего дела.

К сказанному я, пожалуй, должен добавить, что для меня каждый раз, особенно когда я сейчас возвратился после длительного отсутствия, глубочайшее удовлетворение вытекает из того, что я, конечно, всегда могу увидеть насколько прекрасно и насколько значительно продвигается далее работа над этим зданием благодаря самоотверженной деятельности людей, трудящихся над зданием. Особенно в эти месяцы моего последнего отсутствия, когда работа шла при таких тяжёлых обстоятельствах, несравненным образом продвинулась именно часть художественной работы, продвинулась в том духе, который должен пронизывать всё целиком.

Но также при наблюдении духа нашей работы, при наблюдении того, что здесь возникает, с глубочайшим удовлетворением я вижу объединение верным образом мыслей у многих наших друзей, верным образом мыслей в отношении того, что воплощается именно в этом здании. И то, что тогда открывается душе, когда позволяют этому делу воздействовать на себя, является всё же тем, что здесь находится место, с которым связан такой верный образ мыслей множества друзей нашего духовного движения, такой верный образ мыслей, предвещающий здесь, что наилучшие импульсы нашего духовного движения сохранятся в будущем человечества, которому они будут так необходимы. Уже именно в работе, посвящённой этому зданию, существует нечто, что могло бы быть образцом для того, к чему в общем на самом деле стремятся при помощи того, что у нас сегодня называется Антропософским обществом.

Но с другой стороны у меня много раз снова возникает чувство, что та польза, то значимое благо, которое можно обнаружить здесь с помощью этого здания во взаимодействии работы людей и чувств людей, состоит именно в том, что это здание является чем-то, что до определённой степени в своей объективности освобождает то, к чему стремится наше движение, от субъективных интересов отдельных людей.

Конечно, сейчас как раз в этом отношении были — и есть — во всех подобных обществах, также и в Антропософском обществе, некоторые странные воззрения, являющиеся в действительности не чем иным, как странными иллюзиями. Много проповедуют о самоотверженности, о всеобщем человеколюбии; но это часто просто маски для определённых, всего лишь изошённых эгоистических интересов отдельных людей. Конечно, отдельные люди не знают, что речь для них идёт просто об

эгоистических интересах, они до некоторой степени невинны для их собственного сознания; но всё же это так. Но само здание требует от уже весьма большого количества наших друзей самоотверженной преданности чему-то объективному, чему-то, что присутствует здесь как освобождённый от любой отдельной личности символ нашего дела. И, пожалуй, то, что связано с этим зданием, в особенности может стать примером того, к чему стремится наше движение.

Мои дорогие друзья, когда мы снова приветствуем друг друга так же как сегодня, то мы должны особо обратить взгляд на то, что является плодотворным и всеобъемлющим в этом нашем духовном движении, и во время такого приветствия мы должны обдумать то, что может стать для нас серьёзным благодаря уверенности: что бы ни случилось — в зависимости от обстоятельств это может произойти так или иначе — из того ужасного тупика, в который зашло человечество сейчас, оно выйдет не ранее, чем когда решится каким-либо образом отыскать отправные точки для плодотворной работы, плодотворных действий внутри такого духовного движения, каким является наше движение. Безусловно, мы не будем эгоистичным образом настаивать на том, что истина находится только в нашем тесном, ограниченном кругу; но мы должны знать, что связаны друг с другом в некоем кругу, который признаёт, что человечество поставило себя в это ужасное положение нынешнего времени по причине пренебрежения своей духовной сущностью. Мы можем познать себя в качестве таких людей, которые объединены теми идеями, единственно благодаря которым можно выйти из того тупика, в который зашло человечество.

Да, в душах сегодняшних людей присутствует необычайно много неясного. Если в свою очередь человек имел возможность здесь и там осведомиться о потребностях, господствующих в нашем духовном движении, то с одной стороны могут сказать: «Да, всё же количество душ, жаждущих здесь той спиритуальной жизни, которую мы подразумеваем, увеличивается». Тоска по такой спиритуальной жизни, она неслыханно разрастается, пожалуй, об этом следует упомянуть. То внимание, которое проявляют навстречу нашим импульсам, оно бесспорно в последние годы становится даже ещё больше, по крайней мере в тех областях, которые были доступны мне внешним образом в последние годы и в особенности в последние несколько месяцев. Также не будет совершенно бессмысленным отметить, что такое увеличение и усиление этой тоски человеческой души по спиритуальной жизни присутствует очень отчётливо. Однако, этому усилению и обострению тоски по спиритуальной жизни противостоит иное: то ужасное сбивание с толку, от которого страдает гораздо большая часть человечества, то ужасное сбивание с толку, порождаемое старомодными идеями, или, вероятно, лучше сказать, старомодным отсутствием идей внутри человечества, хотелось бы сказать, инертность по отношению к любой сильной, чёткой мысли, та инертность, которая проистекает просто из безалаберности, из лени, с которыми ведётся мыслительная жизнь на земле на протяжении многих десятилетий. Эта безалаберность, эта лень сбивает с толку души в существующей тоске по спиритуальной жизни. На одной стороне находятся люди с реальной тоской по духовности, по сверхчувственным, сильным импульсам. На другой стороне души угнетаются всеми теми старыми силами, которые не хотят уступать арену человеческой деятельности, и можно было бы всё же увидеть в том, насколько далеко они продвинулись, что они более не относятся к этой арене человеческой деятельности. Хотелось бы сказать, что этот тёмный отпечаток, этот двойственный отпечаток видят повсюду.

Я уже часто говорил в кругу членов нашего Общества во многих местах, в Гамбурге, Берлине, Мюнхене, о нашей скульптурной группе, которая должна находиться на центральном месте нашего здания в связи с представлениями, создаваемыми светлым образом. С одной стороны, можно было увидеть, как действительно мощные импульсы входят в души также и тех, кто из-за обстоятельств последних лет не мог взглянуть на то, что здесь происходит. Новое понимание человека исходит уже из того, каким образом мыслится ариманически-люциферическое вместе с христианским и отображается, раскрывается посредством нашей скульптурной группы. Души постигают это, когда к ним подступает то, что даётся посредством этих вещей. Однако, с другой стороны, повсюду проявляется сдерживающее влияние того, что распространяется на человечество в качестве пережитка старого, прогнившего в так называемой культурной жизни.

Это можно было увидеть в частности в той, действительно следует сказать в глубочайшем смысле, забавной манере, с которой встречали лекции, которые я читал в Доме искусств нашего друга, господина фон Бернуса в Мюнхене, и в которых я пытался донести до широкой публики внутренние импульсы нашего действующего сейчас воззрения на искусство. Да, у людей это вызвало чрезвычайно большой интерес, потому что я читал такие лекции в Мюнхене в феврале и в марте, и мне приходилось читать каждую из этих лекций дважды; но господин фон Бернус заверил меня, что там было так много запросов, что я мог бы читать и четыре раза перед открытой публикой каждую из этих лекций, в которой я объяснял принципы моего воззрения на искусство, какими они проявляются здесь в этом здании. Интерес там уже присутствовал. Но там, где естественно были бы недовольны, если бы выступало одобрение, то есть у мюнхенской газетной критики, можно уже сказать, в самом благородном смысле забавно оскалили зубы. Это было особенно забавно, потому что там давала о себе знать такая внутренняя сдерживаемая злоба против того, что вообще не смогли понять: происходило так — вещи не говорили, а выплёвывали! Простите за грубое выражение. И это обнаруживается именно в этом интересе, проявляющемся к этому делу, выражается честность и правдивость, в отличие от того, что обнаруживается в противном случае из этого средоточия искусства — Мюнхен естественно является им, это, конечно же, известно, — то есть обнаруживается, что в этом средоточии искусства говорили, как самые разумные, так и самые неразумные вещи. Именно в этом разногласии обнаруживается пример того, как эти два течения, о которых я Вам говорил, присутствуют в современное время; как мы действительно должны стать осознанными, чтобы находиться внутри чего-то очень существенного и важного, что необходимо завоевать ради мира, ради будущего.

Конечно, я говорю всё это не потому, что, когда эти вещи выходят на всеобщее обозрение, я каким-то образом стремлюсь получить, как говорят, «хорошую прессу»; потому что в тот момент, когда появится «хорошая пресса», я бы подумал: тогда очевидно должно быть что-то не так, тогда должно происходить нечто неправильное с нашей стороны.

Все эти вещи годятся, чтобы вызвать в нас осознание, что нам необходимо со всей решимостью стоять на почве нашего дела. Потому что ничто не смогло бы привести нас к худшей путанице, чем если бы мы захотели заключить какой-либо компромисс с тем, что внешний мир считал бы правильным для нас. Только в самих принципах нашего дела нам необходимо обрести то, что задаёт нам направление для наших действий.

Даже к таким вещам, которые связаны более опосредованно с нашим делом, но всё же внутренне связаны, даже к эвритмии в последние годы проявляется всё более

возрастающий интерес в различных местах. И когда мы те, кто были там, вспоминаем, как например эвритмию воспринимали в месте, где её почти совсем не видели, где она была отчасти чем-то новым даже для тех, кто её видел, в Гамбурге, то нам необходимо действительно с глубоким удовлетворением вспоминать способ, которым эти вещи там воспринимали. Именно в Гамбурге смогли увидеть, насколько значительны эти импульсы, которые также могут исходить от таких вещей. И там находились люди, действительно в основном в первый раз увидевшие эвритмическую постановку. И, вероятно, также с их помощью для эвритмии появилась возможность выступить публично. Но именно в таком случае нам необходимо стоять вместе с нашим делом на самой твёрдой почве, не делать ничего иного, кроме того, что следует исключительно из самого нашего дела. Кроме этого вскоре бы обнаружилось, что начиная с определённого пункта, никому не следует думать, что я уступчив в определённых вещах, когда это важно для меня самого. Многие из Вас уже знают, что естественно повсюду там, где это не касается чего-то принципиального, а там, где важно быть человеческим, ставить человеческое на первый план, я любым способом иду в ногу со всеми людьми, - но там, где подходят к границе, где пришлось бы отречься даже в малейшей степени от чего-то принципиального, там я не проявил бы себя уступчивым. То есть если в настоящее время, когда можно увидеть так много танцев — потому что танцуют повсюду, это действительно ужасно, если человек живёт в большом городе, то он мог бы каждый вечер участвовать в танцевальном вечере, где повсюду показательно выступают, - если бы здесь думали, и я говорю эти вещи небезосновательно, хотя и не указываю не на что конкретное, что когда наша эвритмия представляла бы сейчас перед публикой, мы каким-либо образом должны были бы привязываться к журналистскому отсутствию понимания, которое ставит какие-либо требования, то я бы протестовал самым решительным образом. То, что является направлением предпочтений, что является тенденцией предпочтений, должно исходить исключительно из самого нашего дела.

Иногда, особенно когда мы снова встречаемся, нам также необходимо напоминать себе о следующем из воли, необходимом, прямолинейном приведении себя в движение сообразно нашим спиритуальным импульсам. Этим спиритуальным импульсам следует бороться со многим. Сегодня невозможно больше просто сказать предрассудками, потому что эти вещи оказывают слишком сильное воздействие, для того чтобы их можно было называть незначительным словом предрассудок; это импульсы, которым следует бороться со многим. Всё снова и снова необходимо указывать на величайшую болезнь нашего времени, заключающуюся в разнузданности относительно мыслительной жизни. Потому что мыслительная жизнь уже является спиритуальной жизнью, если её понимают правильно. И потому что человечество так мало стремится поддерживать мыслительную жизнь, оно так мало находит путь в спиритуальные миры. И мне необходимо ещё с различных сторон всё снова и снова затрагивать следующее: сегодня ужасно часто придерживаются простого содержания мыслей. Но содержание мыслей является наименее важным в помыслах. Ведь зерно пшеницы является зерном пшеницы; это невозможно опровергнуть. Но пусть зерно пшеницы и есть зерно пшеницы: если Вы посадите зерно пшеницы в хорошую, плодородную для пшеницы почву, то Вы получите из него сочный колос пшеницы; если Вы посадите зерно пшеницы в совершенно неплодородную, каменистую почву, то Вы либо вообще ничего не получите, либо получите очень испорченный колос пшеницы. В любом случае Вы имеете дело с зерном пшеницы.

Давайте мы теперь скажем нечто другое вместо зерна пшеницы. Давайте скажем вместо зерна пшеницы «идею свободного человечества», о которой так много говорят

сегодня; «идея свободного человечества» является «идеей свободного человечества», скажут многие. Так же как говорят: зерно пшеницы является зерном пшеницы. Существует некое различие, развивается ли «идея свободного человечества» в сердце, в душе - точно такая же идея с таким же обоснованием -, где это сердце и эта душа являются плодородной почвой или «идея свободного человечества» развивается в голове Вудро Вильсона! Так же мало как зерно пшеницы сможет развиваться, если его посадят в каменистую почву или вообще в скалах, так ничего не значат все так называемые прекрасные идеи, встречающиеся в программах Вудро Вильсона, если они пришли из этой головы. Однако это является чем-то, что современному человечеству так бесконечно трудно понять, поскольку современное человечество как раз придерживается воззрения: человек следует содержанию программ, содержанию идей. Но содержание программ, содержание идей имеют настолько же мало значения, насколько мало имеет значение сила прорастания зерна, до того как это зерно пшеницы будет посажено в плодородную именно для пшеницы почву.

Реально мыслить, вот то, что так невероятно необходимо делать человечеству. И с нереальным мышлением современности связано ещё нечто иное, связано то, что человечество изумляют почти все события. Можно уже поднять вопрос: что же не удивляло человечество в последние годы? - Оно удивлялось всему, и дальше будет удивляться ещё больше, чем оно уже удивилось. Но человечество не вступает в какие-либо отношения с тем, что является действующим в мире. Поэтому также сегодня невозможно привести человечество к какому-либо предвидению касательно каких-либо вещей

Когда работают с простыми идеями, тогда могут обосновать всё со всех сторон посредством всего. Когда работают с простым содержанием идей, тогда действительно могут обосновать всё при помощи всего. Также это является чем-то, что по существу необходимо понимать всё больше и больше, всё глубже и глубже, но что не хотят понять.

Обычно, когда говорят о таких вещах и приводят примеры, не находят правильного понимания, потому что эти примеры воспринимаются слишком гротескными. Но такие вещи, которые проявляются в таких гротескных примерах, со свистом проносятся через нашу сегодняшнюю душевную и духовную жизнь. Я знаю, что очень многие выслушают, возможно, с затаённым гневом, когда я приведу Вам в качестве примера одну весьма странную идею. Я хочу привести очень странную идею.

Так один профессор университета, пожилой, уважаемый профессор университета, столкнулся с фактом, что Гёте за свою долгую жизнь имел склонность к различным женщинам. Итак, с этим столкнулся профессор университета, поставивший себе задачу основательно изучить жизнь Гёте и жизнь, связанных с ним индивидуальностей. И посмотрите, несмотря на то, что он не является профессором европейского университета, поставив себе эту задачу, он естественно подошёл к работе при этом исследовании так основательно, как обычно подходят к работе только профессора университетов Центральной Европы: он рассмотрел по порядку в своей душе всю галерею личностей женщин в их отношении к Гёте. И что же он обнаружил? Я могу привести Вам это почти дословно. Он обнаружил: в жизни Гёте о каждой женщине, которую он любил, можно сказать, что для Гёте каждая из них была своего рода Бельгией, относительно которой он нарушал нейтралитет, а затем вздыхал о том, что его сердце истекало кровью, когда ему нужно было нападать на сияющую невинность. Но он также не забывал каждый раз снова утверждать, подобно немецкому канцлеру, что область нарушенного нейтралитета

заслуживала лучшей судьбы, но что он, Гёте, не мог иначе, потому что его предназначение, права его духовной жизни обязывали его приносить возлюбленную в жертву, даже обязывали приносить боль его собственного сердца в жертву на алтарь долга перед его собственным бессмертным «Я».

Что ж, я мог бы здесь привести Вам ещё много странных идей из этой книги. Вы можете спросить: для чего? Но для этого уже существуют основательные причины, потому что такого рода идеи Вы сегодня найдёте рассеянными повсюду на земле. Они являются такими, идеи сегодняшнего человечества. И не просто так такие идеи обнаруживаются там, где выступает экстракт человеческого мышления, потому что это воззрение представлено Сантаяной, профессором Гарвардского университета в Америке, очень уважаемым испанцем, но полностью американизировавшем себя, чья книга была написана во время этой катастрофы человечества, а предисловие для французского издания написал Бутру, который незадолго до войны из Гейдельберга прочёл великий панегирик немецкой философии. Эта книга называется: «L'erreur de la philosophie allemande» («Самомнение в немецкой философии») и поистине является не случайной книгой, а абсолютно характерной для мышления современности, потому что в действительности с той же лёгкостью, с какой профессор Сантаяна сравнивает нарушение нейтралитета Бельгии с поступками Гёте в отношении различных женщин, это человечество соединяет вещи, находящиеся далеко-далеко друг от друга. Потому что такой способ мышления выступает Вам навстречу во всех областях так называемой сегодняшней науки, если Вы умеете наблюдать по-настоящему.

Задачей тех духовных импульсов, которым посвящена наша антропософски ориентированная духовная наука, является борьба с тремя основными недугами в современной так называемой культуре человечества. Первый основной недуг обнаруживается в области мышления, второй — в области чувства и третий — в области воли.

В области мышления постепенно пришли к тому, что люди могут мыслить только так, как протекает то мышление, которое тесно связано с физическим мозгом. Но такое мышление, которое тесно связано с физическим мозгом, оно не стремится вознестись в свободный полёт к спиритуальному, оно под гнётом всех обстоятельств обречено стать узкомыслящим, стать ограниченным. И самым значительным отличительным признаком в особенности современного научного мышления является узость мышления, ограниченность. Конечно, в области ограниченного, узкого мышления можно многое выполнить. К примеру, это делает современное естествознание. Но для естествознания, каким его мыслят сегодня, не требуется гениальности. Итак: узость мышления, ограниченность, они являются тем, с чем необходимо бороться главным образом в интеллектуальной области. Сегодня я хочу в большей степени сделать наброски, эти вещи мы будем обсуждать более подробно.

В области чувства речь идёт о том, что человечество постепенно пришло к определённому филистёрству — иначе это назвать невозможно — мелочность, филистёрство, ограниченность в определённых узко ограниченных кругах. Самый важный отличительный признак филистёра заключается в том, что он не может интересоваться великими мировыми взаимосвязями. Мыслящий стереотипами политик всегда является филистёром. Естественно в области духовной науки это не может быть достаточным, потому что здесь невозможно ограничиваться самым узким кругом вопросов. Также интересуясь взвешанным, необходимо интересоваться очень широким кругом вопросов. А

людей же раздражает, когда кто-то даже просто делает вид, что стремится нечто узнать о таком широком круге вопросов как Луна, Солнце, Сатурн. Но филистёрство должно отступить во всех областях нефилистёрства, если духовная наука должна распространиться. Иногда это бывает неудобным, потому что это требует открытого противопоставления себя вещам, и по большей степени свободного от предрассудков противопоставления себя вещам.

В последнее время однажды именно на нашей почве произошло нечто очень забавное; но я принял меры предосторожности, и ничего плохого не случилось, а только могло бы случиться! Вы, вероятно, помните о том, что ещё на прошлогодней лекции в Цюрихе, среди различных примеров того, как из самого естествознания может вырасти некий вид преодоления дарвинизма, я указывал на замечательную книгу Оскара Гертвига «Das Werden der Organismen» («Происхождение организмов»). Здесь и повсюду, где я только находил возможность, я указывал на эту замечательную книгу. Собственно говоря, вскоре после этой книги была издана небольшая книжка, в которой тот же Оскар Гертвиг говорит о социальной, этической и политической жизни, и я уже подумал про себя: здесь может случиться так, что отдельные члены нашего Общества, слышавшие, как я говорил, что книга Оскара Гертвига замечательна, теперь думают, что я считаю этого Оскара Гертвига непогрешимым авторитетом. Эта книга, изданная Оскаром Гертвигом второй, является книгой, которая никуда не годится, книгой, которая исходит от человека, который в той области, о которой идёт речь, в области социальной, этической, политической жизни не может сформулировать абсолютно ни одной правильной мысли. Я уже боялся, что отдельные члены нашего Общества могли бы теперь посчитать, что также и эта книга могла бы иметь какую-либо ценность, потому что исходит от того же Оскара Гертвига. То есть поэтому мне пришлось быть предусмотрительным, и также повсюду, где я до сих пор имел возможность, использовать её для того, чтобы обратить внимание на то, что вторую книгу того же автора, который написал замечательную естественно-научную книгу, я считаю совершенно бесплодной, безрассудной ерундой, написанной человеком, у которого вообще нет потенциала, чтобы говорить о вещах, о которых он там говорит. Наша антропософски ориентированная наука не позволяет удобно делать выводы об одном из другого, не сопоставляя каждый раз заново и свободно от предрассудков факты. Она как раз действительно требует от людей проверки конкретики в отношении каждого отдельного случая. Филистёрство является чем-то, что исчезнет, когда распространятся импульсы духовной науки. Это, что касается области чувства.

А в области воли, там находится то, что особенно в новейшее время в самом широком смысле захватило человечество, и что я не могу всё же обозначить иначе как неумелость. Из-за ограниченности того, чему учат в узких кругах, сегодняшней человек, как правило, умеет многое в узком кругу, но он довольно неумел в отношении всего, что находится за пределами этого круга. Сегодня можно познакомиться с мужчинами, не умеющими пришить себе пуговицу от брюк! Неумелость за пределами самого узкого круга, это является тем, что в особенности распространено в области воли.

Тот, кто сейчас не просто с абстрактными мыслями, а со всей душой пребывает с тем, что здесь называют духовной наукой, тот увидит, что эта духовная наука входит в умелость рук, что она делает человека более искусным, что она делает его пригодным для того, чтобы действительно в свою очередь распространить свой интерес на более широкий круг, распространить свою волю на более широкий мир. Конечно, именно в отношении неумелости духовная наука ещё слишком слаба, но чем сильнее мы усвоим её, тем больше она будет бороться с неумелостью.

Итак, при сегодняшнем восприятии духовной науки, я хотел бы сказать, как триединство противостоит ей: узость мышления в интеллектуальной области, филистёрство, означающее мелочность, в области чувства, неумелость в области воли. Сегодня человек любит их троих, даже если это не осознаётся полностью. Во всём мире не любят ничего так сильно, как неумелость, филистёрство и узость мышления. И если человек любит этих троих, то он не может с лёгкостью продвинуться вперёд к тем великим аспектам, к которым человечество должно продвинуться: к тем аспектам, которые исходят от имён Ариман и Люцифер. И именно здесь необходимо понять нечто важное в наше время, потому что в наше время среди различных иных вещей также происходит очень важный переход от люциферического к ариманическому. И так как этот переход обнаруживается не просто где-нибудь ещё, а также уже прямо здесь в Швейцарии, то также можно говорить о нём здесь. Возможно, в этой области здесь первое приобрело меньшее значение именно благодаря швейцарским обычаям, но второе, оно имеет все шансы именно на этой почве приобрести большое значение. Как раз в отношении определённых вещей человечество находится на переходе от люциферических пороков к ариманическим, от люциферических контримпульсов в отношении развития человечества к ариманическим контримпульсам.

Определённые импульсы, действовавшие в прежнее время в системе воспитания, несли исключительно люциферические свойства. В системе воспитания — мы все знаем это очень хорошо, когда были юными, за исключением самых молодых из нас — считались с честолюбием и тщеславием. То есть — возможно здесь в Швейцарии это происходило в меньшей степени, но в мире обычно имело место довольно сильно — действительно считались с честолюбием и тщеславием, с системой орденов и титулов и так далее! Вся карьера многих людей строилась на этих люциферических импульсах тщеславия, честолюбия, большей значимости чем у другого человека и так далее! Попробуйте вспомнить, как система воспитания ещё строилась на этих люциферических импульсах.

В настоящее время стремятся на место этих люциферических импульсов поставить ариманические. Сегодня они облакаются в милые слова «экзамены на одарённость». В ариманической области стремятся к тому, что в люциферической области пульсировало в честолюбии и тщеславии уже у ребёнка. Сегодня стремятся к тому, чтобы обнаружить при помощи теста на одарённость тех, кто уже может быть по сути наилучшим в классе; из которых снова должны выдвинуть отдельных людей. Затем вместе с этими экзаменами на одарённость задают экзамены на интеллект, экзамены на память, экзамены на сообразительность и так далее. И это является чем-то, к чему склад швейцарского характера имеет очень большую предрасположенность. И даже когда люциферическое здесь играло меньшую роль, это ариманическое, оно обнаруживалось уже в очень милых зачатках: понимание этих экзаменов на одарённость. Потому что ведь эти экзамены на одарённость исходят от интеллекта, от науки, от современной научной психологии. Здесь, например, садятся те, чью одарённость желают проэкзаменовать, и им описывают: убийца — зеркало — жертва убийцы.

Теперь они сидят, эти бедные агнцы, здесь перед тремя словами: «убийца, зеркало и жертва убийцы» и должны отыскать связующие элементы. Один ребёнок находит следующее: убийца подкрадывается к своей жертве, но у жертвы есть зеркало, и в нём как раз отражается убийца, и тогда жертва ещё может спастись. - Так считает первый ребёнок. Сообразительность приводит его к тому, чтобы таким образом соединить эти три слова.

Теперь приходит другой: убийца подкрадывается к жертве, видит себя в зеркале; тогда ему его лицо кажется лицом кого-то, у кого совесть нечиста, и убийца отступает от своей жертвы, потому что он видит своё лицо в зеркале. - Так считает второй ребёнок.

Третий ребёнок составляет иную комбинацию: убийца подкрадывается. Этот убийца обнаруживает зеркало. Он врзается в зеркало; зеркало падает на пол, раздаётся ужасный шум и грохот. Жертва убийцы обращает внимание на грохот и может в нужный момент вооружиться против убийцы.

Последний ребёнок является самым одарённым! Первый ребёнок обнаружил только самую близкую комбинацию идей, второй — близлежащие моральные вещи, а третий ребёнок отыскал очень сложную связь идей. Он является самым одарённым! Во всяком случае, это уже так кажется. Конечно же, если хотят представить это вкратце, то необходимо представлять всё в его немного своеобразной сущности. Но так будут в ближайшее время проверять одарённость детей, чтобы выявить самых одарённых.

В одном можно быть уверенным: если бы те люди, которые изобретают эти методы, задумались, какими являются те великие люди, которых они почитают, такие как Гельмгольц, Ньютон и так далее, то они должны были бы сказать, что при этих экзаменах на одарённость их всех вообще посчитали бы самыми бездарными малышами! - Ничего бы не обнаружилось. Потому что Гельмгольц, которого сегодня люди, составляющие здесь эти экзамены на одарённость, безусловно считают великим физиком, страдал гидроцефалией и в юности был совершенно бездарен.

Что же там стремятся проэкзаменовать? Просто внешний организм, исключительно то, что рассматривается как физический инструмент человека, чисто ариманическое в человеческой природе! Если когда-нибудь плоды таких экзаменов на одарённость в человечестве будут иметь какое-то значение, тогда поднимутся ещё более отвратительные мыслеобразы, чем те, которые привели к сегодняшней катастрофе человечества. Однако если сегодня людям говорят о том, что, вероятно, только через сотню лет может привести к катастрофическим событиям, то это людям не интересно. Но сейчас мы живём на этом переходе от люциферической системы воспитания к ариманической системе, и нам необходимо принадлежать к тем, кто умеет принимать во внимание такие вещи.

То, что является действенной силой для будущего, людям необходимо преобразовать в силы настоящего. Так как то, что требуется от нас сегодня: настоящее, подлинное, непредубеждённое противопоставление себя тому, что является конкретной, непосредственной действительностью.

Внутри могут пережить совершенно особый опыт. Не знаю, упоминал ли я здесь уже опыт, который весьма интересен. Существуют книги Вудро Вильсона, одна книга о свободе, и другая под названием «Nur Literatur» («Только литература»), которыми многие восхищались, и даже сегодня ещё многие восхищаются. В одной книге, называющейся «Nur Literatur», представлено интересное эссе, написанное Вудро Вильсоном об историческом развитии Америки. Кроме того, также представлены интересные эссе Вудро Вильсона с дальнейшими историческими аспектами. Когда я читал эти книги, я пережил интересный опыт. В этих книгах обнаруживаются отдельные предложения, показавшиеся мне необычайно знакомыми, и которые определённо не были откуда-то списаны; но они всё же показались мне чрезвычайно знакомыми. И очень скоро я пришёл к тому, что эти предложения, которые стояли у Вудро Вильсона, с таким же успехом могли бы стоять у Германа Гримма, да, что некоторые из этих фраз вообще дословно стоят у Германа

Гримма. Я люблю Германа Гримма; Вудро Вильсона, как Вы хорошо знаете, я совсем не люблю. Но всё же поэтому я не могу умолчать о том объективном факте, что в отношении содержания предложений можно было бы просто перенести предложения в лекциях и статьях Германа Гримма и вставить в статьи Вудро Вильсона, и наоборот, можно было бы предложения Вудро Вильсона перенести в работы Германа Гримма. Потому что оба повторяют одно и то же в простой и обыкновенной формулировке. Но в настоящее время необходимо выучить следующее: если двое говорят одно и то же, то оно не является одним и тем же! Так как имеет место интересный факт: предложения Германа Гримма завоёваны лично им, достигались, шаг за шагом достигались душой. Совершенно аналогичные предложения Вудро Вильсона проистекают из своеобразной одержимости. Человек становится одержимым подсознательным «Я», которое поднимает эти предложения вверх в сознательную жизнь.

Кто может оценить такие вещи, тот приходит к тому, о чём здесь идёт речь: зерно пшеницы есть зерно пшеницы; но есть разница, сажают ли зерно пшеницы в ту или иную почву. Существует разница, обладает ли некто идеей так сильно как своей собственной, что он завоёвывал её часть за частью на своём собственном, очень личном пути, или некто обладает идеей потому, что подсознательное сделало его одержимым собой, подсознательным: здесь всё звучит из одержимого подсознательным, из сознания, которое одержимо подсознательным. То есть сегодня уже важно понимать: важно не содержание мыслей, не содержание программ, а важна живая жизнь, которую проживает человечество.

Можно преподавать материалистическую философию, можно преподавать просто философию мысли, можно преподавать просто материалистическое естествознание, можно быть заслуженным европейским учёным, гордостью университета и наряду с этим добропорядочным гражданином: такой тип является не таким уж редким, не правда ли? Повсюду можно найти их, гордость и светила науки, в то же время являющихся совершенно безупречными, добропорядочными гражданами! Возможно, это очень хорошо. Но давайте возьмём какую-либо определённую идею, например, борьбу за существование, чтобы назвать некую тривиальную идею, или идею, представленную даже более сдержанными людьми вроде Оскара Гертвига, или идеи, представленные Спенсером или Миллем или Бутру и Бергсоном, они абсолютно не стремятся продвинуться вперёд к спиритуальной жизни, а остаются просто вместе с философией мысли — но даже больше: давайте возьмём то, чем эти материалистические естественно-научные идеи являются, давайте возьмём эти идеи — несомненно, они могут вырасти в головах добропорядочных граждан; прекрасно, зерно пшеницы является зерном пшеницы, но всё же есть разница, растёт ли зерно пшеницы в плодотворной для пшеницы почве или в каменистой почве, и существует разница, растёт ли одна и та же естественно-научная идея, которую могут достичь в Европе в качестве гордости естествознания и ценить в университете, растёт ли она в головах преподавателей университета, или она растёт в голове человека, у которого есть брат, который уже в молодости, в конце 80-х годов, считался светилом естествознания в петербургской лаборатории, который наполнен плодотворными химическими идеями, награждён особой медалью, и уже в молодости глубоко уважаем всеми, кто с ним работал - и этого брата внезапно больше нет! Только что награждён начальством университета, и внезапно его больше нет! Потом его коллеги окольными путями узнали, что его тем временем казнили через повешение, потому что он принимал участие в заговоре против Александра III, реакционера. Такие факты как вспышки света освещают вещи, разыгрывающиеся в настоящее время. Собственно говоря, есть разница,

приходит ли одна и та же идея в голову добропорядочному профессору университета из Западной Европы или в голову брата того человека, которого повесили при таких обстоятельствах. Если она приходит в голову этого брата, то этот брат превращается в некоего Ленина — потому что братом этого повешенного является Ленин — и тогда та же самая идея становится побудительной силой всего, что сейчас Вы видите появляющимся в Восточной Европе.

Идея является идеей, как и зерно пшеницы является зерном пшеницы, но необходимо познать, является ли нечто одной и той же идеей и теперь появляется, смотря по обстоятельствам, в голове университетского профессора или в голове брата некогда повешенного. Необходимо обладать волей заглянуть в те подосновы бытия, где действительно заложены импульсы событий. И необходимо обладать мужеством отклонить все пустые слова в программах и идеях учёных, полагающих, что когда они представляют то или это, то это имеет некое значение. Могут представлять содержание того или этого; однако имеет значение то, в какой области деятельной жизни - это представлено, также как имеет значение, в какую область упадёт зерно пшеницы, в плодородную или в неплодородную почву. Путь от абстракции, в сегодняшних серьёзных обстоятельствах повсеместно ведущей к иллюзии или к хаосу, к действительности, которую можно обрести только лишь в спиритуальности, этот путь человечеству необходимо искать во всех областях. И если это продлится ещё очень долго: только на этом пути человечество может обрести спасение и благословение в отношении сегодняшнего беспорядка.

Вот то, что мы должны были бы записать в наших сердцах, в чём мы должны объединиться. Вот то, что мы должны были бы серьёзно приветствовать: это знание, принадлежности к тому, что должно исцелить недуги человечества. Их можно исцелить, но не следует стремиться излечить их при помощи шарлатанства. Их необходимо исцелить при помощи того, отсутствие чего как раз и привело человечество к хаосу.

Ленинизм никогда не смог бы утвердиться на Востоке, если бы на Западе не преподавали материалистическую науку, которая иногда вообще не считает себя материалистичной. Потому что то, что творится на Востоке, является непосредственно детищем материалистической науки. Ребёнок-уродец зародился благодаря Карлу Марксу. Настоящее детище материалистической науки уже существует на Востоке. Но необходимо иметь волю по-настоящему взглянуть на все эти вещи.

Это, мои дорогие друзья, является в определённой степени той подосновой, на которой, хотел бы я теперь сказать, набирает высоту наше здание. И отдельные люди здесь при этом здании, они работают и мыслят над зданием действительно совершенно в стороне от идей, движущих сегодня человечеством на очень многих территориях. Можно представить себе, что там вовне на других территориях существует множество людей, считающих там, что здесь живут люди, отделившие себя от того, что сегодня движет миром, и как люди полагают должны были бы вести себя также как другие. Можно было бы представить себе, что эти люди укоризненно взирают на это место. Тем, кто находится при этом здании всем сердцем и всей душой, нет необходимости упрекать себя. Потому что пусть это здание вообще не сможет выполнить свою задачу, пусть это здание абсолютно не сможет достичь своей цели: но то, что над этим зданием работают, и исходя из чего работают те, кто преданно трудится над этим зданием, это является тем, что важнее всего в настоящее время, это является тем, что должно вывести современное человечество из всего того, во что оно зашло. И если люди вовне думают: здесь люди

работают в стороне от задач современного человечества, - то этим людям можно сказать: здесь работают именно ради самого важного в настоящее время, самого существенного, с чем другие ещё просто не знакомы, о чём другие ещё не знают. Но от чего как раз будет зависеть то, что люди захотят узнать нечто о том, что здесь происходит.

Следует ещё раз подчеркнуть: важно не то, достигнет ли это здание своей цели — хотя было бы замечательно, если бы оно достигло своей цели —, а важно то, что трудились над этим зданием исходя из определённых идей, что люди встретились друг с другом ради работы над этим зданием. И не содержание этих идей, а тот способ, которым живут эти идеи, это является тем, чем являются эти импульсы в человечестве для будущего, в то время как то, во что многие верят сегодня, является не чем иным как идеями прошлого времени, направляющимися к могиле, превращающимися в упадок, созревшими для упадка. Об этом мы хотим поговорить далее завтра.

Лекция вторая Дорнах,

18 августа 1918 г.

Сегодня я хотел бы начать с того, чтобы дать некоего рода эскиз человеческой души, каким образом эта человеческая душа находится в отношении к миру и к себе самой. Я хотел бы остановиться на этом эскизе так, чтобы можно было сказать примерно следующее: мы рассмотрим человека как душевное существо в профиль. То есть, чтобы мы поняли друг друга: как если бы мы рассматривали физического человека — не душевное существо — так, что перед нами находился бы не его анфас, а профиль, пусть его взгляд будет направлен вправо. Давайте рассмотрим его один раз таким образом.

Илл. 1

Естественно, когда мы пытаемся набросать что-то таким эскизным способом, нам необходимо всегда ясно понимать, что мы имеем дело с имажинативным познанием, то есть что реальность, стоящая позади такой вещи, представлена посредством образа. Образ указывает на эту вещь, а также этот образ создают так, чтобы он правильным способом указывал на эту вещь. Но конечно не следует думать о рисунке, эскизе, который должен представлять душевно-духовное так, будто представляют себе нечто, что естественным образом копирует внешнюю чувственную реальность. То, что я сейчас сказал, необходимо постоянно держать в своём сознании. Итак, я пропущу всё, что касается физического и низшего эфирного организма человека, и попытаюсь сделать эскиз только душевного, душевно-духовного (см. рисунок (илл. 1)).

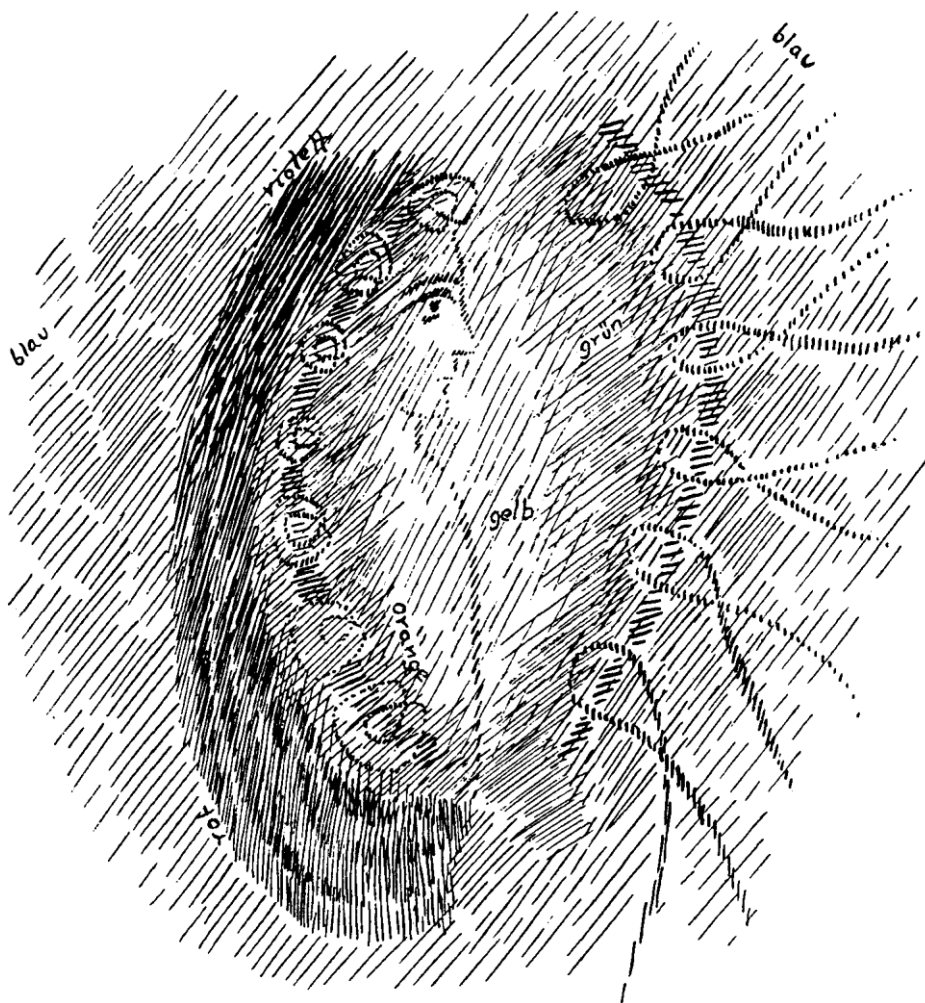
Как Вы знаете из различных данных ранее описаний, это душевно-духовное находится в более непосредственной взаимосвязи с душевно-духовным окружающим миром, чем физический человек с физическим окружением. В отношении физически-чувственного окружения физический человек является достаточно замкнутым существом. Можно было бы сказать: этот физически-чувственный человек действительно является даже реально замкнутым в своей коже. - Но с тем, что можно назвать духовно-душевно-духовным человеком происходит не так; здесь необходимо представить себе непрерывный переход в потоках, пульсирующих в душевно-духовных глубинах человека, и во всех движениях и потоках, существующих во всеобщем, всеохватывающем духовно-душевно-духовном мире.

Если бы теперь я захотел с одной стороны охарактеризовать, каким является это отношение человеческого духовно-душевно-духовного к духовно-душевно-духовному во всемирном окружении, то вероятно мне пришлось бы сделать это следующим способом. Сначала я должен был бы то, что приходит из Вселенной, то есть из бесконечного пространства духовно-душевно-духовным образом, нарисовать в таком виде. В действительности я должен был бы зарисовать так всё пространство, но в этом нет необходимости, я нарисую только то, что изначально является окружающей средой человека. Итак, это является теперь тем, что нужно понимать в качестве окружающего мира (см. рисунок (илл. 2), синий цвет). То есть представьте себе в душевно-душевно-духовной образности то, во что помещён человек. Человека сейчас ещё нет, а есть только то, что примыкает из окружающей среды, обозначенное этим синим цветом. Представьте себе это как волнующееся в себе синее море, но заполняющее это пространство. Когда я говорю: синее море — это естественно нужно понимать так, как я это часто характеризовал в имеющихся у Вас книгах, так как цвета необходимо понимать в качестве обозначения ауры, душевно-душевно-духовного.

Проникнутым текучим, хотел бы я сказать, или парящим, как бы несущим волну, является другое духовно-душевно-духовное. Оно является тем, что мне теперь придётся представить примерно следующим образом. Итак, мы можем, если перейдём от всеохватывающего окружающего мира к человеку, представить себе и человеческое духовно-душевно-духовное примерно как парящее в этом красном цвете. Изначально здесь у нас была бы одна часть духовно-душевно-духовного; если бы мы стремились сделать эскиз примерно соответствующий действительности, то нам нужно было бы только в его верхней части нарисовать красный цвет слегка переходящий в фиолетовый, в лиловый. Это было бы правильно только тогда, когда здесь наверху красный цвет приглушался бы фиолетовым.

Таким образом я изначально дал Вам, хотел бы я сказать, один полюс духовно-душевно-духовного у человека. Когда мы присоединяем то, что здесь во всемирном духовно-душевно-духовном дополняется в отношении физического человеческого облика и относится к

текуче-парящему, то получаем примерно следующим образом другой полюс: жёлтый цвет, зелёный цвет, оранжевый цвет; зелёный ещё уходит в синий цвет.

Илл. 2

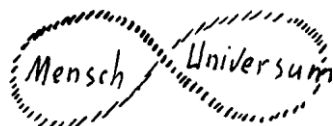
blau — синий цвет, rot — красный цвет, violett — фиолетовый цвет, grün — зелёный цвет, gelb — жёлтый цвет, orange — оранжевый цвет.

Таким образом, Вы видите, хотел бы я сказать, нормальную ауру человека в профиль, то есть с правой стороны. Я скажу прямо: нормальная аура, видимая с правой стороны. То, что предстало бы взору таким образом, что взор увидел бы перед собой именно эту фигуру, это характеризует расположение человека в его духовно-душевном окружении. Но это также характеризует положение человека, духовно-душевного в человеке к себе самому. Когда изучают именно то, что представлено посредством этой фигуры, то можно действительно увидеть, как человек является существом, ограниченным с двух сторон. Эти две стороны, благодаря которым человек является ограниченным существом, их замечают в жизни; только их не объясняют правильным образом, их не рассматривают правильным образом, их как минимум не понимают. Вы, конечно, знаете, что во внешнем естествознании говорят о том, что человек, когда он смотрит на мир, когда он желает добиться знаний о мире, при помощи науки и познания подходит к определённым

границам. Мы часто говорили об этих границах, об этом знаменитом «Ignorabimus» - мы никогда не узнаем — который выставляется как довод со стороны естествоиспытателей, со стороны некоторых философов. Говорят, что человек действительно подходит к определённым границам своего познания, своего взирания на внешний мир. Я, вероятно, даже уже приводил Вам известное высказывание, произнесённое Дюбуа-Реймоном на Лейпцигском собрании естествоиспытателей в семидесятых годах: Дюбуа-Реймон сказал тогда примерно так: в те области, в которых обитает материя, человеческое познание никогда не проникнет.

Об этих границах познания человека говорили бы правильнее, если бы сказали следующее: человек вынужден, когда он наблюдает мир, устанавливать себе определённые понятия, сквозь которые он не проникнет при помощи своего естественно-научного познания, и даже при помощи привычного философского познания. Вам нужно только подумать о таких рассуждениях как понятие атома. Естествознание говорит об атоме. Но, естественно, этот атом имеет смысл только тогда, когда на самом деле не могут сказать, не могут говорить о том, чем является атом; потому что в тот момент, когда начали бы описывать атом, атома бы больше не было. Он является совершенно недостижимым. И таким образом он сам уже на самом деле является материей, веществом. Необходимо устанавливать определённые понятия, к которым нельзя приближаться. Так происходит с познанием внешнего мира. Необходимо устанавливать такие понятия как материя, сила и так далее, к которым нельзя приближаться.

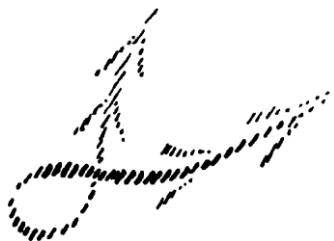
Необходимость устанавливать такие понятия, основывается на том, что то сияющее в глубине человека духовно-душевное здесь распространяется вовне во тьму. То, что там заявляется как граница познания, можно рассмотреть по-настоящему правильно, я хотел бы сказать, в виде ауры. Здесь заложена граница для человека. То существо, которым является он сам, здесь представлено тем, что я в виде ауры изобразил как светло-зелёный переходящий в сине-фиолетовый (см. рисунок (илл. 2)). Но когда он (цвет) переходит в сине-фиолетовый, он больше не является человеком, там он является элементом всемирного окружения. Там человек вместе со своим существом, являющимся внутренней силой его созерцания мира, достигает границы, там он достигает в некотором роде ничто, и там ему необходимо установить такие понятия как материя, атом, вещество, сила, у которых нет содержания. Это находится в человеческой организации, это находится во взаимосвязи человека со всем Космосом. Там действительно происходит соединение человека с Космосом. Если описать эту границу там в смысле духовно-научного представления, то можно сделать это, сказав: эта граница позволяет человеку в отношении своей души прийти в соприкосновение с Вселенной. - Если направление к Вселенной описать одной петлёй лемнискаты, тогда то, что относится к человеку, можно описать другой петлёй; то, что исходит из человека, входит прямо во Вселенную, в бесконечное.

Mensch — человек, Universum — Вселенная

Илл. 3

Следовательно, нужно с одной стороны линию петли, лемнискату, оставить открытой, а с другой стороны закрыть, и тогда нужно нарисовать линию петли таким образом: здесь линия петли закрыта, а здесь она уходит в бесконечное. Это та же самая линия, которую я нарисовал там, только здесь эта сторона уходит в бесконечное.

Илл. 4

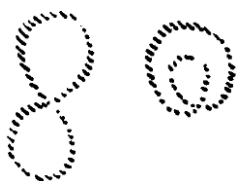
То, что я нарисовал здесь таким образом как открытую лемнискату, как открытую линию петли, это не просто нечто надуманное, это является чем-то, что Вы действительно можете увидеть как входящие и выходящие молнии в плавном, но очень медленном движении в качестве выражения отношения человека к Вселенной. Эти потоки Вселенной непрерывно приближаются к человеку; он притягивает их, они сплетаются рядом с ним и снова уходят. То есть нечто притекает к человеку, сплетается и снова уходит. Человек пропитан такими принадлежащими Вселенной потоками, задерживающимися здесь перед ним. Благодаря этому, как Вы можете себе представить, человек окружён своего рода волнообразной аурой; эти потоки входят от Вселенной, создают здесь некий круговорот, так сказать, здороваются с человеком, когда они перед ним создают круговорот, так что он здесь окружён своего рода потоком ауры. В основном это является выражением отношения человека к Вселенной, к духовно-душевному окружающему миру.

Но теперь Вы можете то, что действительно ощущаете находящимся в Вашем сознании, найти представленным здесь как синевато-зеленовато-желтоватое, переходящее внутрь к оранжевому. Но здесь оно наталкивается; внутри человеческого душевного этот желтовато-оранжевый цвет наталкивается на то, что раскачивается в синем море в качестве духовно-душевного нижнего человека, низшего человека. То, что я нарисовал красным цветом и в переходе в оранжевый, оно относится к подсознательным частям человека, и также соответствует тем процессам в физическом, которые главным образом разыгрываются как пищеварительная деятельность и тому подобное, в которых сознание не принимает участие. То, что связано с сознанием, оно бы было охарактеризовано в ауре светлыми участками, представленными мной здесь (см. рисунок (илл. 2)).

Илл. 5

Так же как здесь сталкиваются духовно-душевное человека с духовно-душевным окружающего мира, так внутри духовно-душевное человека сталкивается со своим подсознательным — то есть также на самом деле принадлежащим Вселенной. В потоках я должен нарисовать это столкновение так, что одни потоки уходят в бесконечное; у других потоков я должен нарисовать это столкновение внутри человека. В таком случае я тоже должен нарисовать линию петли, но эту я должен нарисовать так, что она переходит внутрь. Обратите внимание: я обязательно рисую линию петли, но я беру нижнюю петлю и меняю её направление так, чтобы линия петли стала такой:

Илл. 6

То есть, я меняю направление нижней петли (см. рисунок, справа). В противоположность к этому (илл. 5), где я направил одну петлю в бесконечное, то есть расширил её в бесконечное, теперь я изменил направление нижней петли. - Тогда благодаря этому я образно обрисовал запруживание, возникающее там, где духовно-душевное здесь внутри встречается с подсознательным, то есть также с всемирным духовно-душевным. Следовательно, это запруживание, возникающее в человеке, если я нарисую его здесь соответствующим образом, я должен охарактеризовать таким образом (семь лемнискат с перевёрнутой петлёй). Это является тем запруживанием, которое соответствует внутренней волне в человеке. Если бы Вы захотели фактически проследить эту внутреннюю волну, то главное направление этой волны — но именно только главное — протекало бы примерно так, что она проходила бы вдоль соприкосновения с, как Вам известно, неправильно названными, но так называемыми чувствительными и двигательными нервами в человеке. Я упоминаю об этом только мимоходом, потому что сегодня хочу главным образом обсудить духовно-душевное этих вещей.

Илл. 7

В этом Вы видите огромную противоположность, существующую в отношении человека к духовно-душевному окружающему миру и к самому себе, к той части,

которую он извлекает из духовно-душевного окружающего мира в качестве своего подсознательного, и которую я здесь должен был нарисовать посредством красноватой волны, плавающей во всеобщем синем море духовно-душевной Вселенной.

Мы говорили, что эта волна здесь (см. рисунок (илл. 2), справа) в некоторой мере соответствует той преграде, на которую наталкивается человек, когда он желает познать внешний мир. Но также и здесь (слева) существует преграда; внутри самого человека существует преграда. Если бы этой преграды не существовало, то Вы бы постоянно смотрели вниз, внутрь Вас. Каждый человек смотрел бы вниз, внутрь себя. Подобно тому как, если бы этой преграды (справа) не существовало, человек смотрел бы во внешний мир, так, если бы этой преграды (слева) не существовало, он смотрел бы вниз внутрь себя. Однако так как человек находится в современном цикле развития, то если бы он посмотрел вниз внутрь себя, то он бы испытал мало радости от этого своего внутреннего, потому что то, что он бы увидел там, является в высшей степени несовершенным, хаотичным, бурлящим волнением внутренней человеческой природы, чем-то, от чего человек не смог бы испытать большой радости; но оно является тем, во что фантазирующие мистики полагают, что могут взирать, когда они говорят о мистике. То, что очень часто фантазирующими мистиками рассматривается в качестве стоящего того, чтобы его добиваться, что главным образом фигурирует в качестве мистики у очень многих таких мистиков — я давал им характеристику в прошлом году -, которые действительно верят, что когда они взирают внутрь себя, то могут познать Вселенную, оно прикрито, по-настоящему прикрито у людей именно этой запруживающей волной. Человек не может смотреть вниз внутрь себя. То, что образуется здесь внутри этого региона (слева), оно запруживается и отражается, может как минимум отразиться обратно в самого себя, а проявлением этого обратного отражения является память, воспоминание. Каждый раз, когда мысль или впечатление, которое Вы восприняли, снова возвращается в воспоминании, то оно приходит обратно потому, что здесь начинает функционировать это запруживание. Если бы у Вас не было этой запруживающей волны, то любое впечатление, полученное Вами извне, любая мысль, постигнутая Вами, проходила бы сквозь Вас, не могла бы остаться в Вас и уходила бы в остальную духовно-душевную Вселенную. Вы задерживаете впечатления, ощущаемые Вами, только потому, что у Вас есть эта запруживающая волна. Но благодаря этому Вы способны, посредством определённых процессов, которые мы уже охарактеризовали, опять получать впечатления обратно. И это выражается в функционировании памяти, в функционировании воспоминания. Следовательно, Вы можете представить себе, что у Вас в себе есть нечто наподобие доски, что здесь нарисовано в профиль — потому что нарисованное в профиль, действительно является такой областью, которая находится в Вас -, здесь отражается то, что не должно проходить насквозь. Когда Вы бодрствуете, то остаётесь объединёнными с внешним миром, в противном случае в бодрствующем состоянии всё проходило бы сквозь Вас. Вы бы в сущности ничего не знали о впечатлениях, Вы бы получали впечатления, но совершенно не могли бы удерживать их.

То есть это является тем, что указывает на воспоминание. И то, что в определённом смысле в качестве поверхности этой запруживающей волны порождает наше воспоминание, прикрывает то, что фантазирующий мистик с радостью хотел бы увидеть в себе. То, что находится там внизу, об этом могли бы сказать: для того, кто действительно знаком с такими вещами, имеют значение слова: человек «и мыслью своей не желай дерзновенно знать тайны, им [Богом] мудро от нас сокровенной»*. - Однако мистики являются фантастами и желают взглянуть туда вниз. Но в любом случае они не могут

этого сделать, потому что они бы настолько продырявили и настолько испортили нормальное сознание, что волна памяти не отразилась бы. То же, что выключает наше воспоминание, что нам настолько необходимо для внешней жизни, оно прикрывает от нас то, что хотели бы видеть фантазирующие мистики, но что человек не должен видеть. Под Вашей памятью, под основанием Вашей памяти, под поверхностью Вашей памяти лежит нечто существенное в человеке. Но точно так же, как задняя стенка зеркала, как покрытие зеркала отражает то, что находится впереди, так то, что находится в Вашем сознании, не проходит там сзади; оно снова отражается и вследствие этого может постоянно находиться там в качестве воспоминания. Таким образом, вообще вся наша жизнь может отражаться в качестве воспоминания. И в сущности то, что мы называем жизнью нашего «Я», является отражением этого воспоминания.

* Цитата из баллады Ф. Шиллера «Кубок», перевод В. Жуковского. - прим. пер.

Итак, Вы видите, что в действительности мы проживаем нашу сознательную жизнь между этой волной здесь (справа) и этой волной (слева). То есть мы были бы шлангами, пропускающими всё сквозь себя, если бы у нас не было этой запруживающей волны, которая лежит в основе воспоминания, и мы взирали бы в тайны за пределами границы воспоминания, если бы не были вынуждены помещать за пределами области чувственно воспринимаемого понятия, в отношении которых у нас больше нет содержания. Если бы мы были организованы так, что мы бы не смогли породить здесь это запруживание, то мы были бы шлангами. Если бы мы были организованы так, что не были бы вынуждены ставить перед собой эти в определённой мере незаполненные понятия, эти неясные понятия, то мы были бы нелюбящими и лишёнными любви существами; мы были бы окаменевшими натурами, высохшими натурами. Нам ничего в мире не могло бы понравиться, мы все были бы мефистофелевскими натурами. То, что мы организованы так, что с помощью абстрактных понятий, с помощью нашей сообразительности мы не можем приблизиться к определённому духовно-душевному в нашем окружении, это порождает то, что мы можем любить. Потому что то, что мы должны любить, к этому мы не должны приближаться так, что мы это в определённом смысле слова анализируем, что мы это раскладываем на части, что мы обращаемся с этим так, как химик в лаборатории обращается с химическими веществами. Человек ведь не любит, когда он химически анализирует или химически синтезирует. Способность воспоминания, способность любви являются теми двумя способностями, которые одновременно соответствуют двум границам человеческой природы. Одна граница внутри соответствует способности воспоминания; то, что лежит за пределами зоны воспоминания, является бессознательным внутренним человека. Другая зона соответствует силе способности любви; то, что лежит за пределами этой зоны, соответствует духовно-душевному Вселенной. То есть бессознательное в человеческой природе лежит за пределами этой зоны, настолько далеко насколько простирается внутреннее человека; из другой зоны духовно-душевное Вселенной уходит вдаль без ограничений.

Следовательно, мы можем говорить о зоне любви, о зоне воспоминания, а то, что является человеческим духовно-душевым, можем включить внутрь этих зон; но вне первой зоны там по ту сторону (см. рисунок (илл. 2), слева) необходимо искать то, что остаётся бессознательным, и что именно благодаря тому, что оно остаётся бессознательным, очень сильно взаимосвязано с человеческой телесностью, телесными функциями. Естественно, в действительности эти вещи не так просты, как могут их представить, потому что всё взаимосвязано. То, что здесь нарисовано красным цветом (см. рисунок (илл. 2)), оно проникает в эти вещи, оно изменяется; и в свою очередь то, что

здесь нарисовано зелёным и синим, оно также изменяется. В действительности все эти вещи проникают друг в друга. Но, несмотря на это, эскизный рисунок верен в самом главном и соответствует фактам.

Но в этом Вы видите, что для физической жизни здесь на земле находится сильное, бессознательное духовное. Здесь (слева) находится бессознательное духовное, в действительности расплывающееся вместе с Вселенной. Эти две части человека очень ясно отличаются друг от друга. Это духовное (в центре), оно соответственно изначально для жизни является тем, что очень тонко соткано. Всё здесь (жёлтое) является, я хотел бы сказать, словно тонко сотканным светом. Если бы мне нужно было указать на человеке, где находится этот тонко сотканный свет, то внутри того, что я сейчас настолько всеобъемлюще описываю, попала бы голова человека. То есть то, что я описал таким образом, что я там нарисовал жёлтым, жёлто-зеленоватым, жёлто-оранжевым по другую сторону, оно является тонко сотканным, если мне позволят так сказать, духовным светом. У него нет сильного сродства с земной материей; у него в меньшей степени присутствует сродство с земной материей. Следовательно, так как у него мало сродства, он также не может хорошо соединиться с материей и таким образом остаётся по большей части несвязанным с материей; этой части предоставляется такая материя, которая в действительности всегда в каждом случае происходит из прошлого воплощения человека. Голова, то, что формирует человеческую голову, силы формирования человеческой головы, это, в сущности, вносится из прежнего воплощения, и там между этим тонко сотканным духовно-душевым и телесным существует лишь слабая связь, оно в действительности удерживается вместе прежним воплощением. На самом деле Вы несёте черты Вашего лица в соответствии с Вашими действиями и качествами в прошлом воплощении. И тот, кто хорошо умеет интерпретировать человека, тот смотрит как раз сквозь черты лица головы, не через то, что исходит из люциферического внутреннего, а в большей степени через согласование с Вселенной. Черты лица необходимо рассматривать так, как если бы они были отпечатаны в человеке. Не настолько сильно, будто они вышли наружу, а необходимо видеть в некоторой мере негатив душевного; это видят в этом негативе лица. Если бы Вы сделали слепок каждого лица, то увидели бы на самом деле черты лица, ужасно сильно раскрывающие то, что Вы сделали в прошлом воплощении. В отличие от этого всё, что я нарисовал на эскизе здесь внизу в качестве лишь связанного с волнующимся морем духовно-душевного мира, то, что следует понимать так, что оно соответствует человеческому подсознательному или бессознательному, сильно связано с телесностью; оно пропитывает телесность. Эта телесность, она настолько связывается с духовным, что духовное вообще не может проявиться как духовное. Следовательно, если бы человек посмотрел вниз, то увидел бы это взаимопроникающее бурление духовного и телесного, которое лежит позади волны воспоминания. Оно является тем, что подготавливает голову следующего воплощения, оно является тем, что желает преобразовать себя в то, что только в будущем получит чёткую материальную форму, будет головой только в следующем воплощении. Потому что голова человека является тем, что шагнуло за пределы масштаба его развития. Следовательно — как Вы помните из прежних лекций, которые я читал, — в действительности голова у человека завершена в своём развитии уже в двадцать семь, двадцать восемь лет. Тогда в форме головы человека уже проявляется чрезмерное образование.

Но остальной человек, он также является головой, как бы странно это ни выглядело; только он ещё не заходит так далеко как голова. Если Вы представите себе человека без головы, тогда то, что останется, также является головой человека, но ещё на очень

отсталой ступени. Когда оно развивается далее, то тоже становится головой, в то время как то, чем Вы обладаете в качестве головы, было остальным организмом в более раннем воплощении. Если затем Вы представите себе то бестелесное, освобождённое от тела, что в Вашем нынешнем организме ещё не является головой, то есть если Вы мысленно отделите голову от нынешнего организма, который станет головой только в следующем воплощении — но этот Ваш организм ведь является отражением, всё физическое является отражением духовного - если Вы вместо этого подумаете о духовном, то есть о том, что в своей внешней форме не продвинулось к человеку: тогда посмотрите на фигуру Люцифера в скульптурной группе на той стороне, там Вы увидите это!

А теперь представьте себе всё это духовно-душевное, которое у Вас удерживается Вашей головой, вставленным в человека, то есть всё то, что является у человека границей, которую он не может пройти, (справа см. рисунок (илл. 2)), втиснуто в человеческую голову: тогда у человека будет не просто такая постаревшая, достойная уважения голова, которая у него и без того уже есть, но у него будет полностью заостренная голова, он будет совершенно полностью окостеневшим, как фигура Аримана на той стороне нашей скульптурной группы.

То есть если Вы представите себе то, что здесь находится под границей воспоминания, излитым над внутренним человека, то Вы получите всё люциферическое. Если Вы представите себе то, что находится (справа) по ту сторону этой запруживающей волны, влитым в человеческую фигуру, то Вы получите ариманическую форму. А человек находится между ними двумя.

То, что я Вам здесь изложил, имеет огромное значение не только для понимания человека, но также имеет огромное значение для понимания духовных процессов в развитии человечества. Человек не поймёт, как христианство и импульс Христа вошли в развитие человечества, если основательно не поймёт эти вещи. Также человек не поймёт, какие функции были у католической церкви, какие функции - у иезуитизма и подобных течений, присутствующих у Востока и Запада, если их не смогут рассматривать во взаимосвязи с этими вещами.

Если мне будет позволено, об этих течениях, которые можно в действительности понять правильно только тогда, когда однажды наглядно представят себе эти основания духовно-душевного человека, о течениях Востока, Запада, иезуитизме, американизме и так далее я расскажу завтра.

Лекция третья Дорнах,

19 августа 1918 г.

Вчера я попытался дать Вам образ душевного человека. То, что мы хотим разобрать сегодня из этого образа душевного человека, должно быть двумя граничными зонами, о которых мы узнали вчера. Первая граничная зона возникает потому, что человек вынужден делать остановку, когда он пытается распознать внешний мир таким каким он изначально предстаёт перед ним воспринимаемым органами чувств. В таком случае естествоиспытатели, философы и так далее говорят о границах познания. Мы знаем, что

этих границ познания на самом деле не существует, но что они в действительности существуют для чувственного, для физического созерцания человека.

Другая граница дана потому, что всё, пребывающее в нашем сознании или вступающее в это сознание, в некоторой степени отсвечивается, отражается во внутренней зоне и благодаря этому может стать воспоминанием. То, что существует у нас в сознании, не уходит вниз в абсолютную глубину той зоны, которая остаётся лишь бессознательной для человека. Мы хотим нарисовать обе эти границы (см. рисунок (илл. 1)), граница воспоминания (слева) и - мы можем назвать её прямо-таки границей способности любить (справа), которая в то же время является границей познания природы. Мы обозначили их тем, что должны были нарисовать здесь (справа) лемнискаты, открытые вовне, а здесь (слева) должны были нарисовать лемнискаты можно сказать искажённо с перевёрнутой петлёй. То есть здесь (справа) в таком случае находится регион внешнего, в который человек больше не может взирать при помощи обычной чувственной способности созерцания, то есть: не воспринимаемое. Здесь (слева) внутри находится граница сознательной жизни, в которую человек не может погрузиться при помощи сознания. Человек со своим сознанием остаётся выше этой границы.

Если бы он нырнул вниз со своими сознательными представлениями, то тогда у него не было бы воспоминания.

Илл. 1

Innen - внутреннее, nicht untertauchen — не погрузиться, Aussen - внешнее, nicht perzipierbar — не воспринимаемо.

Но теперь учитывая эти две границы в отношении жизни душевного человека необходимо сказать нечто совершенно определённое. Если мы вернёмся назад в развитии человечества примерно в VIII век до н.э. - Вы знаете, что четвёртая послеплатоническая эпоха начинается в 747 году до Рождества Христова - если мы пойдём назад далее этого временного пункта в более ранние послеплатонические эпохи, тогда для человека

происходит так, что то, что лежит по ту сторону этой границы, всё же определённым образом ещё действовало в сознании. И как раз на этом основывалось ещё существовавшее в то время ясновидение. В то время из Вселенной внутрь ещё проникали определённые импульсы и проявлялись в качестве атактистических видений. Так что мы можем сказать: это внешнее стало совершенно непроницаемым — сейчас я имею в виду непроницаемым интеллектуально — только с VIII века до Рождества Христова, и становилось всё более и более непроницаемым. - Сейчас мы живём в пятую послееатлантическую эпоху. И оно остаётся непроницаемым. И потому люди сейчас чрезвычайно настаивают, когда беспрестанно заявляют, что человек вообще не может проникнуть в ту «вещь в себе» или как они в таком случае называют то, что лежит по ту сторону этой границы.

В отличие от этого, следует сказать, что всё больше и больше проявляется другая тенденция и будет проявляться всё больше и больше в отношении шестой послееатлантической эпохи. Произойдёт следующее: эта зона здесь (слева) до некоторой степени станет проницаемой. Придёт время, когда из глубины человеческой природы то, что я вчера описывал Вам как бурление, как то, во что человек не должен погружаться — в первую очередь не в том смысле, как этого хотят фантастические мистики, — начиная с шестой послееатлантической эпохи оно из этой области будет стремиться в определённой мере пронизывать всё возможное. Да, это время начнётся уже в пятую послееатлантическую эпоху, в нашу эпоху. Оно будет стремиться пронизать всё возможное. Прежде всего, это будет выражаться вследствие того, что гораздо больше людей, чем сегодня полагают, будут узнавать всё больше и больше из определённых чисто внутренних переживаний, что существуют повторяющиеся земные жизни и тому подобное. Уже сейчас эти вещи, можно было бы сказать, прорываются, но незначительно. Я также здесь уже часто называл имя удивительного человека нашего времени, Отто Вейнингера, особенно известного благодаря своей толстой книге «Пол и характер». Но ещё интереснее та книга, которую издал после его смерти его друг Раппапорт и в которой обнаруживается много чрезвычайно интересного. Большая часть является афоризмами. Вся она носит название «Über die letzten Dinge» («О последних вещах»). Один из этих афоризмов гласит приблизительно следующее: Вейninger утверждает, что будто бы душа человека в жизни до рождения сама по себе принесла определённый страх в отношении развития и поэтому получила стремление забыть эту жизнь и впасть в это забвение, означающее воплощение в теле. - То есть Вейninger полноценно говорит о жизни до рождения, о воплощении в теле; только он в своём сумрачном, пессимистичном взгляде говорит о том, что душа пытается оглушить себя по отношению к своей жизни до рождения, и она ищет это оглушение в воплощении в физическом теле человека.

Но у сегодняшних людей таких непосредственных впечатлений о пути души, конечно, существует ещё больше, и они будут становиться всё более и более многочисленными. У такого человека как Вейninger уже сегодня можно увидеть насколько более тесно, более компактно, хотел бы я сказать, «Я» внутренне охватывает человека. У Вейнингера уже ясно видно, как эта граница становится до некоторой степени проницаемой и там вверху пронизывает всё возможное. Интересно, например, какую запись он сделал о своей собственной смерти. Он совершил самоубийство в раннем возрасте, ещё в двадцать три года. Он сделал целый ряд записей, которые чрезвычайно интересны, потому что они представляют прямо-таки имагинации астрального созерцания. Всё это сочеталось с чертой характера, которая тогда привела его к тому, чтобы однажды в Вене арендовать квартиру в доме, в котором умер Бетховен, и в которой он сразу на следующее утро

покончил с собой в возрасте двадцати трёх лет. И он написал записку о том, что он должен убить себя, потому что боится, что в противном случае его увлечет неопределённое стремление стать убийцей, и он должен будет убить другого человека.

Отчётливо видно, как там в душе чрезвычайно гениального человека бурлят самые ужасные вещи, которые не так просто можно укротить благодаря тому, что находится в сознании, потому что там из этого подсознания бурлит вверх очень многое. Вы поймёте, что уже с определённым правом можно указать на то, что обычной рассудительности, которую человек может развить сейчас, недостаточно, чтобы познать то, что там поднимается вверх из неизвестной глубины. Потому что оно не должно было бы подниматься вверх, оно должно было бы оставаться там внизу, но оно всё же будет подниматься. Так же как до 747 года до Рождества Христова нечто входило извне, так впоследствии нечто будет подниматься изнутри. Благодаря тому, чего человек будет достигать в привычной, нормальной рассудительности, не смогут укротить это, совершенно не смогут укротить. Потому что человеку будет нужно как раз то понимание мира, которое можно приобрести благодаря духовной науке. Оно станет гармонией, внутренняя устойчивость, внутренняя основательность смогут проникнуть в душевную жизнь человека только тогда, когда человек будет стремиться упорядочить, гармонизировать эту душевную жизнь благодаря тому, что можно достичь исходя из познания духа. То есть развитие человечества устремляется из состояния, в котором от внешнего мира воспринималось больше, чем воспринимается сейчас, и это развитие человечества стремится к состоянию, в котором из внутренних глубин человека будет всплывать наверх больше, чем сегодня всплывает в нормальном состоянии.

Эти вещи, о которых я сейчас говорю, они на самом деле очень хорошо известны в кругах посвящённых и тут и там. О том древнем познании, которое было доступно человеку вплоть до VIII века до Рождества Христова, говорит ещё вся ближневосточная духовная жизнь, вся азиатская духовная жизнь. Да, об этом говорит не только духовная жизнь, об этом по сути говорит вся азиатская культура. Отсюда приходит то, что на самом деле европейцу так трудно понять, когда сегодня житель Востока, житель азиатского Востока говорит о своей культуре. Потому что, если желают понять этих людей, то необходимо уже освоить иной образ формирования представлений и мыслей. Сейчас, например, очень многим людям оказалось бы очень интересным проследить нечто задающее тон в речи, которую Рабиндранат Тагор, индиец, произнёс о духе Японии. Вам известно: Тагор является индийцем, награждённым Нобелевской премией. Он читал лекцию о духе Японии. Не столь важно, что именно он говорит о духе Японии, а более важен тот дух, исходя из которого он говорит, дух сегодняшнего жителя Востока, который можно понять только тогда, когда знают, что в жителях Востока ещё осталось нечто от того восхождения, вхождения внешнего мира, которые сегодня не ощутимы. Для большинства европейцев речи жителей Востока, когда они говорят в духе своей культуры, в действительности являются чем-то совершенно непонятным. Люди обычно совсем не понимают, о чём они на самом деле говорят.

Происходит также другое явление, когда то, что должно было бы на самом деле выступить только в будущем, в таком случае определённым образом предвосхищается. Я мог бы провести сравнение этого с тем, что укажу на детей, которые будучи детьми уже являются стариками. Будучи детьми, они уже предвосхищают старость. Там эта неправильность в развитии выступила благодаря тому, что нечто, что должно было бы прийти позднее, проявилось раньше, в более раннее время. Собственно говоря, тогда как в восточном мышлении, в восточном способе воззрения как раз у самых выдающихся

индивидуальностей в этом способе преобладает оставшееся из древних времён, как я это только что описал, в частности у индивидуальностей, мыслящих полностью в духе американизма, преобладает внесение позднейшего, проявление позднейшего. Там ясно замечают, если умеют понимать такие вещи, что именно у выдающихся индивидуальностей присутствует многое из того, что там (слева) просачивается. Вы получите представление о таком просачивании, если, например, прочтёте то эссе, которое Вудро Вильсон написал о развитии американского, в частности североамериканского народа. Невозможно представить себе большего попадания в точку, чем это упомянутое эссе, которое Вудро Вильсон написал о развитии американского народа. Потому что каждое слово в нём таково, что испытывают чувство: эти вещи охарактеризованы и охвачены самым пронизательным образом. И это особенно бросается в глаза, потому что в этом случае Вильсон очень чётко акцентирует внимание на том, что многие люди в Америке также придерживаются мнения, которое на самом деле можно оправдать только тогда, когда американский народ сегодня ещё воспринимают — против чего он, Вудро Вильсон, выступает, так сказать, в качестве придатка английского народа. Этих людей, сегодня ещё воспринимающих американцев таким образом, как будто они были чем-то вроде потомков, ответвлением англичан Европы, этих людей Вудро Вильсон отвергает в самом жёстком смысле этого слова. Он считает, что они ничего не понимают о реальном развитии американского народа в XIX веке. Потому что американец только начинает быть внутри американцем — так говорит Вильсон исходя из подлинно американского духа, чрезвычайно точно и метко — в тот момент, когда он перестаёт связывать со своим душевным то, что пришло от Англии, когда он начинает проникать в качестве возделывателя земли с востока на запад, проникать с американского восточного побережья на западное побережье. В этом выкорчёвывании первобытного леса, в работе с ружьём, в работе с лопатой, в работе с плугом и лошадью, в этом преодолении того сопротивления, которое нужно преодолеть в работе с востока на запад, развивается для него западный человек, «вестернец», как он это называет. И в этом образе и способе завоевания земли, ради создания непосредственно самого убедительного впечатления, он видит настоящий нерв американского развития. Прямо повсюду возникает чувство — естественно необходимо различать, каким образом читать в таком случае, а не просто что читать — там говорит нечто большее, чем Вильсон. Потому что когда говорит сам Вильсон — да, там много умного из этого не получить. Там говорит нечто большее, там говорит то, чем человек одержим из своего собственного внутреннего, там говорят демонические натуры, прямо-таки подсказывающие грандиозные тайны будущего. В действительности человечеству необходимо было бы проникнуть в эти тайны, если нужно понять это развитие.

Сегодня действительно необходимо делать различие между чисто научным и свойственным газетам пониманием мира, которое конечно является удобным, которое также всеми любимо, и истинным пониманием мира. Это истинное понимание мира, оно должно уметь разъяснять такие противоречия как те, которые я сейчас объяснил: о вхождении у восточных народов чего-то, что лежит там снаружи (см. рисунок (илл. 1), справа); о восхождении у американского народа чего-то, что лежит там внутри (слева). И то, что там восходит, ему не требуется быть просто чем-то предосудительным, оно может в определённом смысле стать грандиозным ариманическим откровением, которое там поднимается вверх. Потому что то, что дано в том замечательном сочинении Вудро Вильсона о развитии американского народа, в сущности является ариманическим откровением.

Посвящённые Востока и посвящённые американского народа, они знают, что даже из этих вещей создают необходимое. С обеих сторон стараются провести развитие человечества непременно по определённым путям. Восточные народы, то есть их посвящённые, имеют совершенно определённые намерения в отношении будущего развития человечества. Эти люди видят, что заложено в развитии правильным образом и пытаются воздействовать на то, что правильным образом лежит в развитии, насколько человек может воздействовать на это. Они стремятся дать ему определённое направление, определённый импульс. И этот импульс, который там желают дать развитию восточные посвящённые, он по сути основан на том, что более не желают рассчитывать на человеческий род приблизительно после середины шестого послееатлантического периода. Хотели бы освободиться от земного человеческого рода после этого времени. Хотели бы привести развитие человечества к тому, чтобы впоследствии у людей действительно больше не было физического потомства, чтобы души тогда уже одухотворились, и больше не спускались на землю в телесных воплощениях. Хотели бы основать царство духа уже начиная с середины шестого послееатлантического периода. Это было бы возможно только, если бы отвергли определённые культурные компоненты. Не только посвящённые Востока, но и собственно каждый образованный житель Востока в полном смысле слова инстинктивно отвергает определённые европеизмы; он отвергает именно те европеизмы, которыми европеец особенно гордится. Главным образом он отвергает всё то, что возникло в Европе и её приложении Америке из чисто технической, материалистичной культуры. Тот, кто изучает развитие человечества, в особенности в XIX и XX веках, тот обнаружит, что по праву говорят: техника шагнула чудовищно далеко, техника лишила человека рабочих сил. Когда сегодня говорят о том, что на земле столько то сотен миллионов жителей, то на самом деле это не совсем правильно, потому что также можно посчитать сколько жителей на земле в соответствии с тем, сколько работы выполняют. Теперь с полным правом говорится, что с последней трети XVIII века роль человеческой рабочей силы исполняют постепенно возникающие машины. Можно подсчитать, довольно точно подсчитать на сколько миллионов человек должно было бы быть больше на земле, если бы всю работу, которую выполняют машины, выполняли бы люди. На земле должно было бы быть на пятьсот миллионов человек больше. Можно уже сказать: сегодня на земле находятся не только те люди с двумя ногами и головами которых можно подсчитать статистически, но ещё и пятьсот миллионов, измеренных в рабочей силе; рабочей силе выполняемой именно машинами.

Но не существует ничего материального, позади которого не стоит духовное. Эти пятьсот миллионов человеческих сил, они являются возможностью для местопребывания такого же количества ариманических демонов в человеческой культуре. Эти ариманические демоны однажды появляются там. И этих ариманических демонов, их радикально отвергает житель Востока исходя из определённого инстинкта; он не желает их. В действительности Вы видите в каждом проявлении хорошо образованного жителя Востока то, что он отвергает эту ариманическую демонологию. Потому что эта ариманическая демонология, она придаёт человеку определённую тяжесть, которая не даёт возможности случиться тому, к чему стремится восточное посвящение: чтобы человеческий род с середины шестого послееатлантического периода перестал существовать на земле, потому что людей задерживают посредством того, что развивается таким демонологически-ариманическим образом.

Посвящённые американизма стремятся к другой цели. Они стремятся к тому, чтобы образовать более тесное единение, чем должно иметь место в нормальном ходе развития

человечества, между человеческими душами и той телесностью, которую должны будут обрести на земле, той плотной, грубой телесностью, которую должны будут обрести на земле начиная с шестого послееатлантического периода. Душевная культура будет становиться очень углублённой, а телесное будет становиться грубым. Но на американском западе стремятся к более тесной связи с этой грубой телесностью, к более тесной связи, чем нормальная, к более сильному погружению в телесность. Хотят пойти навстречу тому, что просачивается там (см. рисунок (илл. 1), слева), хотят пойти ему навстречу посредством более сильного проникновения в телесность. Следовательно, в то время, как со стороны жителей Востока желают основать культуру, не считающуюся с человеческими телами позднейшего развития земли, в американской культуре Запада желают приковать души к этому позднему развитию земли. Желают по возможности придать телам такой вид, чтобы души, когда они прошли через смерть, как можно скорее снова могли спуститься в тело, чтобы они как можно меньше задерживались в духовном мире. Желают по возможности отвлечь души от пребывания в духовном мире, желают, чтобы они как можно скорее снова спустились на землю. Желают как можно теснее связать их с жизнью земли.

Таковыми являются тенденции, о которых необходимо знать. Насколько странным сегодняшнему человеку ещё кажется, когда говорят об этих тенденциях, настолько пагубным является для него то, что их не замечают. Потому что необходимо, чтобы человек с полным сознанием включал себя в то, к чему на самом деле стремятся при помощи него самого и напротив чего он часто, к сожалению, к несчастью стоит так, что можно сказать: он позволяет, чтобы с ним произошло всё, что возможно.

Но этого западного идеала, этой демонологизации человека смогут достичь только тогда, когда духовный, физический американизм сможет поддержать другое мировоззренческое течение, которое намного родственнее американизму, чем думают люди. Конечно, Вы видели: американизм существенным образом имеет склонность к ариманической культуре, что является ключевым фактором. Но этот американизм мог бы получить хорошую помощь, если бы его поддержало другое мировоззрение, которое намного родственнее ему, чем думают люди. Этим мировоззрением является иезуитизм. Иезуитизм и американизм являются двумя очень, очень родственными вещами. Потому что, когда начинался пятый послееатлантический период, там речь зашла о том, чтобы найти импульс, с помощью которого смогли занять такое положение, чтобы по возможности увести людей в сторону от понимания Христа. И то стремление в культурном развитии, которое поставило себе задачу, не позволить возникнуть пониманию Христа, полностью подорвать понимание Христа, оно является иезуитизмом. Иезуитизм стремится к тому, чтобы постепенно искоренить любую возможность понимания Христа. Потому что то, что заложено там в основе, оно уже связано с глубоким таинством. С тем, что извне (см. рисунок (илл. 1), справа) там нечто всегда входило внутрь человека, связано то, как я уже говорил, что люди раньше, до VII, VIII веков до Рождества Христова, обладали атавистическим ясновидением. Но также посредством этого атавистического ясновидения они видели во Вселенной Христа. Христос был чем-то, что они могли видеть в древнем ясновидении. Я часто это описывал, я описывал это в «Очерке тайноведения», и весь смысл моей книги «Христианство как мистический факт» в конце концов в этом достигает своей высшей точки. Человек видел Христа в Космосе, человек видел Христа во Вселенной. Но теперь задумайтесь: начиная с VII, VIII веков до Рождества Христова люди утратили способность взирать во Вселенную. Что люди утратили бы вместе с этим, если бы не пришло ничего иного, вследствие того, что они

больше не могли взирать во Вселенную? Что утратили бы люди? Возможность вообще нечто узнать о Духе Христа, если бы Христос не пришёл к ним посредством Мистерии Голгофы, если бы Христос не сошёл на Землю. Христос сошёл на Землю и связал себя с Иисусом в тот исторический момент времени, когда люди больше не могли увидеть Христа в Космосе. Начиная с того момента люди получили задачу постичь Христа в человеке. И следовало отстоять возможность, чтобы Христа poznали с помощью того, что просачивается там (см. рисунок, слева). Потому что Христос спустился к людям. Иисус является человеком, в котором жил Христос. Подлинное человеческое самопознание должно нести зачаток Иисуса. Благодаря этому человек сможет переселиться в будущее. То, что мы говорим о Христе Иисусе, является глубоко обоснованным. Потому что Христос соответствует Космическому; но это Космическое сошло на Землю и жило в Иисусе, а Иисус соответствует Земному полностью со всем земным будущим.

Если хотят закрыть человека от духовного, то отнимают у него Христа. Потому что существует возможность использовать Иисуса таким образом, чтобы Земля оставалась только в своём земном аспекте. Поэтому Вы будете обнаруживать у иезуитизма постоянную борьбу с христологией, наоборот, резкое подчёркивание того, что человек является воинством, армией Иисуса. Да, естественно: духовная наука уже является средством, чтобы познавать такие вещи, чтобы с глаз людей спала пелена. Поэтому те, кто не желает познавать, будут всё больше и больше гневаться на то, чего желает духовная наука. Всё больше гневаятся, посмотрите на следующее: июльский выпуск иезуитского журнала «*Stimmen der Zeit*» («Голоса времени») - ранее «*Stimmen aus Maria-Laach*» («Голоса из Марии-Лаах») - содержит не одну, а сразу две статьи, направленные против меня. И кто сможет подумать об этом во взаимосвязи с тем, что кроме того сейчас развивается в новых устремлениях иезуитизма в мире, тот сможет увидеть в этом в целом нечто более глубокое. Только к сожалению, о таких вещах сегодня говорят всё же преимущественно перед спящим человечеством. Люди любят проспять самые важные вещи, не прислушиваясь к тому, что сейчас на самом деле является определяющим для будущего. Поэтому сегодня люди будут удивляться всем вещам, о которых я говорил позавчера. Они даже хотят удивляться. Если как можно раньше говорят о вещах, лежащих в лоне времени, то люди считают это чем-то неудобным, потому что им хотелось бы по возможности дольше очень славно обывательски удобно сидеть в своих мягких креслах, даже если они занимают ответственные, руководящие человечеством должности. Но те, кто интересуются духовной наукой, должны выгравировать в своих душах, что будет сделано всё, чтобы сделать эту духовную науку недейственной. Совершенно неправильно, если даже мы в нашем круге слишком много спим в отношении наблюдения за тем, что происходит в мире.

Иногда довольно трудно увидеть, насколько же всё, что разыгрывается личным образом, ставят выше того, что в настоящее время является особенно важным и существенным: наблюдение великой деятельности человечества, которая медленно подготавливается. Эти нападки, они связаны с сильными «волевыми актами», они приходят уже с самых разных враждебных сторон, которые следует воспринимать серьёзно. Такое наступление подобное тому, о котором я только что говорил, в определённом смысле его уже необходимо воспринимать более серьёзно. Необходимо уметь расценивать его правильным образом. Естественно, в этом направлении не следует серьёзно воспринимать те грамотные нападки, которые постоянно всплывают из подоснов самого нашего Общества, и которые частично имеют дурную репутацию просто потому, что всё снова и снова ощущают тенденцию к тому, чтобы как раз обладать самым

большим и преисполненным любви сочувствием в отношении тех людей, которые пытаются оклеветать, опорочить и так далее то, к чему мы серьёзным образом стремимся в наших рядах. И только когда там произойдёт несчастье, тогда постепенно решатся по-настоящему увидеть; а до того лелеют многих людей, которые потом приносят несчастье.

Я говорю это не потому, что думаю, что то или это должно стать другим, а потому что я действительно чувствую себя обязанным обратить внимание на то, что человечеству необходимо проснуться, и что нам в первую очередь нужно относиться к тем, кто стремится к бодрствованию.

В определённых областях сегодня могут делать всё, что угодно. Этот сон человечества, который я имею в виду, его можно преодолеть только благодаря проникновению в духовные миры, его чрезвычайно трудно преодолеть, этот сон людей. И в отношении распространения духовно-научного блага знаний много раз имеют дело именно с этим сном в качестве врага. При этом я хочу сказать не об отдельном явлении, но о некоторой современной сонливости во всём культурном движении по отношению к настоящим импульсам, которые повсюду вырастают над головой человека. На самом деле две вещи необходимо было бы вписать в свои души как золотое правило: ещё никогда ранее кроме как в пятый послееатлантический период не существовало большей необходимости, чтобы люди всё больше и больше прилагали усилия — и нет сомнений, что здесь есть люди, способные на это — для достижения именно того, что особенно ценно: понимать духовно-научные знания. Конечно, духовно-научные знания необходимо искать посредством ясновидческого проникновения в духовный мир; это является необходимым. Но это очевидно, что должны существовать ясновидящие, которые проникают в духовный мир, что должны существовать люди, которые стремятся к сверхчувственным знаниям. Но особенно важно иное, чтобы для этих духовно-научных знаний, для этих найденных в сверхчувственных мирах знаний обнаружили люди, понимающие эти вещи силой интеллекта. Трезвое, разумное постижение духовной науки, оно сегодня особенно необходимо, потому что оно является тем, благодаря чему как раз и преодолеваются самые противящиеся силы культуры. Интеллект человека сегодня настолько силён, что всю духовную науку смогут понять, если только захотят. И именно это стремление к такому пониманию является общечеловеческим, а не эгоистичным интересом культуры. Потому что к этому пониманию могут стремиться, если бы те интеллектуальные силы, которые сегодня используются в естественно-научной области на различную мелочёвку, если бы те интеллектуальные силы, которые сегодня в экономическом отношении используются абсолютно бесплодно, и наконец, если бы те силы, которые используются в бесплодной, возможно даже убивающей людей технике, применялись соответствующим образом, и люди не были бы испорчены воспитанием с самого раннего детства. Тогда увидели бы, насколько легко можно было бы действительно привести человечество к пониманию спиритуального духовного блага. Это является первым правилом.

Второе золотое правило заключается в том, что сегодня требуется уже нечто другое для того, чтобы сделать плодотворным спиритуальное духовное благо для нашей культуры. Первое является чем-то, что необходимо отвоевать у Аримана. Люди сегодня умны уже потому, что Ариман заботится о том, чтобы люди были умными. О, люди умны! На самом деле они используют свою разумность только в материалистических интересах. Люди не просто умны, они сверхумны. Но мы ещё поговорим на следующих лекциях об этом, чтобы Вы увидели, какое огромное влияние оказывает именно ариманический элемент на человеческую сверхразумность нынешнего времени. Но необходимо ещё нечто иное. Следует ещё многое отнять у другого духа. Нам нужна не только разумность, с помощью

которой можно достичь спиритуального духовного блага, в первую очередь нам очень насущно нужно — как бы это сформулировать — нам нужен темперамент, энтузиазм, огонь, тепло в человеческих душах, к которым приближается спиритуальное духовное благо. Нам нужны люди, полностью всей своей душой отстаивающие то, чем является спиритуальное духовное благо. Именно в спиритуальной области необходимо отвоевать его у люциферических сил, которые обычно столь действенны сегодня в мире. Существует прекрасное зрелище: зрелище того, кто может со спокойной ясностью, но с внутренним огнём и энтузиазмом, так как ему это необходимо, интересоваться спиритуальным духовным благом. Существует и другое зрелище: заключающееся в том, что посредством спиритуального духовного блага пытаются по возможности стать усыпленным, стать мечтательным, стать налитым теплом, чтобы подняться во вселенские силы, чтобы соединить душу с божественной Вселенной. Такими являются противоположности, которые в настоящее время всё же можно увидеть, противоположности, которые необходимо увидеть. Потому что не легко будет присоединить спиритуальное духовное благо к человеческой культуре. А оно должно войти, потому что человеческая культура нуждается в нём. Необходимо будет научиться не только мыслить, но также нужно будет научиться чувствовать и ощущать многое совершенно по-иному.

Да, я мог бы ещё многое говорить в связи с тем, что я только что сказал, но я вероятно лучше промолчу и дам Вам возможность поразмыслить. Можно поразмыслить над многими вещами, для которых может послужить толчком небольшая хитрость, которую я абсолютно намеренно вложил в только что высказанную истину. Но об этом мы поговорим далее в следующий раз.

Лекция четвёртая Дорнах,

24 августа 1918 г.

Если человек желает понять время, в которое он живёт, то он должен понимать его исходя из более великих мировых взаимосвязей. Ограниченность сегодняшнего времени заключается именно в том, что не желают уяснить себе те импульсы, те силы, которые действуют в наше время, исходя из более великой взаимосвязи. И в особенности всё больше и больше будет необходимо обращаться назад к тем обстоятельствам, через которые прошло развитие человечества до периода Мистерии Голгофы, чтобы понять действие того или иного в нынешнее время. Эту Мистерию Голгофы мы описывали с самых разных точек зрения и увидели насколько глубоко, насколько значительно она воздействует на весь ход эволюции, на всё развитие человечества. Мы знаем, что до Мистерии Голгофы люди ощущали и рассматривали мир иначе чем после Мистерии Голгофы. Естественно, переход из одного состояния в другое не происходит в одночасье. Но обращая взгляд назад, уже возникает то, что мы описывали с самых разных точек зрения. Сегодня в частности я хотел бы указать на одну вещь, чтобы найти определённую основу для последующих рассмотрений.

Когда мы рассматривали настроение, состояние человеческой души до Мистерии Голгофы, то могли в общем сказать, что внутри культурного человечества, то есть того человечества, из которого произошло нынешнее культурное человечество, до Мистерии

Голгофы в душах присутствовала определённая способность взирать в тайны космического, духовного мира. До Мистерии Голгофы для людей в некоторой мере было естественным смотреть вверх на звёздное небо не так, как человек смотрит на звёздное небо сегодня. Мы знаем, что сегодня, когда человек смотрит на звёздное небо, он говорит себе: с Землёй связано несколько других планет, которые вместе с ней вращаются вокруг Солнца; кроме этого там существует несчётное количество неподвижных звёзд, у которых в свою очередь есть свои планеты. - И если в таком случае человек внимательно присмотрится к тому, что же в действительности находится в его мыслях, когда он обдумывает что-то в этом роде, то он должен всё же сказать себе, что в его мыслях находится некая огромная мировая машина. Человек в современное время лишь в очень, очень малой степени понимает, что там господствует и действует ещё нечто иное, кроме сил этой мировой машины. До Мистерии Голгофы для человека это было более или менее само собой разумеющимся. В частности, для него было само собой разумеющимся рассматривать, например, Солнце не просто так, как рассматривает сегодняшней физик, грубо говоря, некоего рода светящийся шар в мировом пространстве, а человек до Мистерии Голгофы очень хорошо знал: это Солнце, о котором говорит физик, это Солнце является лишь одним элементом всего Солнца. В основе этого Солнца лежит душевное и духовное. И к духовному, лежащему в основе этого Солнца, греческий мудрец ещё обращался как к всеобщему мировому Благу, как к Благу мира, как к единому Благу, волнами пронизывающему мир. Оно было для него Духом Солнца. Ему, этому греческому мудрецу, показалось бы сильнейшим суеверием думать так, как думает сегодняшней физик, что там в мировом пространстве просто парит светящийся шар; для него этот светящийся, парящий шар был откровением единого Блага, действующего в центре мира. И с этим центральным Благом, имеющим духовную природу, в свою очередь было связано душевное: Гелиос, как называли его греки. И только треть, физическое проявление Блага и Гелиоса, было затем физическим Солнцем. То есть тогда человек видел на месте Солнца тройственность. И с этой тройственностью, которую в древние времена видели в Солнце, связали те люди, которые мыслили во время Мистерии Голгофы, - вооружённые знанием этой Мистерии Голгофы, вооружённые знанием древних Мистерий -, с этой тройственной солнечной системой эти мудрецы соединили саму Мистерию Христа, Мистерию Голгофы. Для тех, кто знал нечто, почитание Христа было связано с почитанием Солнца. В свою очередь для тех, кто нечто знал, мудрость Христа была связана с мудростью Солнца.

Но чтобы прочувствовать сообразно своей природе, как нечто естественное, то что я сейчас объяснял, для этого необходима была та конституция души, которая существовала тогда там. А эта конституция души на самом деле исчезла. Она исчезла ещё примерно в VIII веке до Рождества Христова, в 747 году до Мистерии Голгофы — это подлинная цифра основания Рима. В действительности вместе с основанием Рима исчезает древняя возможность видеть духовное вовне в Космосе. Вместе с вступлением Рима на арену истории в эволюцию человечества вступает то, что можно назвать прозаическим элементом. К примеру, греки во всём своём мировоззрении ещё сохранили возможность видеть позади Солнца два других Солнца, душевное и духовное Солнца. И только потому, что Мистерия Голгофы была погружена не в чисто греческую мудрость и греческое ощущение, а в римскую мудрость и римское ощущение, вследствие этого произошло то, что порвали со знанием о взаимосвязи Христа с духовным Солнцем. Вместе с тем христианские отцы церкви и христианские учителя церкви должны были главным образом заниматься тем, что набрасывали покров на эту Мистерию Солнца, предавали забвению для человечества эту Мистерию Солнца, не давали ей выходить наружу. В определённом

смысле следовало расстелить покров над движущимся вперёд развитием христианства, как это называют, над глубокой, значимой, всеобъемлющей мудростью о взаимосвязи Христа с Солнечной мистерией.

Если бы следовало дать определение задачи церкви, той церкви, которая возникла благодаря тому, что христианство спустилось в римскую культуру, тогда нужно было бы сделать это, сказав следующее: христианская церковь с римской окраской главным образом должна была поставить своей задачей насколько возможно набросить покров на Мистерию Христа, в как можно меньшей степени позволить предавать её гласности. - То устройство, которое церковь приобрела благодаря романизму, оно стало в особенности пригодно, чтобы позволять людям знать о тайне Христа настолько мало насколько это возможно. Вследствие этого церковь стала учреждением для сохранения в тайне Мистерии Христа, стала учреждением, позволяющим как можно меньшему из Мистерии Христа войти в мир. Она является чем-то, что должно в наше время становиться всё более и более ясным для человечества, потому что должно начаться то время, которое в свою очередь способно работать с другими понятиями кроме римских понятий. У римских понятий присутствуют чёткие очертания, жёстко очерченные подобно трупу. Те понятия, которые будут развиты, чтобы, например, постичь человека в его истинности, каким я нарисовал, эскизно набросал его Вам здесь на доске восемь дней назад в его, хотелось бы сказать, нормальной ауре, эти понятия, они необходимы, чтобы опять охватить истинную реальность человека и вместе с тем в известной степени постичь истинную реальность мира, эти понятия должны быть текучими, эти понятия не должны быть жёстко очерченными, потому что реальность является не застывшей, а чем-то находящимся в процессе становления. И если мы хотим с помощью наших понятий и идей понять реальность, то нам необходимо с помощью наших понятий следовать за течением, за становлением реальности.

Если этим текучим становлением понятий пренебрегать, тогда происходит то, что сегодня можно наблюдать во многих местах к несчастью человечества. Давайте возьмём явление, прямо-таки навязывающее себя некоторым более основательным, не спящим людям, наблюдающим мир. Это явление заключается в следующем. Сегодня в мире среди нас существуют учёные, учёные в самых различных областях, не так ли? Эти учёные, как говорится, представляют и оберегают науку, а сегодняшнее человечество, конечно же не следующее слепо авторитетам, верит на слово всему тому, что представляют учёные из самых различных областей, несмотря на то, что их слепая вера в авторитет вырвана с корнем. А в своём кругу эти учёные верят другим людям особенно тому, что находится вне их области. В эти обстоятельства люди сегодня не любят заглядывать, потому что вся раздробленность и хаотичность нашей культуры должна была бы броситься в глаза людям, если бы они заглянули в эти обстоятельства. Но мы переживали, например, следующее. Давайте предположим, что у учёного есть своя особая область — мы могли бы выделить из различных областей одну —, допустим египтология — я хочу взять нечто необычное. В таком случае его профессия заключается в том, что он информирует об особенностях египетского народа других людей, которые не умеют работать с тем, что называют первоисточником, что он также информирует людей об отношениях египетского народа к другим народам древних времён. Задача людей заключается в том, чтобы поверить на слово, потому что этот человек является авторитетом в египтологии. Но, собственно говоря, в наше время наступило бедствие: огромное число этих учёных, представляющих такие специальные области, не замолчали, а заговорили о темах, не относящихся к их специальностям. Было бы лучше, если бы они замолчали, но они не

замолчали; к примеру, сегодня под впечатлением этого события они применили своё мышление, свои мыслеформы к их собственному народу и его отношению с другими народами. И там теперь появилась подходящая возможность увидеть, что за бессмыслицу на самом деле говорят люди. Собственно говоря, следовало бы сделать выводы, выводы, которые необходимо обдумать весьма реально. Большое количество людей, в некоторой степени относящихся, скажем, к египтологии, и о которых сложилось мнение, что их понятия в отношении особенностей египетского народа и его отношений с другими народами являются непреложными, они теперь в настоящее время внезапно говорят чистую бессмыслицу о своём собственном народе и отношении своего собственного народа к другим народам. Да, поверите ли Вы теперь, что он более разумно говорил и будет говорить о египтянах и об их отношениях с другими народами? Когда сегодня Бальфур говорит об отношении своего народа к остальному миру, или когда Хьюстон Стюарт Чемберлен говорит непрерывную бессмыслицу об отношении людей к другим людям, тогда некоторые люди смогли бы даже без раздумий кое-как разгадать, что эти люди говорят бессмыслицу, говорят полнейшую ерунду! Но Чемберлен написал «Основания девятнадцатого столетия» и большое количество других книг, в которых не существует возможности изучить историю. Естественно, там он говорил точно такую же бессмыслицу.

Сейчас уже настало время проверки, и в частности время проверки для того, чтобы наконец понять, что важно не просто высказать суждения, имеющие определённую ограниченную ценность, потому что они верны в некой определённой области — почти любое суждение, даже самое неправильное, верно в определённой области —, но важно прямо-таки искать ту текучесть суждений, которую можно обнаружить только благодаря духовной науке, проникающей в реальность.

Удивительно, какие конфликты между здравым мышлением и мышлением в духе современности всплывают на поверхность именно сегодня. В последние дни стало известно о религиозной дискуссии, состоявшейся в Петербурге — Петрограде, как говорили на протяжении некоторого времени, я не знаю, говорят ли сейчас уже снова Петербург —, то есть стало известно о религиозной дискуссии, состоявшейся в бывшем Санкт-Петербурге. В среде большевизма слышны религиозные дискуссии. Там социалисты, православные священники, и естественно также всевозможные люди из буржуазной среды говорили о религии и её развитии. Конечно, они говорили не самые умные вещи. Но всё же можно было бы многое изучить на примере этой дискуссии, которую провели там, которая естественно полностью окрашена духом современного времени, но работала, как оказалось, с абсолютно жёсткими древними понятиями. Например, один православный священник высказал нечто в высшей степени интересное. Этот священник чувствовал необходимость говорить со своими овцами так, как ему было привычно раньше. Конечно раньше он говорил, что всё, что существует в мире, царизм и всё-всё само собой разумеется приходит от Бога. Что может сделать сегодня этот правильный священник?

Естественно, сегодня ему необходимо хоть как-то сохранить то, что ему привычно и что он говорил ранее своим овцам - теперь они уже больше не овцы -, потому что он не желает переходить к более новым понятиям. Потому он говорит следующее: мир произошёл от Бога, всё произошло от Бога; так как сейчас у нас есть советская власть, то и она также произошла от Бога. Большевизм послан человечеству именно Богом. Так как всё произошло от Бога, то большевизм также произошёл от Бога. - Что же иное он должен говорить? Я абсолютно убеждён, что этот вывод можно распространить даже ещё дальше.

Почему не должны были бы суметь сделать очень правдоподобным то, что дьявол произошёл от Бога? Полностью в духе этого же вывода можно сказать, что дьявола назначил Бог! - Вот, что происходит тогда, когда в действительности более глубоко проливают свет на то, что необходимо. Естественно, во всех областях это встречает самую сильную враждебность. Но человек не может спать, если у него есть твёрдое намерение принять участие в этом преобразовании способности представления у людей.

Понятия, выработанные материализмом и считающиеся прямо-таки неопровержимыми, они относятся к тому, что в определённой мере наиболее основательно нужно было бы преодолеть. Ничто сегодня не встречается более часто у так называемого авторитета науки чем то, что называют законом сохранения энергии и вещества, сохранения силы и вещества. Он является тем, что особенно дорого сердцу человечества. Ставшее полностью механистическим и физическим мировоззрение хочет оглушить себя в отношении существования духа. Так как оно не желает признавать дух, то оно также не может приписать духу долговременности, вечности; оно приписывает вечность своему маленькому божку, атому, или вообще веществу или энергии. Но истина заключается в том, что из всего, что Вы можете видеть чувственным образом, что окружает Вас здесь в мире материально или в виде энергии, согласно законам мироздания ничто, абсолютно ничто из этого не будет существовать далее стадии Венеры. Мы знаем, что за эволюцией Земли следует эволюция Юпитера, за эволюцией Юпитера последует эволюция Венеры, и затем эволюция Вулкана. Подобно тому как человек вновь обретает себя в разных воплощениях, так и Земля снова обретёт себя в качестве Юпитера, после эволюции Юпитера в качестве Венеры, а после эволюции Венеры в качестве Вулкана. То, что сегодня можно найти в каком-либо физическом эксперименте в качестве вещества и строения вещества, оно не продолжится после бытия Венеры. После бытия Венеры не существует сохранения вещества и энергии — такого вещества и такой энергии, о которых могут говорить физики. Весь закон сохранения вещества и энергии является всего лишь суеверием, является тем, что господствует над всеми физическими понятиями. Но на кое-что набрасывают покров, когда просто говорят о том, что мир состоит из нерушимого вещества, постоянно образующегося в разных сочетаниях. Набрасывают покров на то, что должно прийти как ответ, когда встаёт вопрос: а, что же останется тогда, когда уже больше не будет существовать того, что окружает наши органы чувств, когда придёт период Венеры или наступит его середина? Что же останется? Где же окажется что-то, что останется?

Итак, направьте теперь Ваш взгляд на то, что Вы можете увидеть вокруг. Взгляните на всё вокруг, взгляните на совокупность минерального, растительного, животного человеческого царств; взгляните на всё то, что Вы можете увидеть в виде звёзд, световых явлений, всех воздушных явлений, всех водных явлений, взгляните туда, куда Вам хочется посмотреть, соедините вместе всё, что Вы можете каким-либо образом соединить в своих восприятиях внешних органов чувств и задайте себе вопрос: где находится нечто, что останется от нашего сегодняшнего бытия? - Ни в животном, ни в растении, ни в минерале, ни в воздухе, ни в воде, нигде кроме как в человеке! Во всём, что Вы можете увидеть сегодня, не содержится ничего, что по-настоящему выйдет за пределы бытия Венеры, исключительно кроме самого человека. Ни в чём ином Вы не сможете найти нечто остающееся, нечто, к чему можно подойти с понятием вечности, ни в чём ином кроме как в человеке. Это означает: давайте искать зачатки для истинного будущего мира, где нам необходимо их искать? - Нам необходимо искать их в человеке! Мы не сможем отыскать их у другого создания, ни в каком царстве природы. Но до Мистерии Голгофы

древние люди сквозь царства природы видели космическую Вселенную, естественно, духовным образом. Если мы возьмём Солнце: они видели раскалённый шар, но сквозь этот раскалённый шар они видели Гелиоса и Благо. Но этот раскалённый солнечный шар не будет существовать далее бытия Венеры; тогда он исчезнет. И всё то, через что подобно древним людям видели как сквозь завесу устройство какого-либо духовного бытия, оно исчезнет. И от всего того, что существует здесь сейчас, для будущего останется только то, что вложено в человека подобно зачатку.

Что же произошло в действительности? До Мистерии Голгофы люди смотрели вовне в огромную Вселенную; они видели звёзды над звёздами, они видели Солнце и Луну, они видели воздух и воду, различные царства. Но они смотрели на них не так как сегодняшний человек, а они видели позади всего этого духовно-божественное бытие, и они видели позади всего этого Христа, ещё не сошедшего на Землю. В эти древние времена человек связывал Христа с Космосом, видел его внеземным. Во всём, в чём человек видел Христа, нет ничего, что останется после бытия Венеры. То, через что в эти времена до Мистерии Голгофы человеку открывалось духовное, а также Христос в Космосе, всё оно существует только до бытия Венеры. До Мистерии Голгофы люди жили совместно с небесами, но эти небеса являются настолько чувственными, что они также исчезнут в бытии Венеры. То, что останется после бытия Венеры, оно несёт свои зачатки только в человеке. Христос должен был прийти к человеку из Вселенной, если он хотел вместе с человеком начать путь в Вечность. Поскольку всё происходит так, как я Вам сейчас описал, Христос спустился из Космоса, чтобы с этого времени находиться вместе с тем, что в качестве зачатка в человеке продлится в Вечности.

Это является тем великим космическим событием, которое следует понять. До Мистерии Голгофы люди могли почитать Бога, Христа во Вселенной. Эти люди, которые должны были прийти к тому — и начиная со времён Голгофы всё больше и больше приходили к тому, что только в человеке находится зачаток вечного будущего мира —, эти люди должны были обрести Христа не вовне во Вселенной, которая распадётся, а объединённым с человеком, с человеческой организацией, с человеческим царством. Истинно буквально следующее: то, что находится там, окружая органы чувств, в виде звёзд, небесных тел, оно исчезнет. Но то Слово, тот Логос, который явлен во Христе, и который соединил себя с вечным ядром сущности человека, он останется. И это является буквальной истиной, также как эти вещи в настоящих оккультных, религиозных свидетельствах являются буквальной истиной.

Но также существует причина, почему нам необходим в определённой мере дуализм в именовании — я уже указывал на это — в именовании Христос Иисус. С одной стороны, необходимо познать Христа, принадлежащего внеземной Вселенной, это духовное Существо, которое до Мистерии Голгофы не было связано с людьми Земли; о Нём не следует забывать, потому что Оно спустилось вниз и связало себя с человеческой природой, с Иисусом. В дуализме Христа Иисуса заложено то, что необходимо понять. В Христе нужно видеть космически-духовное; в Иисусе нужно видеть то, посредством чего это космически-духовное вступило в историческое развитие и таким образом связало себя с человечеством, чтобы теперь иметь возможность совместно с зачатком в человеке жить далее в Вечности.

Задачей церкви в прошедшие столетия было в определённой мере скрыть, исказить эту тайну Христа, связанную с древними мистериями. И если Вы попытаетесь по-настоящему изучить процесс становления человечества в эти прошедшие столетия, если Вы

попытайтесь уяснить себе, что происходило с теми отдельными людьми, которые в действительности желали отыскать Христа Иисуса, которые действительно хотели найти путь ко Христу Иисусу: это всегда был путь мученика. Его, Христа Иисуса, всегда необходимо было искать вопреки условностям, естественно также и сегодня Его необходимо искать вопреки тому, что осталось от условностей. Но человек не сможет приблизиться к тайне Христа, если не соединит её с тайной природы.

Вы увидите, что необходимость, которую мы поставили перед нашими душами, нисхождения Христа из космических высот к зачатку в человеке, тайну о становлении Иисуса Христом смогут понять только тогда, когда рассмотрение природы, рассмотрение мира, космология и наука о становлении человека и божественного в человечестве станут единством. Только с определённой стороны хотели бы избежать того, чтобы естествознание в то же время было духовной наукой, а духовная наука в то же время была естествознанием. Это является стремлением большинства теологов, а с другой стороны большая часть натуралистов современности стремится соорудить барьер между естествознанием с одной стороны и духовной наукой с другой стороны. Просто не следует говорить о Христе Иисусе ничего, что в то же время связано с земной эволюцией, и просто не следует говорить о земной эволюции, то есть об отдельных её частях, ничего, что связано с великой духовной Мистерией.

Когда человек касается этих вещей, то на самом деле он касается важного, очень важного в жизни человека настоящего времени. Потому что та несвязная болтовня о всяком духовном, на которую даже наши друзья часто обращают внимание и обращают на неё внимание с отвращением, эта несвязная болтовня о духе совсем не нужна. Я имею в виду, что каждый ежеминутно подходит и говорит: вот, смотрите, этот человек со своей стороны говорил полностью в теософском или антропософском духе, он сказал это и то! - Этот удобный поиск опоры в современной путанице, это не то, к чему нам следует стремиться, а нам уже следует твёрдо стоять на фундаменте, которым будет для нас духовная наука. И это время слишком серьёзно для того, чтобы дополнительно заботиться о компромиссах, особенно в этой области.

Создание моста между знанием природы, в целом между знанием воспринимаемого, и знанием того, к чему относится грех, спасение, вкратце говоря, к чему относятся религиозные истины, создание моста между этими двумя областями, оно может произойти только тогда, когда человек обретёт мужество, чтобы по-настоящему реально проникнуть в духовное. Но если у человека нет мужества по-настоящему, реально проникнуть в духовное, то он даже не сможет узнать ничего разумного об истинах жизни. В первую очередь к проникновению в духовную реальность относится такая возможность: со своей стороны оглянуться немного назад на тройственную мистику Солнца древних времён, но в новом смысле, как это соответствует современному человечеству. Так же как Солнце является тройственностью, так и человек также является тройственностью. Но речь идёт о том, чтобы мы по-настоящему изучили этого тройственного человека. Для настоящего времени важнейшим является следующее: изучить тройственного человека. Я хотел бы сегодня в качестве подготовки — завтра и послезавтра мы доведём до конца это важное дело — схематически дать Вам нечто, что может привести Вас на тот путь, который на самом деле необходимо было бы отыскать, чтобы понять тройственного человека.

Представьте себе следующее — то есть то, что я сейчас эскизно рисую, должно быть схемой — представьте себе, что у Вас есть изображение, являющееся целиком и

полностью только образом, только отображением, которое по сути само по себе не имеет никакого значения, то есть является отображением. Я хочу эскизно нарисовать это следующим образом: я просто рисую круг (см. рисунок (илл. 1) синий), круглую поверхность. Это является изображением, отображение является чем-то иным, но так как оно является отображением, оно полностью поглотило то иное, отображением чего оно является. Звучит странно, когда я говорю следующее, но представьте себе: в нашем куполе, в малом куполе, работают четыре дамы; давайте представим себе, что эти четыре дамы рисовали бы, по две с каждой стороны, свои собственные портреты, но эти портреты имели бы следующую особенность. То есть представьте себе, эти четыре дамы, пишущие свои собственные портреты в малом куполе, рисуют там самих себя, но это изображение самих себя, оно имело бы абсолютно определённое следствие: дело в том, что вследствие этого они исчезают, они превращаются в свои отображения, они прекращают существовать. Когда они заканчивают, их там больше нет. Так как возникли отображения, их самих там больше нет. - Представьте себе такое изображение под тем, что я Вам здесь эскизно нарисовал: изображение возникло потому, что оно изображает нечто, отражением чего оно является; но вследствие того, что здесь существует отображение, второе поглощается.

Но теперь это поглощённое не одиноко в мире. А именно представьте себе, что история с этими четырьмя дамами не закончилась бы. Хорошо, эти четыре дамы исчезли бы, они нарисовали там себя и исчезли, но картины находятся там. Они не одиноки там во Вселенной, там вовне уже находится Вселенная вместе со своими силами. Дамы исчезли, в определённой степени поглощённые картинами; но поскольку там находятся эти картины, из Вселенной в свою очередь стягивается субстанциональное и образует дам заново, однако теперь в качестве детей: они медленно появляются заново, возникают тут рядом. Таким образом, рядом с этим изображением в свою очередь возникает его праобраз

(см. рисунок (илл. 1) жёлтый).

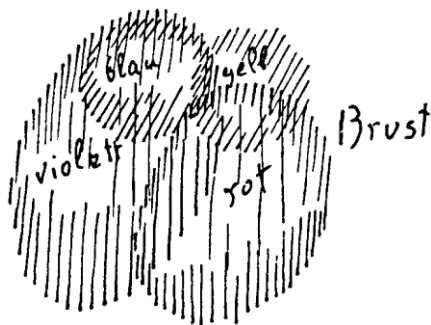
Kopf - голова, blau - синий, gelb — жёлтый.

Илл. 1

В действительности я должен был бы нарисовать небольшую часть внутри, я нарисую его здесь рядом: это является праобразом. Это является праобразом, но между этим отражением и праобразом существует очень неплотная взаимосвязь, очень слабая связь. Они почти совсем не соприкасаются друг с другом. На самом деле это отображение затвердело и почти совсем не соприкасается со своим праобразом.

Затем представьте себе второе изображение. Я хочу второе изображение эскизно нарисовать так, что сделаю его также в качестве отображения (см. рисунок (илл. 2) фиолетовый); только первое находится внутри второго. Первое является чем-то отдельным, но оно также находится внутри второго. Итак, я смело рисую второе поверх первого. Это в свою очередь является таким отображением, и опять же похожим образом у второго существует отображение, которое я также хочу нарисовать сейчас на нём (см.

рисунок (илл. 2) красный); но теперь я должен связать их более тесно. То есть вещи происходят так, что я не мог бы выбрать то сравнение, которое я выбирал ранее с четырьмя дамами, но если бы я выбирал теперь какое-то сравнение относительно этого образа и отображения, то пришлось бы сказать следующее: итак, там присутствуют четыре дамы, они рисуют в малом куполе, и в то время как они рисуют, от них самих уже также нечто растворяется, поглощается.

Brust — грудная клетка, blau - синий, gelb - жёлтый, violett — фиолетовый, rot — красный.

Илл. 2

Но поглощаются они только наполовину; в конечном счёте они становятся такими, что их — теперь я хочу сказать так, чтобы не вызвать неэстетических сравнений: левая половина тела человека поглощена, правая ещё выступает за пределы образа; у другого человека поглощена правая половина тела, левая выступает наружу. То есть их поглощают частично; а частично они ещё выступают наружу. Это второе описание.

Затем представьте себе третье, которое в свою очередь охватывает первое, а также охватывает второе (см. рисунок (илл. 3) зелёный). Но оно в большей части связано со своим отображением, оно ещё не отделено от своего отображения. То есть, если бы я захотел придерживаться этого сравнения, то мне нужно было бы сказать: дамы рисуют, но они также остаются дамами, и в целом передо мной находятся дамы и их отображения. Там присутствует (см. рисунок (илл. 3), оранжевый) то, что в большей части также присутствует в праобразе.

Итак, здесь (см. рисунок (илл. 1)) Вы видите нечто нарисованное схематически: сначала наверху отображение, затвердевшее, кристаллизовавшееся, в как можно меньшей степени соприкасающееся со своим праобразом; праобраз находится рядом, возникая заново.

Gleidmassen — конечности, blau - синий, gelb - жёлтый, violett - фиолетовый, rot - красный, grün - зелёный, orange — оранжевый.

Илл. 3

Это является, собственно говоря, Вашей головой; она является самой материалистической, самой затвердевшей частью человеческой природы. Её праобраз почти не соприкасается с ней, возникает заново; а когда Вы достигаете двадцати восьми лет, Ваша голова становится такой, что она ничего из себя самой не выдаёт, она достигла полного роста. Самым большим материалистом в человеческой природе является голова. Второе изображение представляет грудную клетку и дыхание и всё, что к этому относится. Оно примерно нарисовано так, чтобы я смог использовать второе изображение в виде схемы (см. рисунок (илл. 2)). Оно связано уже гораздо больше, потому что дух и материя уже находятся в большей связи, оно уже в большей степени одухотворено. Всё то, чем являются лёгкие и процесс дыхания, для Земли уже более одухотворено. А то, что остаётся, конечности, находится во взаимосвязи со всем тем, что содержит в себе сексуальность, там духовное едино с физическим, там они ещё находятся совместно. Это относится к третьей схеме (рисунок выше). Это является тройственным человеком. Сегодня я имел возможность нарисовать Вам это на доске лишь схематически. Эта одновременно удивительная и плодотворная, эта величественная и глубоко проникающая мистерия тройственного человека в свою очередь связана с тройственной солнечной мистерией. Но это опять же связано со всеми теми истинами, которые как хлеб жизни требуются нам для всего того, что необходимо поставить на место того, что ввергло в хаос и тупик и привело к сегодняшней катастрофе человечества. Завтра мы поговорим об этом далее.

Лекция пятая Дорнах,

25 августа 1918 г.

Вчера я схематически указал на человека, состоящего из трёх частей. В целом происходит так, что исходя из нашей современной духовной жизни, существует мало ощущений для понимания существа человека таким, каким его необходимо понимать с духовно-научной точки зрения. Однако нам всё же необходимо приложить усилия, чтобы приблизиться к этому существу человека. Самые важные представления, которые необходимо обрести также о всей жизни человека, о развитии человека между смертью и новым рождением, ими также можно овладеть только, если исходят из такого понимания, которое опирается на этого человека, состоящего из трёх частей. Давайте сегодня подробно рассмотрим этого человека, состоящего из трёх частей.

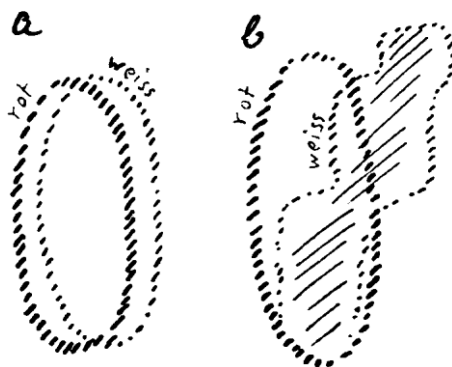
Вчера уже акцентировали внимание на том, что сначала, мы можем указать на голову человека. В определённом смысле эта голова человека действительно является некоего рода самостоятельной сущностной формой. Вы сами можете встать перед скелетом человека и с лёгкостью убрать голову. Вы можете убрать её словно шар. Однако в действительности это разделение между тремя членами человеческой природы не настолько просто, чтобы можно было сказать: то, что человек убирает от остального скелета так же удобно как шар, оно является этим отделом головы. - Эти вещи не отделены настолько строго. Но из просто схематического, даже из того, что человеку подсказывает сама природа, необходимо постепенно выработать живое ощущение. И как Вы видели, вчера я должен был нарисовать не три, находящихся рядом друг с другом, круга, а первый круг для головы, второй круг, охватывающий эту голову сверху, и третий круг, в свою очередь охватывающий их обоих. Так что если бы нарисовали человека, состоящего из трёх частей, согласно его физической сущности, тогда следовало бы нарисовать его так, чтобы сказать: отдел головы (см. рисунок (илл. 1) красный круг А), отдел грудной клетки (овал, жёлтый), и затем отдел конечностей (оранжевый) — в действительности это три шара, даже если эти шары необходимо растянуть в длину. С отделом головы, то есть с тем, что здесь обозначено красным кругом, во взаимосвязи с этим отделом головы находится то духовное (изображённый более светлым цветом маленький круг, белый), которое, как Вы видели вчера, является юным образованием. Это духовное для головы, оно является юным духовным образованием, в то время как сама голова является древним физическим образованием, физической сущностной формой. Следовательно, для головы первоначально верно то, что обычно утверждают в целом для человека, но что в той обобщённости, в которой это утверждают, не совсем верно; для головы это является верным. То, что здесь обозначено белым, духовное, касающееся головы, оно, когда Вы спите, находится вне головы. Когда Вы бодрствуете, оно соединено с головой, большей частью находится внутри физической головы. Следовательно, оно легче всего отделяется от физической головы; оно выходит наружу и снова возвращается обратно вовнутрь.

rot - красный, weiss - белый, gelb - жёлтый, orange - оранжевый.

Илл. 1

Для срединного человека это происходит абсолютно не так, давайте назовём его человеком грудной клетки. Всё, что содержится в тораксе, грудной клетке, рёбрах, позвоночнике, оно связано с духовным, но оно не настолько явно находится вовне, когда Вы спите. Это духовное находится в более сильной связи с физическим для срединного человека уже даже во время сна. А для третьего человека, человека конечностей, к которому относится также сексуальный человек, там в действительности всё же непосредственно практически не существует разделения между сном и бодрствованием. Там вовсе невозможно сказать, что духовно-душевное действительно отделяется во время сна; даже во сне они остаются более или менее объединёнными. Следовательно, бодрствующего человека можно было бы правильно нарисовать согласно иной схеме, сказав: когда физический человек бодрствует (см. рисунок а (илл.2), изображено более тёмным цветом, красный), тогда это было бы духовным человеком (изображено более светлым цветом, белый).

rot - красный, weiss - белый.

Илл. 2

Спящий человек был бы таким (см. рисунок b (илл. 2), красный и белый); то есть это остаётся более или менее объединённым с телесным, а только это в действительности выходит наружу (см. рисунок b (илл. 2)). С определённой точки зрения это было бы подлинным изображением противоположности бодрствующего и спящего человека.

Собственно говоря, Вы поймёте важные вещи, которые нам необходимо обсудить, только тогда, когда Вы это деление человека на три части, которое мы обсуждали только что, скрестите для себя с другим делением человека, которое опирается на то, что я объяснял здесь на прошлой неделе.

Когда мы ещё раз подробно обсудим голову, человека грудной клетки, человека конечностей, то сможем сказать: человеком в самом истинном смысле является только человек грудной клетки. Следовательно, он также является тем, в кого Элохим вдохнул дыхание жизни. Он является дышащим человеком. Здесь разделение не настолько удобно как в случае со скелетом; процесс дыхания через нос и рот уже относится к человеку грудной клетки. Итак, конечно же, в действительности это разделение невозможно сделать настолько удобно схематически, насколько хотели бы с радостью себе обрисовать, а естественно существуют трудности понимания такой вещи.

То есть подлинным человеком, земным человеком, является человек грудной клетки. А человек головы, в качестве физического облика, это на самом деле не является чем-то полностью человеческим. Нельзя сказать, что человеческая голова является чем-то полностью человеческим. Человеческая голова несёт в себе действительно очень много ариманического. В сущности она организована так, как организована, по той причине, что определённые принципы формирования в ней являются преимущественно теми, которые остались ещё от древнего Солнца, то есть от этой второй стадии Земли — Сатурн, Солнце. Наша голова вместе со всем своим сложным формированием не была бы такой, какой она является, если бы не получила своё первое формирование в эти прадревние времена древнего Солнца. А следовательно - в действительности существуют древние, прадревние принципы формирования, которые сегодня восходят в земной сфере, и которые по этой причине нам следует обозначить как ариманические. Согласно этой точке зрения отставшие принципы нам всегда необходимо считать люциферическими или ариманическими. То, что человек выработал в качестве земного человека, когда главным образом играют роль принципы становления Земли, этим является человек грудной клетки, человек груди.

Человек конечностей также не совсем является человеком, а несёт в себе очень много люциферического, и его принципы формирования на самом деле ещё не являются совершенными принципами формирования, а они являются такими, которые получают свой совершенный вид только, когда Земля достигнет стадии Венеры, то есть когда продвинется вперёд стадия Юпитера и будет находиться на переходе в стадию Венеры. Тогда эти принципы формирования этого третьего человеческого существа, которые сегодня, я хотел бы сказать, ещё образуют эту тень существа, которое является человеком конечностей, они заработают в полную мощность и в своём правильном облике тогда, когда наступит время Венеры. Таким образом, человек предвосхищает то, что наступит только во время Венеры, и сегодня образует его несовершенным, в зачаточном состоянии, не позволяет ему выйти за рамки зачаточного состояния.

Такими предстают вещи, когда их рассматривают космически. Таким образом, мы космически наблюдаем в нашем облике то, что мы в определённой мере повторяем в

нашей голове согласно силам периода древнего Солнца, в нашей груди мы несём становление Земли; поскольку мы являемся людьми конечностей, то мы несём в себе зачаток становления Венеры. Так происходит космическое рассмотрение.

Гуманистическое рассмотрение происходит несколько иначе. Тогда нам необходимо взглянуть на человеческую индивидуальность, каким образом эта индивидуальность шагает от воплощения к воплощению. Тогда нам необходимо сказать: то, что мы сегодня в этом воплощении несём в себе в качестве головы, оно оказывается родственным нашему прежнему воплощению; то, что мы сейчас несём в себе в качестве человека грудной клетки, оно в действительности полностью родственно нашему нынешнему воплощению; а то, что мы несём в себе в качестве человека конечностей, оно станет головой в следующем воплощении, оно уже родственно следующему воплощению. Я уже говорил Вам на прошлой неделе: голова обладает кое-чем предательским, в частности в своём негативном изображении. Если бы Вы сделали слепок черт лица и рассмотрели эти черты лица, то Вы бы познали в этом негативном отображении своих черт лица многое из того, что Вы натворили в прежнем воплощении.

С человеком конечностей обратная ситуация. Но так как мы не сможем снять слепок, то нам необходимо поступить иначе. Абстрагируйтесь от человека головы и человека грудной клетки, и представьте себе всё то, что делают Ваши руки и ноги, создайте себе картинку того, что делают Ваши руки и ноги. Вам необходимо создать себе некоего рода карту местности. Верно же, что каждый раз, когда Вы нечто делаете Вашими руками, это происходит в совершенно ином месте. Помимо того Вы ходите туда-сюда, Вы вступаете в отношения с другими существами. Если бы Вы нарисовали всё то, что делают Ваши руки и ноги, и спроектировали картинку — это была бы движущаяся картинка — того, что на протяжении Вашей жизни делают Ваши кисти рук и стопы, руки и ноги, тогда на этом рисунке Вы увидели бы сложную карту местности, из которой получилось бы обнаружить многое из того, что Вы кармически сохранили для Вашего следующего воплощения. Из неё Вы могли бы многое узнать о карме следующего воплощения. Это очень важно: подобно тому, как негативный слепок черт лица в состоянии покоя в своём жёстко очерченном рисунке выдаёт то, что уже произошло в прошлом воплощении, так то, что человек мог бы наметить пунктиром из того, каким образом ведут себя руки, кисти рук, ноги, стопы, было бы чрезвычайно содержательным в отношении того, что человек будет исполнять в следующем воплощении. Также в особенности это содержательно в отношении того, что человек будет реализовывать в следующей жизни, куда он пойдёт, куда понесут его ноги. Если бы Вы проследили все места, если бы Вы проследили просто тот путь, куда Вас несут Ваши ноги, тогда из этого получилась бы карта местности. Вы получили бы удивительные фигуры. Склонность человека к этим фигурам не является абсолютно лишённой воздействия. В этих фигурах выражается многое из скрытых наклонностей. Они многое выдают, эти следы, остающиеся там, относительно того, что принесёт человеку следующее воплощение. Итак, таким было бы гуманитарное рассмотрение. Космическое рассмотрение было совсем иным.

Но такое разделение человека, которое, я хотел бы сказать, обращено к настоящему времени, опять же обозначает связь с тайнами древних мистерий, в которых вещи узнавали в большей степени атавистическим образом, но в которых уже знали такие тайны, которые затрагивали как раз сегодня. Существует прекрасная легенда, связанная с царём Соломоном, о той определённости, с которой человек направляет стопы туда, где он должен найти свою смерть. В то же время смысл этой легенды в том, что на земле существует определённое место, в котором человек должен найти свою смерть — Вы

можете найти лекцию для ветви, в которой я уже рассказывал об этой легенде о Соломоне, — поэтому человек направляет туда свои стопы. Это связано с древними мистериальными знаниями об этих вещах.

Сейчас, когда человек живёт как обычно, то на самом деле у него присутствует только обыкновенное сознание; но, как Вы видите, он является очень сложным существом, этот человек. Когда он бодрствует, когда самый юный его духовный член, то есть голова, находится внутри его физической головы, тогда он ничего не знает о своей голове. Вы с полным правом можете сказать: слава Богу, что человек ничего не знает о голове; потому что о голове узнают, только испытывая головную боль. - Человек не осознаёт свою голову кроме тех случаев, когда у него болит голова; тогда он знает, что у него есть голова. В противном случае она остаётся неосознаваемой, неосознаваемой в самом фундаментальном смысле, намного в большей степени неосознаваемой, чем прочие члены физического тела человека. Человеку не следует очень радоваться тому, что в нормальном сознании он ничего не знает о своей голове. Но ниже этого сознания головы, которое в действительности обычно воспринимает только знания внешнего мира, которое стремится узнать только о том, что находится в его окружении, ниже этого знания лежит другое, своего рода сновидческое сознание, сновидческое знание. Ваша голова постоянно видит сны. И в то время как Вы знаете о внешнем мире тем способом, который Вам хорошо известен, в действительности ниже порога сознания, в подсознании, Вы постоянно видите сны. И то, что Вы там видите, эти сны в голове, если бы Вы смогли полностью это воспринять, если бы Вы смогли полностью внести это в сознание, то оно дало бы Вам некий образ, правильный обобщённый образ Вашего прошлого воплощения. Потому что Вы подсознательно видите сны о Вашем прошлом воплощении в Вашей голове. Это ещё происходит таким образом. Постоянно присутствует неслышимое сознание, которое просто заглушено более сильным светом обычного сознания, сновидческое сознание о прошлом воплощении.

В 747 году до Мистерии Голгофы внешнее сознание стало настолько сильным, что постепенно полностью вытеснило это подсознание прошлого воплощения. Но до этого 747 года люди многое знали об этом сновидческом сознании головы. Поэтому Вы также повсюду обнаружите в основе древних культур указание на повторяющиеся жизни как на факт. Просто это основывалось на том, что тогда это подсознание головы ещё не в такой полной мере как сейчас отступило на задний план, как это происходило на протяжении четвёртого, и в особенности пятого послеплатонического периода.

В обычном сознании Вы также очень мало знаете о том, что душевно-духовно соединено с грудной клеткой и торсом человека. Оно само по себе ещё происходит сновидчески. Это сознание торса и грудной клетки очень редко и то очень хаотично, беспорядочно пробивается наверх в сознание человека во сне. Если человек равномерно дышит, если его сердцебиение размеренно, то есть если все функции его грудной клетки и торса упорядочены, то сознание грудной клетки протекает не настолько ясно как сознание головы, а оно протекает сновидчески даже в обычной жизни. Человек видит сны об этом срединном человеке в чувствах — я уже пояснял это здесь в прошлом году. Но то, что лежит там в чувствах, что человек переживает только в чувствах, когда его поднимают наверх при помощи сознания, ставшего в большей степени ясновидящим, другими словами когда человек учится наблюдать то, что разыгрывается в его грудной клетке, так же сознательно, как он обычно в бодрственном состоянии наблюдает только то, что находится в сознании его головы, тогда это сознание грудной клетки и торса отчётливо делится на две части. Одна часть видит сны, направленные назад, во всё то время между

смертью и нынешним рождением или зачатием. Следовательно, в то время как Вы сновидчески, в очень глубоких снах в Вашем сознании головы подсознательно видите то, что происходило в прошлом воплощении, в снах сознания грудной клетки Вы видите то, что протекало в период времени между прежним воплощением вплоть до нынешнего рождения. А в снах, которые находятся в большей мере в нижней части грудной клетки, у Вас более сильное сознание того, что произойдёт в период между Вашей будущей смертью и следующей земной жизнью. То есть сознание, сконцентрированное в грудной клетке, остающееся в большей или меньшей степени подсознательным для современного человека, оно на самом деле является сознанием как времени до этого рождения, так и времени после этой смерти. Для подсознания срединного человека раскрываются загадки того, что лежит между нашей последней земной смертью и нашим следующим земным зачатием, за исключением или даже включая то, что мы переживаем сейчас между рождением и смертью.

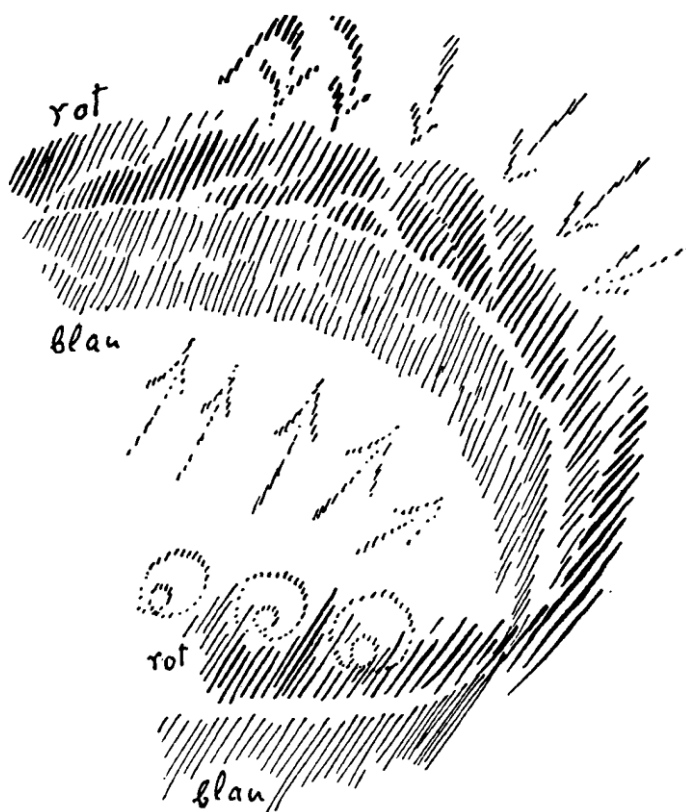
А в том, что на протяжении всей жизни остаётся сильнее всего подсознательным, что можно поднять наверх только тогда, когда человек способен посредством постоянных самостоятельных занятий при помощи изучения и упражнений духовной науки поднимать это вверх для того, чтобы на поверхность поднялись определённые моменты из жизни сна, обычно происходящие бессознательно именно во время сна, и человек станет сознательным во время сна, тогда исходя из этого третьего человека, из подсознания человека конечностей сможет развернуться картина следующего земного воплощения. То, чем человек обладает в качестве своего обыкновенного, бодрствующего сегодня сознания, в действительности является некоего рода боковым побегом человека; оно излучается в голову снаружи. Но позади этого сознания лежит другое сознание, которое распространяется на прошлое воплощение, на жизнь от прошлого воплощения до нынешнего, на жизнь от этого воплощения до следующего, и затем опять же на следующее воплощение. Человек просто просыпает это сознание.

В голове находится сознание прошлого воплощения. Во всех органах, служащих преимущественно для выдыхания, действует сильное сознание о жизни между прошлым воплощением и нынешним. Во всех функциях, служащих преимущественно для вдыхания, действует сознание от сегодняшнего воплощения до следующего земного воплощения. А в человеке конечностей, во всех исполненных тайн процессах человека конечностей действует остающееся очень и очень подсознательным сознание следующего воплощения человека.

Эти сознания в большей или меньшей степени скрыты покровом с начала четвёртого послееатлантического периода, с 747 года до Мистерии Голгофы. И призвание нашего времени состоит в том, чтобы опять из общего хаотичного сознания человека извлечь наружу определённые сознания о конкретных событиях космической эволюции и эволюции человечества.

Со всем тем, что я сейчас развил, следует, я хотел бы сказать, скрестить иное взирание в человеческую сущность. Да, уже необходимо, чтобы мы пускались в такие трудные обсуждения, иначе мы не придём к более точному пониманию. Мне бы очень хотелось, чтобы для этих обсуждений господствовала не просто определённая терпеливая покорность, но чтобы именно для этих тяжёлых вещей — так как это было бы очень необходимо для современного человечества — проявляли бы немного энтузиазма, немного исполненного темперамента подхода, что в обществе сегодняшнего времени является настолько бесконечно трудным.

Видите ли, Вы направляете Ваши чувства вовне. Там через Ваши чувства Вы обнаруживаете внешний мир, расстилающийся в качестве чувственно воспринимаемого. Я схематично нарисую то, что лежит там вовне в качестве чувственно воспринимаемого, расстилающегося вокруг нас. Прошу, то, что лежит там вовне вокруг, оно должно быть таким (см. рисунок (илл. 3), синий). Если Вы направите Ваши глаза, Ваши уши, если Вы направите Ваше чувство обоняния, или что Вы захотите, на внешний мир, тогда в определённой мере к Вам навстречу, навстречу этим чувствам обращается то, что находится на внутренней стороне этого внешнего — итак, прошу: внутренняя сторона этого внешнего (слева). Представьте себе, что Вы обращаете Ваши чувства к тому, что я здесь нарисовал (см. рисунок, стрелки), тогда эти чувства направлены на этот внешний мир, и Вы видите то, что находится здесь внутри. Теперь следует трудное представление, но я должен перейти к нему. Всё то, что Вы там видите, обнаруживается у Вас внутри. Представьте себе, что оно также должно иметь внешнюю сторону. Теперь я хочу схематически вызвать это перед Вашей душой следующими словами: если Вы смотрите таким образом вовне, то Вы видите небосвод в качестве границы Вашего созерцания: он присутствует здесь почти таким же, только я нарисовал его маленьким. Но теперь представьте себе, что Вы смогли бы мгновенно вылететь туда, пролететь сквозь него и посмотреть с другой стороны, увидеть с другой стороны Ваши чувственные впечатления. То есть Вы смогли бы взирать таким образом (см. рисунок, стрелки сверху).

blau - синий, rot — красный.

Илл. 3

Прошу, естественно, Вы это не видите; но если бы Вы смогли посмотреть таким образом, то это был бы другой аспект. Вам нужно было бы выйти из себя самого и

посмотреть с другой стороны на весь Ваш чувственный мир. То есть Вы рассмотрели бы с обратной стороны то, что обращается к Вам в качестве цвета, рассмотрели бы с обратной стороны то, что обращается к Вам в качестве звука, и так далее; Вы рассмотрели бы с обратной стороны то, что обращается к Вам в качестве запаха, Вы бы постигли запах носом с обратной стороны. То есть представьте себе наблюдение мира с другой стороны: чувственно воспринимаемые вещи расстилались словно некий ковёр, а теперь на этот ковёр посмотрели с другой стороны. Вы увидите только маленький кусочек, очень, очень маленький кусочек этой обратной стороны. Этот очень маленький кусочек, я могу представить здесь только потому, что сделаю такую вещь: взгляните, теперь я нарисую красным то, что Вы увидели бы там с другой стороны, так что я могу сказать, на схеме чувственно воспринимаемое увидят таким: если смотрят обычным образом, то оно выглядит синим; если смотрят с другой стороны, то оно выглядит красным, но обычно его не видят. В том, что увидели бы там красным, во-первых, там внутри расположено всё то, что можно пережить между смертью и новым рождением, во-вторых, всё то, что описано в «Очерке тайноведения» в качестве развития Сатурна, Солнца, Луны, Земли и так далее. Там лежит собранным то, что как раз сокрыто для чувственного созерцания. Оно находится там на другой стороне шара. Но Вы видите маленький кусочек этого; я могу нарисовать то, что я сейчас сказал, только таким образом: давайте возьмём этот маленький кусочек красного цвета, он перешёл бы сюда на эту сторону (см. рисунок, внизу), и перекрестился с синим цветом так, чтобы этот синий отступил назад, вместо того, чтобы сейчас стоять впереди. В сущности, мне следовало бы здесь рисовать в четырёхмерном виде, если бы я это рисовал реальным, поэтому я могу нарисовать это лишь схематически. Следовательно, там (слева) чувства обращены сейчас к синему здесь; а там они обращены не к синему, а к красному, который Вы обычно не видите. Но позади красного теперь перекрещивается то, что видят обычно, и оно теперь находится под ним. И этот маленький кусочек, который там перекрещивается с этим другим, Вы постоянно видите его в обычном сознании. Собственно говоря, оно является накопленными Вами воспоминаниями. Всё, что возникает в качестве воспоминания, возникает не в соответствии с законами этого внешне воспринимаемого мира, а оно возникает в соответствии с законами, соответствующими этому лежащему позади миру. Это внутреннее, которое Вы несёте в себе в виде Ваших воспоминаний, оно в действительности соответствует тому, что находится там на другой стороне (справа). Когда Вы смотрите внутрь себя, во всё то, что является Вашими воспоминаниями, Вы фактически видите мир частично с другой стороны; там выступает немного другое, там Вы видите мир с другой стороны. И если бы теперь Вы смогли бы проскользнуть сквозь Ваши воспоминания, какими они записаны — я говорил об этом восемь дней назад -, если бы Вы смогли заглянуть туда вниз под Ваши воспоминания и смогли посмотреть на них с другой стороны, оттуда с той стороны (см. рисунок, слева), тогда Вы бы увидели эти воспоминания как Вашу ауру. Там Вы увидели бы человека как духовно-душевное существо с аурой, так же как обычно Вы видите внешний мир в чувственном восприятии. Только это было бы мало приятно — как я уже характеризовал это здесь восемь дней назад —, потому что там с другой стороны человек ещё не красив.

Итак, интерес представляет то, что необходимо скрестить с этим другим пониманием трёхчленного человека. Это скрещение здесь, оно находится, собственно говоря, в срединном человеке, в человеке грудной клетки. Вы помните рисунок, который я сделал восемь дней назад, на котором я нарисовал закрученные в себя лемнискаты с завёрнутыми назад петлями: мне необходимо было бы нарисовать их и здесь. Здесь мне необходимо было бы нарисовать этого человека грудной клетки при помощи этих завёрнутых назад

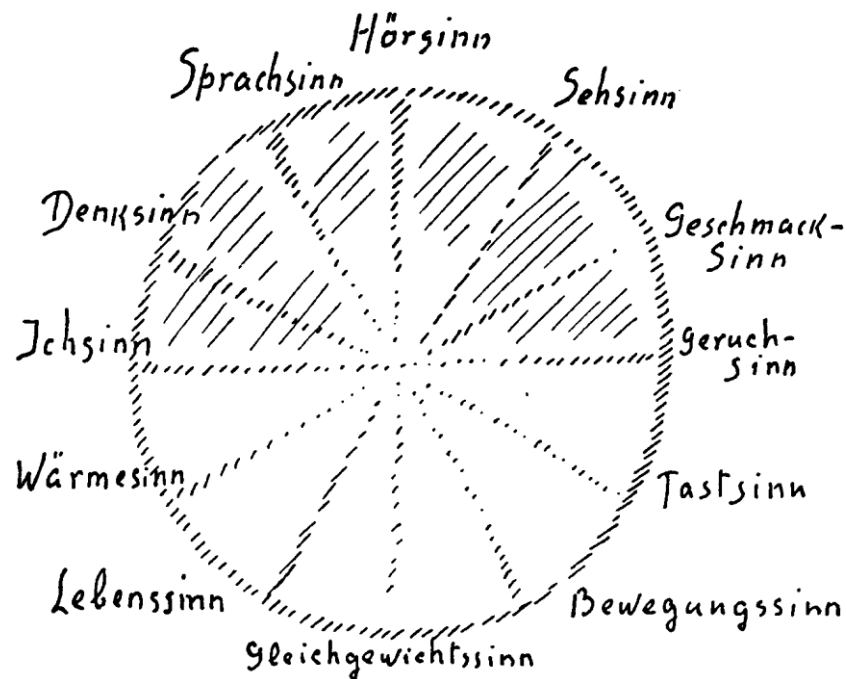
лемнискат (см. рисунок (илл. 3), слева внизу): это совпало бы со сферой воспоминания. Так что этот трёхчленный человек несёт этот поворот человека здесь в своей срединной части, где внутреннее становится внешним, а внешнее становится внутренним, где Вы сейчас видите картину, которую в противном случае увидели бы как картину мира, как огромное мировое воспоминание, в виде Вашего собственного маленького микрокосмического воспоминания. В Вашем обычном сознании Вы видите то, что происходило начиная с трёхлетнего возраста вплоть до нынешних дней: это является внутренней записью, маленьким кусочком того, что идентичным образом находится совместно с тем, что кроме того является записью всей эволюции мира, которая находится на другой стороне.

Не без оснований я в своё время, как известно многим из Вас, говорил о том — в свою очередь я объяснил это в моей последней книге «О загадках души» в конце в примечании — не без оснований я говорил о том, что в действительности у человека двенадцать чувств. Об этих чувствах нам следует знать, что одна часть этих двенадцати чувств обращена к чувственно воспринимаемому, а другая часть этих двенадцати чувств направлена в обратную сторону. Также и здесь внизу (см. рисунок (илл.3)), они направлены в соответствии с тем, что уже перевёрнуто. А именно к чувственно воспринимаемому направлены: чувство «Я», чувство мысли, чувство речи, чувство слуха, чувство зрения, чувство вкуса, чувство обоняния. Эти чувства направлены к чувственно воспринимаемому. Другие чувства в действительности не доводятся человеком до сознания потому, что они изначально направлены на его собственное внутреннее, и в таком случае на обратную сторону мира. Преимущественно они следующие: чувство тепла, чувство жизни, чувство равновесия, чувство движения, чувство осязания. Так что мы можем сказать: для обычного сознания семь чувств находятся в свете (вверху), а пять чувств во тьме (внизу). И эти пять чувств, находящиеся во тьме, они обращены к другой стороне мира, также и в человеке они обращены к другой стороне (см. рисунок (илл. 3)).

И отсюда Вы сможете увидеть полное сходство между чувствами и кое-чем другим, о чём мы сейчас будем говорить (см. рисунок, круг). Итак, представьте себе, что нам необходимо было бы в качестве чувств указать чувство слуха, чувство речи, чувство мысли, чувство «Я», чувство тепла, чувство жизни, чувство равновесия, чувство движения, чувство осязания, чувство обоняния, чувство вкуса, чувство зрения, тогда в действительности всё то, что идёт от чувства «Я» до чувства обоняния, находится в свете, в том, что доступно обычному сознанию (см. рисунок, заштриховано). А всё то, что смотрит в другую сторону от обычного сознания, подобно тому, как ночь находится на обратной стороной дня, оно относится к другим чувствам.

Естественно, граница опять же просто схематична; нечто проникает друг в друга, действительность не настолько удобна. Но это разделение человека в соответствии с чувствами происходит таким образом, что Вы можете на схеме на месте чувств нарисовать просто знаки зодиака и Вы получите: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы — семь знаков зодиака на светлой стороне; пять на тёмной стороне: Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы: день, ночь; ночь, день. И Вы увидите полное сходство между микрокосмическим человеком — тем, к чему обращены его чувства, и тем, что повернуто в другую сторону, но к чему в действительности обращены его низшие чувства - и тем, что во внешнем Космосе означает смену дня и ночи. В человеке в определённой степени происходит то же самое, что и в мироздании. В мироздании чередуются день и ночь, так же и в человеке чередуются день и ночь, то есть бодрствование и сон, даже когда они обрели самостоятельность друг от друга для современного цикла сознания человека.

В то время как днём человек обращён к дневным чувствам; мы можем точно так же сказать: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, как мы могли бы сказать: чувство «Я», чувство мышления, чувство слова и так далее. Вы можете увидеть каждое «Я» другого человека, Вы можете понять мысли другого человека, Вы можете слышать, видеть, ощущать вкус, обонять запах: такими являются дневные чувства. Ночью так же, как Земля обычно повёрнута в другую сторону, человек обращён к другим чувствам, просто они ещё не полностью развиты.

Илл. 4

Ichsinn - чувство «Я» Denksinn — чувство мысли

Sprachsinn — чувство речи

Hörsinn — чувство слуха Sehsinn — чувство зрения

Geschmacksinn — чувство вкуса

Geruchsinn — чувство обоняния

Tastsinn — чувство осязания

Bewegungssinn — чувство движения

Gleichgewichtssinn — чувство равновесия

Lebenssinn — чувство жизни

Только после периода Венеры они будут развиты настолько полно, что смогут воспринимать то, что находится там на другой стороне. Они ещё не настолько полно развиты, чтобы уметь воспринимать то, что находится там на другой стороне. Они окутаны ночью, так же как Земля пребывает в ночи, проходя через другие регионы неба, через другие образы круга зодиака. Прохождение человека через свои чувства можно полностью сравнить с этим путём — скажете ли Вы сейчас Солнца вокруг Земли или Земли вокруг Солнца, для этой цели это в конце концов не имеет значения; но эти вещи взаимосвязаны. И об этой взаимосвязи очень хорошо знали мудрецы древних мистерий.

В четвёртый послееатлантический период это постепенно исчезло для сознания, но необходимо снова поднять это наверх, необходимо даже вопреки противодействию, которое поднимается против этого, снова поднять это наверх для культуры человечества. Потому что в понятиях, которые там осваиваются, находится то, что позволяет человеку также ясно представить то, что происходит сейчас в социальной и исторической жизни. Пока Вы разделяете жизнь природы и духовную жизнь так, как это любит делать сегодня современное человечество, пока Вы не придёте к таким понятиям, которые смогли бы сыграть роль в историческом становлении, над Вами берут верх те понятия, которые играют роль в исторической жизни. Они берут верх над Вами. Существует множество примеров этого.

Не правда ли, люди ужасно много думали, уже, ну скажем двести лет, как они думают. Можно суммировать то, о чём люди думают уже двести лет, что они сформировали в идеалы, о чём они говорили и снова говорят как о великих идеалах: от идеала эпохи Просвещения вплоть до сегодняшних дней до идеала великого псевдо-Цезаря Вудро Вильсона. Всё то, что там говорилось о различных идеалах, люди думали об этом на протяжении веков, на протяжении двух веков; оно формировало мысли людей. Но история мира мало приводилась в действие этими мыслями. История мира приводилась в действие чем-то совсем другим: теми мыслями, которые действовали и ткали в вещах. И в действительности мысли, изобилующие в человеческих головах, никогда не были более далёкими от великих космических мыслей, живущих в вещах, чем в наше время. То, что, можно сказать, уже сто пятьдесят лет назад занимало людей для создания определённого облика мира, это были не мысли о свободе, равенстве, братстве, справедливости и так далее, а это были мысли, сплетённые, например, с появлением механического ткацкого станка. То, что механический ткацкий станок вступил в современное развитие во второй половине XVIII века, что это знаменательное изобретение механического ткацкого станка вошло в человеческое развитие, заняв место древнего ручного ткачества, и что от этого механического ткацкого станка исходит вся человеческая культура нового времени, в этом ткут объективные мысли, настоящие мысли, придавшие миру тот облик, которым он обладает сейчас, и из которого возник современный катастрофический хаос. Если желают написать историю современного катастрофического хаоса, следует обращаться не к мыслям, которыми изобиловало человеческое сознание, а к этим объективным мыслям об основании, об изобретении механического ткацкого станка вплоть до возникновения крупной промышленности и её тени, социализма. Потому что даже если они являются очевидными противоположностями, крупная промышленность и социализм, то они являются полярными противоположностями, которые принадлежат друг другу, которые

невозможно отделить друг от друга. Следует узнавать эти объективные мысли и наблюдать становление истории.

Потому что тогда обнаруживают, что люди предавались множеству иллюзий на протяжении XVIII, XIX веков и главным образом в той части XX века, в которой мы живём сейчас. Они предавались в своих мыслях множеству иллюзий; но над ними взяли верх объективные, историко-космические мысли. Они ткнут в вещах. И интерес к этим объективным ткущим мыслям, даже если ужасно однобокий интерес, в действительности постепенно развили только те люди, которые формировали социализм в качестве мировоззрения. И это является чем-то чрезвычайно характерным. Если Вы проследите XIX век, то увидите следующее: буржуазный класс всё больше и больше теряет интерес к великим мировоззренческим вопросам. Великие вопросы созерцания мира даже становятся в высшей степени неуютными для буржуазного класса, их по возможности задвигают в эстетику. Существуют ли духовные существа или нет, об этом люди, если они настоящие среднестатистические буржуа, могут услышать всевозможные вещи со сцены, где им нет необходимости верить в это, где неважно истинны вещи или нет: там позволяют Бьёрнсону и подобным людям самым разнообразным образом дурачить себя. Таким образом, в новое время для буржуазного класса всё соответствующее созерцанию мира задвигают в эстетическое, в игру со всевозможным так называемым художественным. На самом деле с обеих сторон сталкивались лбами в отношении созерцания мира — причём я не хочу рассматривать это как идеал в физическом смысле, но в духовном смысле это является в определённом смысле идеалом: Вы знаете, что я с определённой самоуверенностью указывал на то, что я бы также охотно хотел видеть проявление темперамента при отстаивании антропософских истин — в последние десятилетия многие умы ведут споры в социалистической области. А другие не занимаются этим. От этого просто отказываются, хотел бы я сказать, те люди, которые в действительности видят мир с очень узкой точки зрения, которые видят мир только с точки зрения фабрик, исходя из внутренних вопросов фабрик, исходя из внутренних вопросов типографских мастерских и так далее. И в высочайшей степени представляет интерес то, что вышло в отношении так называемого созерцания мира из этой точки зрения фабрики: так как это и есть социализм! Он произошёл от этой точки зрения на внутренние вопросы фабрик, он произошёл от точки зрения людей, вообще не знающих ничего иного кроме внутренних вопросов фабрики. А тем, что развивается с этой стороны, буржуазный класс, занимающийся всякими абстрактными идеями, и даже эстетикой занимающийся абстрактно, так чтобы не сильно нужно было сталкиваться лбами, буржуазный класс в действительности мало интересуется тем, что развивается там внизу. И таким образом, как ни странно, буржуазный класс оказался в середине между отмирающим, полностью отмирающим старым созерцанием мира, которое утратило всё духовное, и которое хотело бы все великие вопросы в целом задвинуть в эстетизм, и тем новым, что там восходит, социализмом, у которого вообще ещё нет никаких понятий, который ещё только подготавливает слова для всяких систем, потому что он вообще ещё не умеет видеть мир, а может видеть только фабрики и самые внешние механические вещи. Только представьте себе, что же в действительности может значить, если человек внутри ничего не знает о минеральном царстве, растительном царстве, животном царстве, а знает только о виде и способе, которым в машине механически движется туда-сюда винтик, как то или иное шлифуется, обрабатывается на станке и тому подобное! Социализм является мировоззрением, которое основывается на чисто механическом взгляде на мир. Для социалиста из мира вырезана механическая часть; в соответствии с ней он формирует свои понятия.

Этому позволили возникнуть, потому что принцип заключался в том, чтобы в действительности волновались об этих вещах лишь эстетическим образом. Когда Теософское общество только было основано, его главный принцип также видели в любви всех людей друг к другу. Как много об этом высокопарно говорили! Но я уже достаточно высказывался об этом пункте. Он настолько же удобен, насколько бесплоден. Но он также проистекает из того, что желают насколько возможно задвинуть то, что несёт действительно конкретное содержание, в то, что лишено содержания. И таким образом даже не могли проявить подлинный интерес к подлинному ходу событий. Отдельные люди отмечали странность традиционного, скажем так, рассмотрения истории. Давайте возьмём один случай.

Давайте возьмём излюбленное описание Римской империи, попытайтесь узнать о Римской империи в учебниках или даже в книгах, написанных очень авторитетными историками. Я полагаю, что в этих описаниях Вы очень мало услышите об одной определённой личности, уже во времена Нерона игравшей значительную политическую роль — так уже при Нероне пробиваются политические устремления —, затем она произвела необычайный фурор и добилась значительного влияния на политику Рима при Веспасиане и Тите, так что можно сказать, что эта личность была душой правления Веспасиана и Тита. Затем эта личность повернулась в другую сторону во время правления Домициана, которого она считала вредящим римской культуре. Она повернулась в другую сторону. Против неё начали судебный процесс, весьма резонансный процесс, который протекал очень интересно, в котором Домициан из тирана превратился прямо-таки в человека, который не знал, как выйти из затруднительного положения в этом процессе, и поэтому человека не смогли осудить. Затем, когда опять же на место Домициана пришёл Нерва, мы видим эту личность снова энергетически связанной с императором, с кесарем. Но там мы видим, что эта личность занимается большой политикой исходя из всего мировоззрения того времени, и в то же время мы видим, как эта личность пытается ещё раз, последний раз во времена Римской империи, привить политическим событиям подлинно далеко идущие, сошедшие из Космоса понятия. И как ни странно Вы не найдёте правильного описания этой личности ни в одной общепринятой книге по истории, ни у Светония, ни у Тацита, а только у Филострата. И даже Филострат описывает только таким образом, что не понятно, описывает он литературную выдумку или действительность. Он описывает жизнь Аполлония Тианского. Потому что тем, о ком я Вам говорил, что он оказывал такое огромное влияние на политику от времён Нерона до Нервы и главным образом при Веспасиане и Тите, и кого описывал Филострат является Аполлоний Тианский. И тюбингенский теолог Баур, историк Баур был в высшей степени изумлён тем, что люди совсем ничего не обнаруживают о такой личности как Аполлоний, который должен был бы играть главную роль в описании истории. Конечно, Баур смотрит не на то, что важно. Важно то, что в Аполлонии в истории присутствовала личность, которая уже оказывала это огромное влияние, и которая исходила из величайшего космического принципа. Это было в высшей степени фатальным для христианства, влившегося в римский элемент. И теперь я прошу Вас учесть, что всё то, что там находится исторически, присутствует там по милости церкви. Там нет ничего кроме того, что церковь оставила людям из милости. Один совсем неглупый пожилой человек небезосновательно утверждал, что вообще не существовало ни Платона, ни Софокла, а монахи в XIV, XV веках написали драмы Софокла; потому что точных доказательств того, что Софокл жил, не существует. Даже если это утверждение неубедительно, естественно это нелепость, но мы часто уже подчёркивали, насколько ненадёжно всё то, что является историческими выдумками. И мы должны ясно понимать это. Мы должны увязать

настоящее с прошедшим, потому что мы сейчас приближаемся к великому, значительному вопросу.

Мы снова указали, теперь уже с современной точки зрения, на человека, состоящего из трёх частей, на эту взаимосвязь с космическими истинами, на необходимость, чтобы это снова открылось. Да, в чём же заключалась в действительности главная деятельность церкви, особенно начиная с Восьмого Вселенского собора в Константинополе, состоявшегося в 869 году? Она заключалась в том, чтобы загасить, истребить из человеческого сознания то, что в те древние времена даже христианство понимало о взаимосвязи человека с Космосом, с великим духовным миром. Всё то, что разглашало эту связь, устраняли с настоящим страхом. И только потому, что не всё можно устранить, потому что этому уже противится карма, остались такие труды как у Филострата. И, следовательно, Вы сможете понять, если теперь соедините прошлое с настоящим, что определённые люди со стороны церкви испытывают ужасный страх, когда в настоящее время снова следует позаботиться об объединении того, что делает человека существом Космоса, и самого этого человека с его задачей.

Уже не подходит, просто сонно следовать тому, к чему следовало бы стремиться антропософскому движению. Необходимо следовать в живом полном сил сознании. Это уже необходимо. Этими словами я указал на то, что мы хотим изложить далее. Завтра я прочту здесь лекцию, в которой продолжу эти рассмотрения.

Лекция шестая Дорнах,

26 августа 1918 г.

Для думающего человека всё снова и снова будут напрашиваться определённые вопросы, даже если ему хотелось бы в большей или меньшей степени уйти в сторону от этих вопросов в те времена, когда преобладает материалистическая культура. Таких вопросов существует множество. Сегодня я хотел бы выделить несколько из огромного ряда вопросов, возникающих потому, что человек всё же ощущает отпечаток этого духовного мира, даже если он противится признавать духовный мир. Например, к таким вопросам относятся те, которые, можно сказать, повседневно ставят жизнь: определённые люди умирают юными, другие умирают в очень пожилом возрасте, а третьи — в промежуточном возрасте. В отношении того факта, что, с одной стороны, умирают совсем юные дети, а с другой стороны, люди полностью состариваются, а затем умирают, у людей возникают вопросы, на которые при помощи средств, называемых сегодня научными средствами, никогда — при ясном размышлении это должен признать любой человек — не смогут ответить. И всё же они являются животрепещущими вопросами для человеческой жизни, и каждый человек в действительности может ощутить, что для жизни можно было бы объяснить бесконечно многое, если бы смогли приблизиться к этим вопросам: почему иногда люди умирают раньше, будучи детьми, в юном возрасте, в середине обычной продолжительности жизни? Почему другие умирают в пожилом возрасте? Какое значение это имеет для всей Вселенной?

Вплоть до того времени, на которое я Вам уже указывал в этих рассмотрениях, вплоть до момента начала четвёртого послееатлантического периода, примерно до середины VIII века до Рождества Христова, у людей ещё были представления, понятия для того, чтобы

ответить на такие вопросы. Они получили эти понятия из древней мудрости. Также в те древние времена, предшествовавшие VIII веку до Рождества Христова, в земной культуре того времени повсюду были распространены представления, которые согласно духу того времени давали людям объяснения таких вопросов, как уже упомянутые. То, что мы сегодня называем наукой, не может связать с такими вопросами правильный смысл, вообще не приходит к тому, что этими вопросами задано нечто, на что следовало бы отыскать какой-либо ответ. Это всё проистекает из того, что в период, прошедший с уже указанного момента времени, все представления, относящиеся к духовному, а вместе с тем к вечному, человеку были утеряны. Остались только те представления, которые относятся к преходящему человеку и человеку, замкнутому между рождением и смертью.

Я уже обращал Ваше внимание на то, что все древние мировоззрения говорили как о тройственном Солнце, о том Солнце, которое в физическом смысле воспринимают как светящийся шар в мировом пространстве. Но позади этого Солнца древние мудрецы видели душевное Солнце — говоря в греческом духе, Гелиоса — и только позади этого душевного Солнца видели духовное Солнце, которое ещё, например, Платон отождествлял с Благом. Для сегодняшнего человека невозможно в по-настоящему правильном смысле говорить о Гелиосе, душевном Солнце, или вообще о духовном Солнце, Благе. Но подобно тому как здесь между рождением и смертью нам светит физическое Солнце, так, если мне позволят сказать, в наше «Я» в то время, которое мы проводим между смертью и новым рождением, светит духовное Солнце, которое ещё Платон отождествлял с Благом. В отношении времени между смертью и новым рождением нет смысла говорить об этом святящемся шаре, о котором говорит наше сегодняшнее материалистическое мировоззрение; между смертью и новым рождением имеет смысл говорить о духовном Солнце, о том, что ещё Платон обозначает как Благо. Но именно такое понятие должно было бы на нечто указать нам. Оно должно было бы направить нас на размышление о том, как нам на самом деле вести себя с тем, что мы формируем себе в качестве физического представления о мире. В том, что мы формируем себе как физическое представление о мире, в том, что чувственным образом расстилается перед нами, мы можем увидеть некоего рода иллюзию, некоего рода майю, его не воспринимают всерьёз в полном смысле этого слова, как минимум не настолько серьёзно, чтобы взгляды на жизнь действительно прониклись бы этими вещами.

То есть по сути человек, допустим сегодняшний физик, астрофизик, считает авторитетным что-то вроде такого представления о Солнце: если бы он смог подняться вверх туда, куда физики поместили Солнце, то, когда он приблизится к Солнцу — давайте отвлечемся сейчас от обстоятельств жизни людей, предположим, что обстоятельства жизни могли бы стать совершенными, — он почувствовал бы ужасный жар, он представляет себе это таким, и если он войдёт внутрь пространства, которое по представлению физика занимает Солнце, то внутри этого пространства он обнаружил бы раскалённый газ или нечто подобное. Таким на самом деле представляет себе это физик: раскалённый газовый шар или нечто такое. Но оно не является таким, это является настоящей майей, настоящей иллюзией. И это представление не выдерживает критики даже перед истинно физическим наблюдением, которое можно получить, не говоря уже о реальном сверхчувственном наблюдении. Дело в том, что если бы действительно смогли приблизиться к Солнцу и попали бы туда, где находится Солнце — да, когда приближаются к Солнцу, тогда обнаруживают нечто похожее на то, будто следует идти через разливающийся свет (нарисовано: жёлтый круг, внутреннее синее ядро); но когда входят туда, где физики предполагают физическое Солнце, сначала обнаруживают то, что

можно было бы распознать как пустое пространство. Там вообще ничего нет; совершенно ничего нет там, где предполагают физическое Солнце. Я рисую это схематически (синий), потому что в действительности там ничего нет. Там ничего не находится, там находится пустое пространство. Но это пустое пространство необычно! Когда я говорю: там ничего нет, - то на самом деле я говорю не совсем правильно, там находится меньше чем ничто. Там находится не просто пустое пространство, а там находится меньше чем ничто. И это является тем, что сегодня чрезвычайно трудно сформировать в качестве представления для людей Западной Европы. Житель Востока без затруднений примет это представление ещё даже сегодня; для него нет ничего удивительного или с трудом понимаемого, когда ему говорят о том, что там находится меньше чем ничто. Житель Запада представляет себе, и он представляет себе это в особенности, когда является подлинным кантианцем, потому что намного больше людей, чем сегодня полагают, являются кантианцами, бессознательными кантианцами: если в пространстве ничего нет, то это именно и является пустым пространством! - Но не в этом случае; это также может быть исчерпанное пространство. Так как если бы Вы посмотрели сквозь эту солнечную корону, то Вы ощутили бы это пустое пространство, в которое Вы там вошли бы, в высшей степени неприятным: так как оно разрывает Вас на части. В этом оно обнаруживает свою сущность, что оно является больше — или лучше сказать меньше — чем пустое пространство. Вам необходимо лишь прибегнуть к помощи простейших математических понятий, чтобы Вам не осталось неясным то, что я имею в виду говоря: пустое пространство является ещё меньше чем просто пустым. Давайте предположим, что у Вас есть какое-то имущество. Но также может произойти так, что Вы потратили всё, чем владеете, что у Вас ничего нет. Но у человека может быть меньше чем ничего: у человека могут быть долги, тогда у человека на самом деле будет меньше чем ничего. Если человек перейдёт от наполненного пространства ко всё слабее и слабее наполненному пространству, тогда он придёт к пустому пространству; но потом можно выйти на заднюю сторону простой пустоты, как от ничего можно перейти к долгу.

Величайшая ошибка сегодняшнего мировоззрения состоит в том, что оно не знает этот своеобразный вид негативной материальности - если я могу так выразиться — что оно знает только пустоту и наполненность, а не то, что меньше пустоты. Так как сегодняшнее знание, сегодняшнее мировоззрение не знает того, что меньше пустоты, поэтому это сегодняшнее мировоззрение в большей или меньшей степени удерживается в материализме, по-настоящему удерживается в материализме, я хотел бы сказать: околдовано материализмом. Потому что в человеке также существует, если я могу так выразиться, одно место, которое является более пустым чем просто пустое; не полностью, но в нём сохранились части, являющиеся более пустыми чем просто пустые. В целом человек — я имею в виду физического человека — является существом, которое материально заполняет пространство; но определённая часть человеческой природы, из тех трёх, которые я приводил, действительно несёт в себе нечто, подобно Солнцу более пустое чем просто пустое. Этим является — да, Вы должны уже принять это — голова. И именно потому, что человек организован так, что его голова может постоянно опустошаться и в определённых частях может быть более пустой чем просто пустой, благодаря этому у этой головы есть возможность хранить духовное. Представьте себе эти вещи такими, какими они являются на самом деле. Естественно, эти вещи следует изобразить схематически; но представьте себе, что я схематически нарисую всё то, что материально наполняет Вашу голову, следующим образом. Схематично Ваша голова была бы такой (см. рисунок (илл. 1), красный). Но, собственно говоря, если я хочу изобразить её полностью, я должен оставить в этой голове пустые места. Теперь конечно не

настолько большие, но внутри находятся пустые места. В эти пустые места может войти то, что я называл Вам в эти дни юным духом. В этих пустых местах следует нарисовать юный дух, можно сказать в его излучении (жёлтый).

rot - красный, gelb - жёлтый.

Илл. 1

Да, материалисты скажут: мозг является инструментом душевной жизни, мышления. - Истинно обратное: отверстия в мозге, да фактически то, что является бóльшим чем отверстия, или я хотел бы даже сказать, является меньшим чем отверстия, что является более пустым чем просто пустое, оно является инструментом душевной жизни. А там, где нет душевной жизни, где душевная жизнь постоянно выталкивается, где пространство нашего черепа наполнено мозговым веществом, там ничего не мыслят, там ничего не переживают душевно. Наш физический мозг необходим нам не для душевной жизни, он нужен нам только для того, чтобы мы улавливали душевную жизнь, улавливали физическим образом. Если бы душевная жизнь, которая в действительности живёт в отверстиях мозга, не выталкивалась там повсюду, то она улетучивалась бы; она бы не доходила до сознания. Но она живёт в отверстиях мозга, которые являются более пустыми чем просто пустыми.

Мы должны постоянно таким образом корректировать понятия. Когда мы стоим перед зеркалом, то мы воспринимаем не себя, а наше отражение. Мы не должны забывать о себе. Мы видим себя в зеркале. Так же человек не переживает себя, когда он посредством своего мозга удерживает то, что находится в отверстиях мозга; он переживает, как его душевная жизнь повсюду отражается, когда наталкивается на мозговое вещество. Она повсюду отражается; это переживает человек. В действительности он переживает своё отражение. Но то, что проскользнуло туда в отверстия, оно является тем, что потом, когда человек проходит через врата смерти, осознаёт само себя без противодействующей силы мозга, потому что тогда это осуществляется сознанием противоположным образом.

Теперь я хочу нарисовать другую схему. Представьте себе следующее. Прошу, сейчас я хочу нарисовать мозг намного нагляднее, как остаются отверстия (синий). Тут находится мозговое вещество, а тут остаются отверстия, и внутрь этих отверстий входит душевная жизнь (жёлтый). Но эта душевная жизнь, она продолжается перед этими отверстиями. Там мы входим в ту, конечно, видимую только вблизи человека, но истекающую в неопределённое, человеческую ауру.

blau - синий, gelb - жёлтый.

Илл. 2

Давайте отвлечёмся сейчас от мозга и представим себе, что мы рассматриваем душевную жизнь обычного человека между рождением и смертью, тогда нам следовало бы сказать: настоящий человек, если его рассматривают таким способом, он в своём состоянии между рождением и смертью находится таким образом, что он в действительности — тут однако мне необходимо нарисовать это по-другому — обращает своё лицо к своему телу вот так (см. рисунок (илл. 3), лиловый); он обращает свою душевную жизнь к телесному. И если мы посмотрим на мозг, то эта душевная жизнь вытягивает здесь вперёд щупальца, которые входят в отверстия мозга. То, что там я нарисовал жёлтым (см. рисунок (илл. 2)); здесь я рисую лиловым, потому что это лучше соответствует взиранию на живущего человека. Оно было бы тем, что простирается в мозг у живущего человека.

Если бы теперь вслед за этим я захотел как-то нарисовать физического человека, я смог бы наилучшим образом наметить это, нарисовав примерно здесь границу, которая дана возможностью воспоминания. Она бы вот здесь выходила наружу, а там находилась бы внешняя граница, граница познания, о которой я Вам также говорил. Тут Вам просто необходимо вспомнить рисунок, сделанный на днях и вчера.

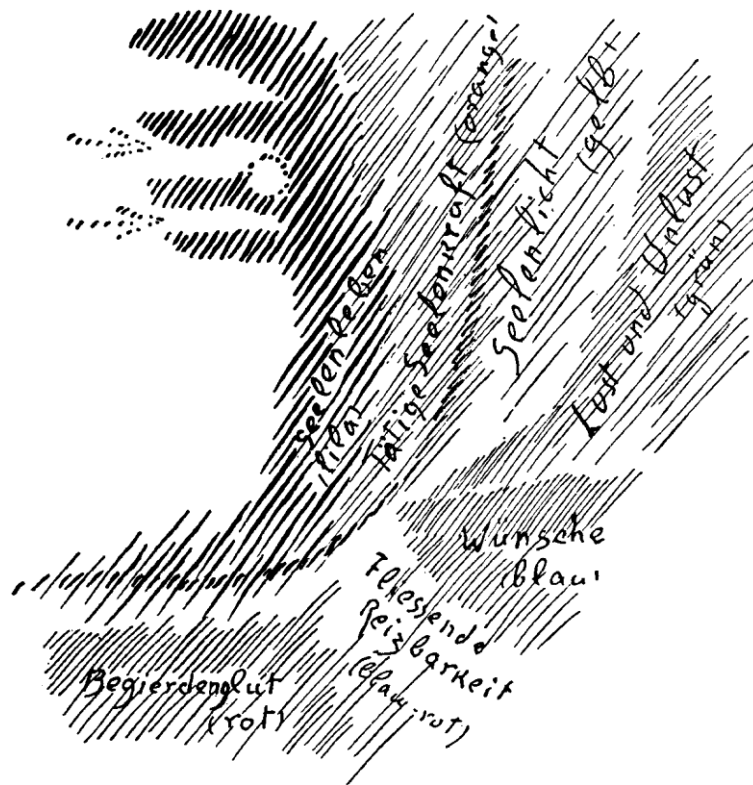
Но сейчас действительно происходит так, что, когда человека рассматривают духовно извне, душевная жизнь простирается таким образом в человека. Поэтому я хочу изобразить Вам отдельные простирающиеся элементы только в отношении мозга. Но эта душевная жизнь также дифференцирована в себе: так, если бы я продолжил эту душевную жизнь далее, то здесь я должен был бы нарисовать другую область (красный под лиловым), а здесь ещё одну область (синий); таким образом это всё относилось бы к ауре, составляющей основную природу человека. Далее есть ещё одна область (зелёный): видите ли, эта часть, которую я тут сейчас схематично рисую, находится по ту сторону границы человеческого познания. Затем существует эта область (жёлтый) — по сути это всё относится к человеку — и эта область (оранжевый).

Когда человек засыпает, она в большей или меньшей степени выходит за пределы тела, как это было нарисовано вчера (илл. 2, лекция пятая); когда человек бодрствует, в большей или меньшей степени она входит в тело, так что в действительности ауру можно воспринимать душевно только в ближайшем окружении тела. Когда описывают физического человека, то делают это, говоря: этот физический человек состоит из лёгких, сердца, печени, жёлчи и так далее. Так говорит физический анатом, физиолог и так далее.

Но Вы можете так же описать духовно-душевного человека, который таким образом действительно простирается в отверстия человека, простирается в то, что является больше чем просто пустым, в человека. Вы также можете это описать. Потому что тогда Вам нужно просто указать, из чего состоит этот духовно-душевный человек. И подобно тому, как в физическом человеке различают органы, так здесь можно различить потоки. Можно, сказать: здесь, где я нарисовал красный цвет, находился бы вот так в профиль физический человек, сюда направлено лицо, примерно здесь глаза (см. рисунок (илл. 3)); здесь была бы область жара вождлений (красный). Это была бы составная часть душевно-духовного человека, которая по своей субстанции взята из той области, известной Вам из «Теософии» как область жара вождлений. То есть жар вождлений, в некоторой степени нечто взятое из него, помещён внутрь человека, составляет эту часть человека.

То, что я здесь нарисовал лиловым, я должен был бы назвать, если я описываю подробно, душевной жизнью. Вы знаете, что «душевной жизнью» называют определённую часть душевной области, душевной страны. Поэтому сущностью этого фиолетового, этого лилового было бы то, что в человеке формирует некую часть духовно-душевного. То, что я здесь обозначил оранжевым, нам следовало бы назвать, если мы оставили это название, деятельной душевной силой. Итак, Вам нужно было бы представить себе: то, что интенсивнее всего входит в Вас через Ваши чувства в жизни между рождением и смертью, это является душевной жизнью; а за ней, также проталкивающаяся, но не имеющая возможности войти, останавливающаяся из-за душевной жизни: деятельная душевная сила. А ещё дальше за ней находится то, что можно назвать: душевным светом. Здесь я обозначил его жёлтым цветом. Затем почти примыкая к этому душевному свету, пробиваясь таким образом, находилось бы то, что извлечено из области удовольствия и неудовольствия. Здесь мне нужно было бы отнести это к зелёной области.

Затем уже к синеватой области необходимо было бы отнести: желания. А примыкающей здесь к синему, уже в большей мере переходящей в сине-красный, была бы область текучей возбудимости. То, что я здесь называю жаром вождлений, текучей возбудимостью, желанием, это является потоками ауры. Эти потоки ауры, как Вы знаете, формируют душевный мир; но они также формируют душевно-духовного человека, который примерно так выстроен из ингредиентов этого душевного мира.

Seelenleben — душевная жизнь, lila - лиловый, Tätige Seelenkraft - деятельная душевная сила, orange - оранжевый, Seelenlicht — душевный свет, gelb - жёлтый, Lust und Unlust — удовольствие и неудовольствие, grün - зелёный, Wünsche — желания, blau - синий, Fließende Reizbarkeit — текучая возбудимость, rot - красный, Begierdenglut — жар вожделений.

Илл. 3

Когда потом наступает смерть, тогда происходит так, что физическое тело отпадает, а человек забирает то, что проникло в него через его отверстия. Теперь он забирает это. Так как он забирает это — мы можем мысленно устранить этого физического человека —, теперь человек вступает в определённое сродство с душевным миром, а затем также с духовной областью, как Вы обнаружите это описанным в «Теософии». Он обладает определённым сродством потому, что он несёт в себе эти ингредиенты. Но во время физической жизни они связаны с физическим телом; затем они становятся свободными. Но так как они становятся свободными, всё постепенно преобразуется. В то время оно было таким, что — если я сейчас уберу дифференциацию и нарисую душевную жизнь такой — во время физической жизни щупальца (изображено более тёмным цветом) просачивались в наши отверстия, то после смерти эти щупальца тянутся обратно. Но благодаря тому, что щупальца тянутся обратно, сама душевная жизнь выхолащивается, и в душевной жизни восходит духовная жизнь; с другой стороны восходит духовная жизнь (изображено более светлым цветом).

Илл. 4

В той же мере, в которой человек перестаёт погружаться в физическое тело, его духовно-душевное, его аура с другой стороны просветляется. И подобно тому как человек может достичь сознания потому, что при вталкивании душевно-духовного в физическое тело оно постоянно даёт импульс и поэтому всегда отражается, так сейчас человек получает сознание благодаря тому, что он оттягивается назад к свету. Но оно является тем светом Солнца, который является первичным светом: Благо. То есть человек во время своей физической жизни в качестве духовно-душевного существа наталкивается на родственность Солнцу, а именно на сверхпустые отверстия в мозге, после смерти отступая назад он наталкивается на иное Солнце, на благое Солнце, на первичное Солнце.

Вы видите, как с основными представлениями прадревних мистерий связана возможность получать понятия о жизни между смертью и новым рождением. Потому что мы помещены во всю эту космическую жизнь так, как я описывал Вам сейчас в эти дни. Но конечно, чтобы получить правильные понятия об этих вещах, необходимо глубже проникнуть в подлинное устройство человеческой эволюции на протяжении земного периода. Конечно, может оказаться, что некто благодаря особой счастливой случайности, как могли бы это назвать, ясновидящим взглядом увидит всё, что я сейчас описывал. Но счастливая случайность не смогла бы зайти далее того, чтобы увидеть меняющиеся формы. Примерно так: представьте себе, что человек благодаря какому-то чуду — такое уже не происходит благодаря чуду —, благодаря чему-нибудь стал бы ясновидящим, видящим сверхчувственно, то он увидел бы духовно-душевную жизнь человека, похожей на то, что я здесь пытался обрисовать. То, что она выглядит немного иначе, чем то, что я описывал в качестве нормальной ауры некоторое время назад, это станет понятным, если Вы поймёте, что несколько дней назад я описывал то (см. лекция вторая, илл. 2), что возникает в качестве ауры, если видят всего человека целиком, то есть физического человека и ауру со всех сторон; но сейчас я извлёк духовно-душевного человека, так что этот духовно-душевный человек абстрагирован от физического человека.

Уже из этого Вы видите, что цвета следует в первом случае расположить таким образом, а во втором случае иначе; также из этого Вы видите, что для сверхчувственного сознания эти вещи выглядят совершенно по-разному. Представьте себе, что Вы видите ауру человека прямо такой, какой она есть, когда человек обладает физическим телом, тогда Вы видите эту ауру — то есть когда Вы себе представляете, что видите теперь помимо духовно-душевного человека того человека, который лишь протягивает свои органы в физического человека. Но если теперь Вы видите человека в период между смертью и новым рождением, тогда Вы видите, как всё опять же преобразуется. То есть тогда в первую очередь эта область, которую я здесь нарисовал красным, уходит отсюда,

поднимается сюда вверх, жёлтый цвет идёт сюда вниз, постепенно всё приходит в беспорядок. Можно увидеть такие вещи, но в том, что видят, есть нечто запутанное. И также по этой причине современному человеку нелегко будет найти возможность внести смысл и значение в это запутанное, если он не прибегнет к другим вспомогательным средствам.

Мы указывали на то, что голова человека, эта голова указывает на прошлое, человек конечностей указывает на будущее. Это является полной противоположностью, полярностью; они оба, голова человека и человек конечностей — вспомните просто то, что я объяснял вчера — оба в действительности являются одним и тем же; только голова является очень древним образованием, сверхобразованием. Также поэтому в ней есть отверстия. У человека конечностей этих отверстий ещё нет; он ещё полностью заполнен материей. Получение отверстий является признаком высшего развития. Очень важно суметь увидеть в голове обратное развитие. И очень важно, чтобы человек смог понять: человек конечностей является юной метаморфозой, голова является древней метаморфозой. И поскольку человек конечностей является юной метаморфозой, здесь в физической жизни он ещё не может мыслить, а его сознание остаётся бессознательным. Он не открывает для духовно-душевного человека таких отверстий как голова.

И бесконечно важным является и будет становиться всё более и более важным в будущем для духовной культуры: взирать на нечто вроде того, что две вещи, физически внешне полностью отличающиеся друг от друга как человек головы и человек конечностей, духовно-душевно являются одним и тем же, просто по времени находятся на различных ступенях развития. Множество тайн заложено именно в тех фактах, что две физически отличающиеся вещи, так как они во времени стоят на разных ступенях развития, могут в действительности быть одним и тем же. Внешне физически они являются чем-то совершенно разным, но состояния преобразования, то есть метаморфозы, одни и те же.

Даже Гёте начал заниматься своим учением о метаморфозе элементарным образом, с понятий, благодаря которым можно постичь такие вещи. Тогда как начиная с древних времён в образовании понятий вообще наступает застой, у Гёте, напротив, выступает возможность образовывать понятия. И эти понятия являются живыми понятиями о метаморфозе. Конечно, Гёте начинал с самого простого. Он говорил: если мы посмотрим на растение, то увидим зелёный лист растения, но он затем преобразуется в цветной лепесток. Они оба являются одним и тем же, это просто метаморфоза одного в другое. - Подобно тому как зелёный лист растения и красный лепесток розы являются разными метаморфозами, являются одним и тем же на различных ступенях, так голова человека и конечности организма являются просто метаморфозой одного в другое. Если мы возьмём гётевскую мысль о метаморфозе растения, то увидим нечто примитивное, достаточно простое; но эту мысль можно сделать плодотворной для более высокого: для описания перехода человека от одного воплощения к другому. Мы видим растение с зелёным листом и цветком и говорим: цветок, красный цветок розы, преобразован из зелёного листа растения. Мы видим стоящего перед нами человека и говорим: голова, которую ты носишь, является твоими преобразованными руками, кистями рук, ногами, стопами из предыдущего воплощения; а то, что ты несёшь в себе как руки, кисти рук, ноги, стопы, оно будет преобразовано в следующем воплощении в твою голову.

Но теперь возникает возражение, которое, по-видимому, Вам будет трудно воспринять в душе. Теперь Вы скажете: да Боже мой, но ведь я оставлю позади мои ноги и стопы, а

также мои руки и кисти рук; я ведь не возьму их с собой в следующее воплощение! Как же тогда из этого должна возникнуть моя голова? - Конечно, так могут возразить. Вы снова стоите здесь перед майей. Так как то, что Вы действительно оставляете позади Ваши ноги и стопы, Ваши руки и кисти рук, является неверным. Именно это является неверным; Вы так говорите потому, что застряли в майе, в великой иллюзии. Так как то, что Вы в обычном сознании называете Вашими руками и кистями рук, Вашими ногами и стопами, это является не просто Вашими руками и кистями рук, Вашими ногами и стопами, а тем, что в качестве крови и других соков наполняет Ваши руки и кисти рук, Ваши ноги и стопы. Здесь опять возникает трудное представление, но это так. - Давайте предположим, здесь у Вас есть руки и кисти рук, ноги и стопы; но то, что здесь присутствует, является духовным, это является духовными силами. Прошу, представьте себе:

Илл. 5

Ваши руки и кисти рук, Ваши ноги и стопы являются силами, сверхчувственными силами. Если бы у Вас были только они, то Вы не увидели бы их глазами. Они наполнены, эти силы наполнены соками, кровью, и то, что в качестве минеральной массы, жидкой или частично твёрдой, в самой малой части твёрдой, незримо наполняет, Вы это видите (заштриховано). То, что Вы оставляете в могиле, то, что сжигают, оно является, я бы хотел сказать, минеральным наполнением. Ваши руки и кисти рук, Ваши ноги и стопы являются не просто видимыми стопами и так далее, они являются силами, и их Вы берёте с собой. Вы берёте с собой формы. Вы говорите: у меня есть кисти рук и стопы. - Тот, кто взирает в духовные миры, не говорит: у меня есть кисти рук и стопы, а он говорит: существуют Духи Формы, Элохимы, которые мыслят космически, и их мысли являются моими руками и кистями рук, ногами и стопами; и их мысли наполнены кровью и другими соками - Но также в свою очередь кровь и другие соки являются не тем, чем они кажутся в физическом; эти вещества в свою очередь являются представлениями Духов Мудрости, и то, что физик называет веществом, является лишь внешним видом. Там, куда физик помещает вещество, он должен был бы сказать: тут я натыкаюсь на мысли Духов Мудрости, Кириотетес. А там, где Вы видите руки и кисти рук, ноги и стопы, там Вы не можете на них натолкнуться, там Вы должны сказать: здесь космические мысли Духов Формы образуют мои формы. - Вкратце говоря, как бы странно это ни звучало: Ваше тело

вообще не существует, а там, где в пространстве находится Ваше тело, там живут вперемешку космические мысли высших иерархий. Если бы Вы видели правильно, а не сообразно майе, то сказали бы: здесь внутри простираются космические мысли Эксузиан, Духов Формы, Элохимов. Эти космические мысли делают себя видимыми для меня, когда они наполнены космическими мыслями Духов Мудрости. Они являют руки и кисти рук, ноги и стопы. Там перед духовным взором предстаёт совсем не то, что кажется в майе, а там предстают космические мысли, и эти космические мысли сжимаются, сгущаются, продвигаются друг в друга, и вследствие этого они представляются нам как эта теневая фигура, вокруг которой мы ходим, о которой мы думаем, что она является реальной. То есть физический человек, которого вообще не существует.

Мы, безусловно, по праву можем сказать: во время смерти Духи Формы отделяют свои космические мысли от космических мыслей Духов Мудрости. Духи Формы поднимают свои мысли в воздух, Духи Мудрости погружают свои вещественные мысли в землю. Благодаря этому в трупe ещё присутствует теневое наследие мыслей Духов Мудрости, когда Духи Формы отозвали свои мысли в воздух. Это является физической смертью; такой она является в действительности.

Вкратце говоря, когда мы начинаем думать о действительности, то мы приходим к растворению того, что обычно называют физическим миром. Потому что этот физический мир существует благодаря тому, что Духи высших иерархий соединяют свои мысли друг с другом, и поэтому — прошу, представьте себе это: мелко распылённые частицы воды входят куда-то и образуют плотный туман — Ваше тело также предстаёт в качестве теневого образования, так как мысли Духов Формы проникают в мысли Духов Мудрости, формирующие мысли входят в вещественные мысли. Весь мир растворяется перед этим взиранием в духовное. Но необходимо иметь возможность по-настоящему духовно представлять мир, чтобы узнать: это лишь видимость, что мои руки и кисти рук, мои ноги и стопы будут переданы земле. В действительности там начинается метаморфоза моих рук и ног, моих кистей рук и стоп, а завершается в жизни между смертью и новым рождением, и мои руки и ноги, кисти рук и стопы становятся моей головой в следующем воплощении.

Сейчас я рассказал Вам о многих вещах, которые как минимум в этой форме возможно несколько необычным образом затронули Вас. Но, в конце концов, разве то, о чём мы говорили, не является чем-то иным, чем тем, что мы восходим от видимого человека к подлинному человеку, восходим от того, что внешним образом живёт в майе, к последовательным ступеням иерархий? Только когда сделают это, смогут сейчас в зрелой форме говорить о том, что человеку позволено узнать в себе так называемую высшую самость. Когда о высшей самости просто пафосно заявляют, когда просто говорят: я чувствую в себе высшую самость — тогда эта высшая самость является совершенно пустой абстракцией, тогда у неё нет содержимого; потому что обыденная самость принадлежит майе, то есть сама является майей. Эта высшая самость обретает смысл только тогда, когда о ней говорят в связи с миром высших иерархий. Говорить о высшей самости, не принимая во внимание мир, состоящий из Духов Формы, Ангелов, Архангелов и так далее, говорить о высшей самости, не принимая во внимание этот мир, означает: говорят о пустой абстракции, и в то же время означает: говорят не о том, что живёт в человеке там между смертью и новым рождением. Потому что подобно тому как здесь мы живём совместно с животными, растениями и минералами, так между смертью и новым рождением мы живём совместно с царствами высших иерархий, о которых мы много раз говорили.

Только когда постепенно люди приблизятся к этим представлениям и понятиям, тогда — мы будем говорить об этом вероятно только через дней восемь — тогда подойдут поближе к таким вещам, которые смогут дать ответ на вопрос: почему некоторые люди умирают, будучи детьми, почему некоторые умирают в пожилом возрасте, а другие в промежуточном возрасте?

То, что я Вам эскизно обрисовал сегодня, является конкретными понятиями о действительности мира. В действительности то, что я обрисовал Вам, является не абстрактными понятиями, это конкретные понятия о действительности мира. Однако эти конкретные понятия, они существовали для более атаквистического созерцания, в древних мистериях. Они утеряны для человеческого созерцания начиная с VIII века до Рождества Христова; их следует обрести снова благодаря углублению в понимание Существа Христа. Это может произойти только на духовно- научном пути.

Давайте получим некоего рода представление об эволюции человечества исходя из ещё одной определённой точки зрения. Сейчас мы хотим обратить внимание на очень, очень важные понятия. Здесь можно сказать: когда идут обратно в развитии человечества, тогда приходят — я уже часто описывал это — к тому, что в древние времена люди в большей степени обладали групповыми душами, и только потом в области групповых душ оформились индивидуальные души. Вы можете прочесть об этом в различных циклах лекций. В таком случае развитие человечества схематически могли бы описать словами: в древние времена существовали групповые души; каждая групповая душа в свою очередь разделилась — для душевного созерцания это предстало бы достаточно простым, для духовного это было бы совсем иначе —, но каждая такая душа облачилась в некое тело, которое я здесь набросаю красными штрихами (см. рисунок (илл. б)).

Этот рисунок или нечто подобное этому рисунку изображали всегда ещё вплоть до Пифагорейской школы, со словами: если вы посмотрите на тела, то люди разделены по телам, у каждого отдельное тело — поэтому здесь красные штрихи стоят изолированно —, но по душам обнаруживают единство человечества, когда восходят вплоть до групповой души, которая, однако, осталась далеко позади. - Люди обладают единством. Если Вы абстрагируетесь от красного цвета, то более светлая штриховка образует единую фигуру.

hell — светлый цвет, got — красный цвет.

Илл. 6

Но говорить об этой фигуре имеет смысл только тогда, когда сначала говорили о духовном так, как мы делали это сегодня; потому что тогда знают, что в этих душах

принимают участие все, что высшие иерархии принимают участие в этом душевном. Не имеет смысла говорить об этой фигуре, если говорят, не принимая во внимание иерархии. Так говорили даже вплоть до Пифагорейской школы, и в свою очередь в Пифагорейской школе Аполлоний изучал то, о чём я говорил вчера, о чём я буду говорить далее на следующей неделе. Но затем начиная с VIII века до Рождества Христова, — уже Пифагорейские школы были отсталыми, — была утрачена возможность говорить таким образом. И постепенно эти понятия, которые являются конкретными, которые являются реальными, когда они относятся к высшим иерархиям, стали для людей запутанными, расплывчатыми. И таким образом вместо мира Ангелов, Архангелов, Прасил, Духов Формы, Духов Движения, Духов Мудрости, Тронов, вместо всего этого конкретного ткачества духа, к Вам пришло понятие, которое собственно уже в греческом воззрении играет определённую роль: понятие пневмы, в которой всё плавает вперемешку. Пневма, всеобщий дух — это расплывчатое понятие, которое сегодня всё ещё любят пантеисты: дух, дух, дух, дух! Я часто говорил о том, что пантеисты повсюду помещают дух. Но это раскрывается уже в греческой жизни. Тогда опять же рисовали эту фигуру; но Вы видите: то, что раньше было конкретным — разнообразие божеств —, стало абстрактным понятием, стало пневмой. Когда рассматривают человеческую эволюцию, то белый цвет является пневмой, а красный является физической материей (см. рисунок (илл. б)). Но об этой пневме, о ней греки ещё по крайней мере имели представление, потому что они всё же ещё видели некоторую ауру; следовательно то, что они представляли себе там в белых разветвлениях, для них ещё было аурой, то есть было чем-то действительно видимым. Огромное значение перехода от греческой культуры к римской состоит в том, что греки в своём созерцании ещё переживали пневму как действительно духовное, а римляне больше не испытывали этого. Для римлян она уже стала полностью абстрактной, стала полной абстракцией, просто понятием. Римляне являются народом абстрактных понятий.

Мои дорогие друзья, в новейшее время Вы опять же найдёте такую же схему у естествознания! Сегодня Вы можете обнаружить её в материалистических книгах по естествознанию: там Вы найдёте точно такую же схему, которую Вы находили нарисованной в древних мистериях, в Пифагорейских школах, в которых всё ещё относилось к иерархиям. Вы видели её у греков, у которых она была связана с пневмой; Вы обнаруживаете её сегодня нарисованной снова. Вы увидите, что она существует и сегодня. Сегодня, когда естествоиспытатель рисует на доске эту схему, он говорит своим ученикам: когда человеческий род размножается, зародышевая субстанция родителей переходит к детям; но одна часть зародышевой субстанции сохраняется, чтобы в следующем поколении её в свою очередь могли передавать детям, и из неё опять же остаётся некая часть, чтобы её могли передать детям, в то время как другая часть зародышевой субстанции образует клетки физического тела. Вы видите точно такую же схему, только современный естествоиспытатель видит в том, что нарисовано белым цветом (см. рисунок) непрерывность зародышевой субстанции. Он говорит: если мы поднимемся вверх к древним прародителям человека и возьмём их зародышевую субстанцию, возьмём мужскую и женскую зародышевую субстанцию, и спустимся вниз к современным людям и возьмём их нынешнюю зародышевую субстанцию, то это будет представлять единый поток; зародышевая субстанция непрерывна. Это всегда остаётся в зародышевой субстанции чем-то вечным — так представляет себе естествоиспытатель — и только примерно половина зародышевой плазмы переходит в другую телесность. - В свою очередь у естествоиспытателя присутствует та же самая фигура, только это для него больше не пневма, а белый цвет для него теперь является материальной зародышевой субстанцией. Это больше не является душевно-духовным, а для него представляет

материальную зародышевую субстанцию. Вы можете прочитать об этом у сегодняшних естествоиспытателей, сегодня это считают великим, значимым открытием. Это является материализацией высокодуховного представления, когда его провели сквозь абстрагирование; в центре находится абстрактное понятие. А забавным является то, что один естествоиспытатель новейшего времени написал книгу — для того кто умеет мыслить как следует, это забавно - , в которой он прямо говорит следующее: то, что греки ещё представляли себе под пневмой, сегодня является остающейся непрерывной зародышевой субстанцией. - Да, это глупо, но сегодня являет собой высокую мудрость.

Но Вы видите в этом одну вещь: рисунок не имеет значения! И отсюда Вы можете понять, почему я всегда в определённой мере выступал против зарисовывания схем, пока мы ещё пытались провести нашу Антропософию через Теософское общество. Стоило только войти в какую-либо теософскую ветвь: стены были, как правило, увешаны различными схемами. Там было нарисовано всё возможное, там при этом стояли слова, там были нарисованы целые родословные древа и всё возможное. Но важны не эти рисунки, а важно то, что действительно можно прийти к живому представлению; потому что рисунок может быть совершенно одинаковым, представляете ли Вы себе его в качестве изливания иерархий, духовно-душевного, или Вы представляете себе непрерывную зародышевую плазму, чистую материю. Эти вещи размываются для современного человека. Поэтому настолько важно, чтобы стало ясно, что греки ещё нечто знали о реальной самости в человеке, о реально духовном, и что у римлян это перешло в абстрактное понятие. Вы можете увидеть это во внешнем проявлении. Когда грек говорит о своих богах, то он говорит так, что ясно видно: грек ещё представляет себе конкретные фигуры позади богов. У римлянина боги по сути уже являются просто именами, просто обозначениями, являются абстракциями и становятся всё большими абстракциями. У греков ещё постоянно присутствовало определённое представление, что в человеке, который находится здесь, живут иерархии, и в каждом человеке эти иерархии живут по-разному. Грек принимал человека в соответствии с его реальностью, и когда он говорил: это — Алкивиад, а это — Сократ, а это — Платон, — то он ещё понимал: туда в Алкивиада, в Сократа, в Платона, туда космические мысли вступают различным образом, и потому, что туда вступают различным образом, то обнаруживаются различные фигуры.

У римлян это утрачивается. Поэтому у римлян развилась система понятий, крайность которой состояла в том, что начиная с Августа — на самом деле даже раньше — самого римского императора считали богом. От божества постепенно абстрагировались, и сам римский император был богом потому, что это понятие стало полностью абстрактным. Но настолько же абстрактными стали и другие понятия. А именно настолько же абстрактными стали понятия, пропитавшие римскую сущность в качестве правовых понятий, моральных понятий, и таким образом на место древних живых сил поставили сумму абстракций. И эта сумма абстракций, она оставалась как наследство на протяжении всего Средневековья, пришла в новейшее время, осталась как наследство вплоть до XIX века: абстрактные понятия, внедрившиеся повсюду. Тогда в XIX веке пришло нечто удивительное. Человека полностью потеряли среди абстрактных понятий. Грек ещё нечто предчувствовал о подлинном человеке, сформированном исходя из Космоса; этого человека потеряли во времена римской культуры. XIX век был вынужден вновь открыть его благодаря всем обстоятельствам, на которые я Вам уже указывал, на которые я ещё буду указывать более подробно. И это открытие человека, оно произошло сейчас исходя из другого полюса. Греческая культура стремилась видеть человека, пришедшего от иерархий, божественного человека; римляне поставили на это место ряд

абстрактных понятий; XIX век, уже XVIII век, но XIX век в особенности, был вынужден вновь открывать человека с другой стороны, с его животной стороны. И там его теперь не смогли понять с помощью этих абстрактных понятий. Это было огромным шоком. И этот огромный шок, глубокая бездна возникает из следующего: чем же в действительности является то, что стоит перед нами на двух ногах и размахивает руками, ест и пьёт всякую всячину, чем же это является? Греки ещё знали об этом; затем это преобразовали в абстрактные понятия. Теперь людей в XIX веке это удивляет; оно находится здесь, но не существует понятий, чтобы постичь его. Это понимают просто в качестве высшего животного: на одной стороне находится дарвинизм, с естественно-научной точкой зрения, с другой стороны, в духовном, социализм, который стремится поместить человека в профессиональное сообщество только в качестве животного. Человек с удивлением стоит перед самим собой: чем же это является на самом деле? - и он бессилён дать ответ на этот вопрос.

Такая ситуация сложилась на сегодняшний день, такая ситуация, которая не только, в зависимости от устремлений людей, будет создавать правильные или неправильные понятия, но которая призвана к тому, чтобы создавать катастрофические или спасительные факты. Но ситуация является следующей: шок, который человек испытывает от самого себя. Снова необходимо найти элементы для понимания духовного человека. Если человек не обратит внимание на учение о метаморфозах, то в ином случае их не найдут. Здесь заложен очень существенный пункт. Только понятия о метаморфозе гётеанизма способны постичь текущие явления, предстающие перед созерцанием действительности.

Итак, я хотел бы сказать, что духовное развитие всегда двигалось в этом направлении. Даже тогда — я описывал это в ряде статей о «Химической свадьбе Христиана Розенкрейца» в журнале «Reich» -, когда в XVII веке таким удивительным образом были изданы «Химическая свадьба» и другие книги, тогда уже существовало стремление заблаговременно подготовить наступление среди людей такой социальной структуры, которая соответствует подлинному существу человека. Таким образом возникла

«Химическая свадьба Христиана Розенкрейца» под так называемым авторством Валентина Андреэ. Но с другой стороны также возникла книга, которую он назвал «Allgemeine Reformation der ganzen weiten Welt» («Всеобщая реформация всего пространственного мира»), в которой он даёт огромный политический разбор того, какими должны быть социальные условия. Тридцатилетняя война смела прочь эти вещи.

Тогда происходит Тридцатилетняя война, которая смела прочь эти вещи. Но сегодня вполне возможно, что мировой порядок либо придёт к тому, чтобы снова на самом деле отбросить прочь эти вещи или присоединить их к развитию человечества. Здесь мы касаемся великого основополагающего вопроса современности, которым людям следовало бы заняться, вместо всех тех второстепенных вопросов, которыми они занимаются сегодня. Если бы люди занялись этим основополагающим вопросом, тогда они нашли бы средства и пути для того, чтобы внести плодотворные понятия в сегодняшнюю действительность; тогда люди воздержались бы от абстрактных понятий.

Но отличить действительность от иллюзии не так легко. Тогда необходимо уже на самом деле серьёзно и со всей доброй волей устремляться в жизнь, а не желать оставаться с программами и предрассудками. Я мог бы многое рассказать по этому направлению. Я хочу привести только один факт: в начале 90-х годов в различных городах Европы

собиралось множество людей и со своей стороны подражало чему-то американскому: а именно «Движение за этическую культуру». В то время в определённой просвещённой среде все стремились основывать «Общества этической культуры». Люди высказывали прекрасные вещи, и если Вы сегодня ещё прочтёте статьи, написанные в то время этими представителями «Обществ этической культуры», если Вам нравятся, конечно, масляные вещи, то Вы, вероятно, ещё и сегодня можете восторгаться всеми теми прекрасными, удивительными идеалами, которыми люди тогда увлекались. И выступать против этого увлечения масляными идеалами, было поистине неприятной задачей. Но в то время я написал в один из первых выпусков журнала «Die Zukunft» («Будущее») статью против всех этих масляных вещей об «этической культуре», ужасно поносил эту «этическую культуру». Естественно это был позорный поступок, ведь разве не является чем-то позорным, когда возражают против настолько благого стремления людей к тому, чтобы сделать этичным весь мир и пронизать его моралью! В то время я жил в Веймаре, но однажды приехал в Берлин, и поговорил с Германом Гриммом, который сказал: что же на самом деле Вы хотите от этой «этической культуры»? Если Вы всё же навещаетесь к этим людям, то увидите: те, кто собираются здесь в Берлине, эти специалисты по этике сплошь очень милые, любезные люди. Против них вообще ничего невозможно сказать. Они являются людьми, к которым человек может почувствовать очень сильную симпатию, которые могут очень сильно понравиться. - Это даже невозможно было отрицать, и на данный момент Герман Гримм конечно же так же прав как и я. Глядя с внешней стороны на этот момент один так же прав как и другой; одно можно так же хорошо доказать как и другое, и я вообще не стремлюсь утверждать, что чисто логически мои аргументы против специалистов по этике были лучше, чем те, которые высказали специалисты по этике. Но нынешняя катастрофа следует из всего этого масляного идеализма, и только те люди были правы и оправданы фактами, которые говорили тогда: со всем вашим увлечением и речами о каких-то таких масляных идеалах, посредством которых вы желаете нести людям всеобщий мир и тому подобное и всеобщую мораль, вы порождаете не что иное, как то, что я тогда назвал социальной карциномой, которая в конце концов должна была привести к этой катастрофе современности. Время показало, кто работал с реальными понятиями, а кто просто с абстракциями. По чисто абстрактному характеру совершенно невозможно определить, прав кто-то или не прав; это определяет только то, вписывается ли какое-либо понятие правильным образом в ход фактов или нет. Когда профессор сегодня преподаёт естествознание в университете, то он, конечно, может изумительно доказывать, логически доказывать, что всё, что он говорит, является правильным. Это всё также входит в отверстия в головах; я естественно говорю это сегодня в наилучшем смысле. И взгляните туда, речь идёт не о том, что можно привести кажущиеся правильными аргументы, а о следующем: те же самые мысли, погрузившиеся тогда в голову Ленина, стали большевизмом. Важно то, чем мысль становится в реальности. Важно не то, что могут думать о ней (о мысли), что могут абстрактно чувствовать по отношению к ней, а то, какую силу формирует мысль в реальности. И когда человек исследует то мировоззрение, о котором больше всего говорили в новейшее время, потому что другие занимались эстетикой, как я объяснял вчера, когда человек исследует социализм, то речь сегодня идёт не о том, чтобы сесть «зубрить» Карла Маркса или Лассалья или Бернштейна, то есть изучать их книги, изучать этих авторов, а речь идёт о том, чтобы пережить чувство, живой опыт того, что произойдёт в дальнейшем ходе человечества тогда, когда множество людей - таких людей, которые находятся возле машин — будет нести такую мысль. Вот, что важно, а не те мысли о социальной структуре ближайшего будущего, которые преподают в ходе обычного сегодняшнего

дипломатического обучения. И сейчас настало время, когда важно уметь взвешивать мысли, чтобы иметь возможность ответить на вопрос: к чему стремится время в ближайшие десятилетия? Сегодня уже пришло время, когда недопустимо удобно усаживаться на различные курульные стулья* и с удобством продолжать заботиться о стародавнем, и пришло время, когда человек должен пережить шок от самого себя и когда у тех, кто где-то за что-то несёт ответственность, должна появиться мысль: как человеку разрешить этот вопрос исходя из духовной жизни? Мы поговорим об этом в следующий раз.

* Курульный стул — прежде трон римских царей, впоследствии стул, на который могли садиться только государственные лица в Риме. Сакральный символ власти. - прим. пер.

Лекция седьмая Дорнах,

31 августа 1918 г.

В последнее время я приводил здесь ряд важных фактов о человеке, которые можно выяснить духовно- научным образом. Я придаю меньшее значение тому, чтобы подробности этих фактов понимали, - потому что я уже очень часто говорил о природе этих фактов -, чем скорее тому, чтобы посредством этих фактов вызвать определённое впечатление: впечатление о сущности того, что можно назвать иллюзией физического внешнего мира, чтобы Вы испытали чувство того, что на самом деле имеют в виду, когда говорят: внешний мир, таким каким мы видим его вокруг себя — я говорю видеть, а не иметь — прежде всего, является иллюзией, а позади него лежит подлинный, реальный мир. И я хотел бы вызвать более основательное чувство того, что имеется в виду, когда на почве духовной науки говорят о реальном мире. То есть речь идёт о большем, чем об этих общих чувствах. И таким образом я достиг того пункта, где мы снова имеем возможность в определённой мере связать наши духовно- научные рассуждения с важными, значительными интересами в духовной жизни современного времени, причём я конечно думаю более широко о современном времени, не просто о сегодняшних днях, но о столетиях, в которых мы живём. Нашу духовную жизнь постигают в раздвоении, в раздвоении, которое можно охарактеризовать самым различным образом, которое можно определить так или иначе. Но все эти определения должны в конце концов опять же слиться в своего рода ощущение двух течений, которые исходя из духовной культуры современности мы должны сформировать для себя как течения идей, и которые в определённой степени невозможно правильно объединить. Существуют два течения идей. Первое можно назвать в самом широком смысле естественно-научным течением, причём я имею в виду не только то, что думают и утверждают в кругах естествоиспытателей, а то естественно-научное течение, которое сегодня в большей или меньшей степени живёт в ощущении всего человечества. Это естественно-научное течение постепенно стало популярным и широко распространённым воззрением. Оно порождает понятия, которые глубоко-глубоко укоренились в душевной жизни современных людей. Лучше всего можно увидеть, насколько укоренилось это естественно-научное мировоззрение, если вспомнят, что оно пустило самые глубокие корни там, где полагают, что приближаются к спиритуальной жизни. В конце концов то, что называют общепринятым спиритизмом и что очень многими людьми представляется в качестве теософской теории, является ничем иным как изливанием материалистического мировоззрения. То, что чаще всего видят в понятиях эфирного тела, астрального тела, что экспериментально создают на

спиритических сеансах, полностью постигают в понятиях, заимствованных у естественно-научного мировоззрения, что наилучшим образом доказывают такие люди как, например, д-р Прель, который верит, что направляется именно в духовный мир. Но всё то, что он говорит о духовном мире, он мыслит в естественно-научных понятиях, то есть в таких понятиях, в которых следовало бы мыслить только о природе, а не о духе. Так же показательно именно то, насколько всё же материалистичными являются теории большинства теософов, как они пытаются подойти к таким представлениям как эфирное тело или даже астральное тело с естественно-научными понятиями, которые следовало бы применять только к природе. Эфирное тело очень часто представляют как нечто совершенно материальное, как слабый туман или нечто подобное. Собственно, я уже часто говорил об этих вещах.

Это первая, я хотел бы сказать, масса понятий, которая у нас есть: естественно-научные понятия. И меньшее значение — я ещё раз подчёркиваю это, чтобы меня не поняли превратно — имеет то, что сами эти естественно-научные понятия обнаруживаются в естествознании, где они по большей части обоснованы, но важно то, что они как раз прокрадываются в общее мировоззрение, и что их используют, когда стремятся постичь спиритуальное, что многие люди живут прямо-таки в самообмане, будто они говорят нечто особенное, когда подчёркивают сходство понятий, которыми владеют в спиритуальном, с естественно-научными понятиями.

Значимым фактом, на который мы здесь должны обратить внимание, является то, что эти естественно-научные понятия могут уловить в нашем понимании лишь определённую сферу нашего мира, определённую сферу того мира, в котором мы живём, что другой мир должен оставаться вне нашего понимания, когда мы используем только естественно-научные понятия. Следовательно, эти естественно-научные понятия образуют первое течение.

Второе течение формирует определённые понятия, которые мы создаём себе об идеях или идеалах, и вероятно даже сегодня уже в течение длительного времени о морали. Давайте возьмём некое естественно-научное понятие, например, понятие о наследственности или понятие о развитии. Вы мыслите естественно-научным образом, если мыслите эти понятия чётко и тщательно; Вы мыслите бессвязно, когда распространяете на спиритуальное эти понятия о наследственности и развитии, как они общеприняты в естествознании. Если мы возьмём определённые понятия, необходимые человеку в жизни, например, понятие внутренней свободы нашей души, понятие благоволения, понятие нравственного совершенства или более высокие понятия: понятие любви и тому подобное, то опять же увидим течение идей и понятий, которые также оправданы, потому что они нужны для жизни. Но только если человек предаётся самообману, он сможет выстроить мост от того способа, когда мыслят естественно-научным образом, к тому способу, когда мыслят идеалами и идеями или моралью. Если какой-то человек мыслит исключительно естественно-научным образом, то есть стремится к естественно-научной картине мира, которая сегодня является идеалом для многих людей, то внутри мира, соответствующего этой картине мира, нет места для всего, что охватывают такие понятия как благоволение, допустим также счастье, любовь, внутренняя свобода и так далее. Определённый идеал естественно-научного способа мышления состоит в том, чтобы всё, как говорится, привести под понятие причины, мыслить всё в соответствии с причинами и следствиями. И очень популярным обобщением — я уже упоминал здесь об этом — является закон сохранения энергии и сохранения вещества. Если Вы формируете своё мировоззрение таким образом, что

используете для этого только понятия о причинах и следствиях в естественно- научном смысле или о сохранении энергии и вещества, то Вы либо можете быть просто нечестны в мировоззрении, либо должны сказать: в таком мировом порядке, в котором действует только закон причинной связи, только закон причины, или в котором действует закон о сохранении вещества и энергии, в таком мире всё, что является идеалами, идеями, моральными понятиями, в сущности, на самом деле является просто развлечением. - Потому что для мировоззрения, которое считает закон о сохранении энергии и вещества чем-то универсальным, не существует иного обстоятельства, чем сказать себе: наш мировой порядок развивается согласно закону сохранения энергии и вещества. - Даже человеческий род возник в мировом порядке исходя из определённых причин. Этот человеческий род мечтает о благоволении, любви, внутренней свободе, но всё это является понятиями, которые создали для себя люди, а когда в нашей мировой системе наступит то состояние, которое должно наступить согласно естественно-научным представлениям, тогда в действительности выкопают общую могилу для всех этих представлений о благоволении, внутренней свободе, любви и так далее. Это мечты, которым предаются люди, тогда как они завершают своё бытие в земном развитии согласно исключительно порядку законов природы, и вообще не имеет смысла говорить о чём-либо ином в отношении ценности идей и идеалов, кроме того, что они являются мечтами людей, потому что в рамках такого естественно- научного мышления, у идей и идеалов нет сил реализовать себя. Что же произошло бы с идеями и идеалами, если бы мир в действительности соответствовал естественно- научному мировоззрению, когда наступило бы то состояние, которое человеку следует считать необходимым, когда человек мыслит только с помощью естественно-научных понятий? Их похоронят, эти идеи и идеалы! А сегодня люди думают об этих идеях и идеалах, - даже если они не признают этого -, что у них нет внутренней силы реализовать себя. Они как раз являются просто мыслями, которые реализуются потому, что люди связывают с ними свои чувства, что люди ведут себя в отношении друг к другу так, как соответствует идеям. Но у них, у этих идей, нет внутренней силы реализовать себя, как например, у магнетизма, у электричества или у тепла, у них есть внутренняя сила реализовать себя! У этих идей как таковых — то есть, допустим, Вы думаете о моральных идеях — нет такой внутренней силы, чтобы реализовать себя, в рамках нашего мировоззрения, если мы мыслим их исключительно естественно-научным образом.

Конечно, очень мало людей понимают это раздвоение, существующее между двумя течениями нашего современного времени, но оно здесь присутствует, и тот факт, что оно ведёт свою игру в подсознании человека, гораздо важнее, чем то, что человек теоретически знает об этом. Теоретически лишь один класс общества знает то, что я только что сказал, и это класс общества, на который вероятно следовало бы обратить взгляд в жизни современности. Ясно излагалось, что вещи обстоят таким образом, что весь мир упорядочен только естественно- научным образом, и идеи и идеалы имеют значение лишь потому, что люди испытывают чувство, что они просто должны поступать в соответствии с ними в своём поведении, это воззрение обнаруживают только в рамках социалистической теории современности. Поэтому социалистическая теория современности отвергает любую духовную науку, даже следы древней духовной науки, которые ещё обнаруживаются в юриспруденции, морали, теологии, рассматривает как предрассудки, относящиеся к детскому возрасту развития человечества, и она хочет всё, что могли бы назвать духовной наукой, воспринимать как социальную науку: она стремится сформировать социалистическую общественную науку как единственно правильную для обоюдного отношения людей. Мир упорядочен естественно-научным

образом, а кроме естественно-научного объяснения мира существует лишь общественная наука. Это основополагающее убеждение каждого человека, осознающего себя социалистом.

Если человек хочет добраться до сути таких вещей, то ему не следует предаваться запутанным понятиям. Конечно, я знаю, что могут прийти и сказать: да социалисты всё же так не думают! - Но важно не то, - я говорил об этом ещё в первые дни, когда я здесь снова высказывался -, какое содержание имеют идеи, а благодаря чему эти идеи проводятся в жизнь, каким образом они проникают и приживаются. А социалистическая идея приживается благодаря тому, что она отвергает любые разговоры о каком-либо духовном содержании мира, что она утверждает, что содержание мира должно быть упорядочено лишь естественно-научно, а духовную науку следует просто заменить общественной наукой.

Собственно говоря, человек чувствует, что идеи и идеалы, когда их считают такими, какими их мыслят в нынешнее время, в действительности просто не имеют большей силы, кроме как освоиться в душевной жизни и благодаря этому реализовать себя, реализовать себя как мечту, которую видит человечество в рамках земного развития. Ни у какой идеи, насколько бы прекрасной и идеалистичной она не была, нет силы, чтобы заставить что-либо вырасти, вызвать где-либо тепло, передвинуть магнит и тому подобное. Она приговорена быть мечтой, так как — до тех пор, пока человек думает о мировом порядке только как о сумме электрических, магнетических энергий, энергии света, энергии тепла и так далее — она не может вмешаться в структуру этих энергий, особенно когда установили закон о сохранении энергии и вещества, согласно которому энергия и вещество должны иметь вечное значение. Потому что тогда они всегда присутствуют здесь, и тогда идеи никуда не могут вмешаться, так как в таком случае у энергии и вещества есть свои собственные, вечные законы.

Этим законом о сохранении энергии и вещества — я говорю это только в качестве парентезиса - наносят много вреда. То, каким образом сегодня в литературе говорят о законе сохранения энергии и вещества, а именно силы и энергии, также часто возводят к Юлиусу Роберту Майеру. Тот, кто действительно знаком с трудами Юлиуса Роберта Майера, знает, что возводить закон о сохранении энергии и вещества к Юлиусу Роберту Майеру, настолько же разумно, как и то, что сегодня происходит в литературе, когданапример бульварное чтение возводят к изобретению Гутенбергом книгопечатания. Потому что то, что сегодня в учебниках и обычных пособиях фигурирует как закон сохранения энергии и вещества, не имеет никакого отношения к закону Юлиуса Роберта Майера, которого заперли в сумасшедшем доме за его поступок.

Теперь у того, кто действительно серьёзно воспринимает духовную науку, исходя из всего, что я описывал, возникает вопрос: какая связь, какое отношение существует между тем, что уже не могут соединить в современном созерцании мира: моральным идеализмом и натуралистическим взглядом на мир? - На этот вопрос невозможно с лёгкостью ответить теоретически. Настоящее время часто желает теоретических ответов, и даже те, кто приходит к теософии или Антропософии, иногда больше всего желают теоретически-догматических ответов. Но ответы, которые следует дать исходя из почвы духовной науки, должны быть ответами воззрения. В этом отношении речь не может идти о том, чтобы внести именно это пристрастие современности к догматизму также в духовную науку. Духовная наука стремится к иному. Конечно, духовные исследователи часто стремятся к тому, чтобы установить другие догмы, но духовная наука совершенно не

может считать, что нужно просто установить другие догмы, кроме тех, что уже были установлены ранее, а что необходимо думать иначе и наблюдать иначе, что в целом определённые вещи нужно мыслить с другой точки зрения. Даже то, чем многие сегодня занимаются в качестве духовной науки, особенно в качестве теософии, оно может часто вызвать впечатление немного изменённой схоластики Средневековья. Я не стремлюсь выступать против схоластики, потому что схоластика несёт в себе вещи, гораздо более значимые, чем те, которые порождают философским образом в настоящее время. Но склонность многих людей приводит к тому, чтобы опять же получить другие догмы о Боге и бессмертии, и Бог знает, о чём думать иначе, но всё же только думать, а не приходить к воззрениям, которые исходят из совершенно иной основы, чем прежние представления. Если полностью стоят на почве духовной науки, то говорят себе: во времена схоластики много мудрствовали о Троице, о существовании человека, о его бессмертии, о проблеме Христа, хотя я сейчас использую это выражение не с каким-либо скверным подтекстом. Потому что подлинная ценность этой схоластики находится не в догмах, которые она устанавливала, а в технике мышления, как я излагал это в моей книге «Философия и Антропософия», которая сейчас опять будет издана новым тиражом в существенно расширенном виде; она (техника) заключается в способе мышления о вещах. Но это мышление, им на самом деле сейчас лучше овладевают, когда обращаются к схоластикам, чем когда обращаются к множеству запутанных идей, которые в новейшее время называют теологическими или философскими. Потому что в Средневековье выдвигали множество теорий об этих вещах. Тогда, например, теоретически подходили к проблеме Христа. Кто знает суть этого подхода, тот не может испытать большой симпатии к несколько преобразованному схоластицизму, как этим, к примеру, часто занимаются в теософии, в которой конечно вместо более ранних понятий Троицы, бессмертия и тому подобного, используют теперь в свою очередь физическое тело, эфирное тело, астральное тело. Это является иным теоретизированием, но, в сущности, по качеству является тем же самым. Кто в действительности может постичь эту школу Средневековья, тот знает, что, если стремятся таким образом проникнуть, скажем, в Мистерию Голгофы, то это в определённой степени является исчерпанным вопросом. Потому что сегодня намного важнее, к примеру, проникнуть в личность Христа Иисуса, что мы и пытаемся сделать здесь в центральной скульптурной группе этого здания, в которой действительно стараются опять найти личность Христа Иисуса. Тот, кто действительно интересуется прежними догмами, сегодня будет гораздо больше интересоваться извлечением личности Христа из духовной жизни, потому что сегодня наступило время сделать это. Средневековье было временем для пронизательного мышления и придумывания схоластических понятий; сегодня — я часто характеризовал это — наступил такой пункт пятого послееатлантического периода, когда следует направить взгляд человека на духовные формы. То, что ранее было найдено в качестве личности Христа, является фантастическими образами. Я часто говорил здесь о развитии личности Христа. Следует снова найти образ Христа с помощью средств духовного созерцания. Таким образом, каждое время несёт свою особую задачу. Потому что важно не то, что нечто жёстко зафиксировали, а то, что человечество ищет в своём развитии и благодаря этому пробивает себе дорогу к дальнейшим ступеням своего развития.

Следовательно, важно то, что можно в определённой мере найти мост там, где современное мировоззрение не имеет возможности найти мост, а где, если оно само себя правильно понимает, оно неизбежно должно прийти к социализму, то есть к социалистической теории — а не к социализму в его обоснованности; я также уже часто говорил об этом. Но этот мост можно найти только тогда, когда человек обладает

искренней волей, чтобы так же как он проникает в то, что происходит между рождением и смертью, проникнуть и в то, что происходит между смертью и новым рождением, то есть человек обладает не просто волей в определённой степени анализировать мир здесь, а когда человек обладает волей действительно вступить в духовное. Читают о человеке и говорят: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела, «Я» и так далее. - Это конечно оправданно; но это оправданно для человека, живущего здесь между рождением и смертью. Но то, что я объяснял здесь в прошлый и позапрошлый раз, уже может указать Вам на то, что подобным образом можно говорить о человеке после смерти, о человеке между смертью и новым рождением. Если Вы ещё хотите спросить: из чего состоит человек? - то Вы не можете просто спросить: из чего состоит человек здесь на земле? - и ответить: здесь он состоит из физического, эфирного, астрального тел и «Я», - а мы сейчас также должны затрагивать вопрос: из чего состоит человек, когда он находится не на земле, а в духовном мире между смертью и новым рождением? Как же необходимо тогда говорить о членах человеческой природы? - Тогда нужно уметь говорить таким же реальным образом о членах человеческой природы. И если человек абсолютно честно поразмыслит о таких вещах, то осознает, что каждая эпоха обладает особой задачей. Люди совершенно не осознают, что на самом деле тот способ, которым они мыслят, создают себе представления, даже которым они ощущают, даже каким образом они взирают на внешний мир — вспомните только определённые высказывания, которые я делал в «Загадках философии» об относительно коротком периоде начиная с шестисотого года до нашего летоисчисления вплоть до наших дней — так происходит только сейчас. Мы не сможем вернуться в период ранее VIII века до Мистерии Голгофы при помощи того мышления, того ощущения, того взирания, которыми мы обладаем сейчас. Я указывал Вам точный год: 747 год до Мистерии Голгофы является подлинной датой основания города Рима. Если вернуться в период ранее VIII века до Рождества Христова, тогда весь способ человеческой жизни будет отличаться от того, что сейчас знают как душевную жизнь. Тогда все способы взирания на мир станут иными. Однако там существует граница, которую ещё можно увидеть яснее, чем другую, которую в действительности также хорошо можно увидеть, но всё же не для людей современности: граница, которая находится в XV веке. XV век находится очень близко для современных людей; однако там они не могут представить себя в период великого перелома, наступившего тогда. В целом люди представляют себе: человек всегда мыслит и думал так же как сегодня, даже если идти всё дальше назад, но насколько недалеко человек уходит назад! Собственно говоря, дело обстоит так, что, когда уходят далее VIII века до Рождества Христова, то человек обладает совершенно иным способом мышления. И теперь мы можем поставить вопрос: почему же тогда у человека был другой способ мышления? Сейчас, когда люди составляют себе представления об этом способе мышления, они создают, можно сказать, совершенно дурацкие представления. Когда современные люди слышат сейчас, каким образом обучали, скажем, в египетских мистериях — в то время они были самыми популярными -, когда они слышат нечто о способе, которым тогда объяснялись истины, то они думают: что ж, это соответствует тогдашнему фантастическому времени, потому что люди ещё не были настолько умны как сейчас, тогда они ещё создавали себе детские представления; правильным является то, что у нас есть сейчас! - Особенно для современного человека естественно так думать, потому что он не может думать в этом случае как-либо иначе, так как он ужасно погружён в образ мышления нынешнего времени. Представьте себе, что некий грек, например, Пифагор, приехал в Египет и учился там, подобно тому как сейчас любой человек едет на учёбу в известный университет. Но что он изучал? Я хочу рассказать Вам нечто, что Пифагор в

действительности мог там изучать: он узнал бы, что в древние времена Меркурий играл в шахматы с Луной, и Меркурий выиграл эту шахматную партию. А именно, что каждый день он выигрывал у Луны двадцать минут, и эти двадцать минут, они потом суммировались посвящёнными. Сколько же составляют эти двадцать минут за триста шестьдесят дней? В общем они составляют как раз пять дней. Поэтому годом считаются не триста шестьдесят дней, а триста шестьдесят пять. Эти пять дней являются тем, что Меркурий выиграл у Луны, и потом подарил остальным планетам и всему человеческому роду в дополнение к триста шестидесяти дням в году.

Сейчас, конечно, когда говорят, чему примерно мог учиться Пифагор у мудрых египтян, то любой современный человек естественно посмеётся. Тем не менее это просто является иным облачением для глубокой духовной истины — мы ещё поговорим об этом на днях - которую настоящее время ещё не открыло заново, но которая является истиной.

Вы могли бы спросить: почему в то время считали совершенно иначе? - Если Вы сравните лекцию такого египетского мудреца, излагающего настоящему хитрецу Пифагору следующее: Меркурий каждый день выигрывал двадцать минут у Луны в шахматной партии — с лекцией по современной астрономии, прочитанной в лекционном зале, то Вы ещё лучше почувствуете разницу. Но если человек спросит себя: почему существует такая разница? - тогда придётся более глубоко вникнуть во всю сущность человеческого развития. Потому что если вернуться назад в период ранее VIII века до Рождества Христова — хотя Пифагор не относится к этому раннему периоду, но в Египте сохранялись остатки мудрости, основы которой были заложены ранее VIII века до Рождества Христова, тогда её ещё могли напечатлеть — если в этот период обучали таким образом, то для этого ещё существует глубокая причина. Всё отношение человека к миру воспринимали по-другому, должны были в то время воспринимать по-другому.

Я хотел бы указать на то, что различные остатки древнего видения постоянно вновь и вновь атактистически обновлялись, причём под словом «атактистически» я не подразумеваю и не понимаю ничего отрицательного. Тот, кто прочитает, к примеру, такой труд, как «De signatura rerum» («О рождении и значении всего сущего») Якоба Бёме, тот, если он будет честен, в действительности также сегодня скажет: он никак не может подступиться к нему. Потому что там даются очень странные объяснения, которые следует расценивать либо с более высокой точки зрения — тогда они получают смысл -, либо должны быть на самом деле отвергнуты с точки зрения современных мыслящих людей как бессмысленная ерунда дилетанта, который немного размышлял. На самом деле все те замечательные речи, которые часто ведут незрелые теософские круги о Якобе Бёме, от лукавого. Тем не менее этот Якоб Бёме замечает с более высокой точки зрения во всём своём духовном устройстве, в том способе, с которым он относится в частности к анализу слов, когда он разбирает, например, слово Sulfur (сера) и ищет нечто в разложенных частях — мы хотим при этом посмотреть не на материальное, а на способ, которым он действует там в своём труде «De signatura rerum» - он гораздо больше чем любая из абстрактных наук, которая просто существует сегодня у всех на виду, замечает определённую конкретную взаимосвязь человека со всем духовным миром. Этот Якоб Бёме, он гораздо больше находится внутри этого духовного мира. А это нахождение внутри духовного мира, оно характерно для тех мыслителей, которые были мыслителями в период до VIII века до Рождества Христова до нашего летоисчисления. Они мыслили не отдельным разумом, которым мы мыслим сегодня. Мы все мыслим индивидуальным отдельным разумом; они ещё больше мыслили космическим разумом, созидательным разумом, тем разумом, к

которому следует, я хотел бы сказать, прислушаться в отдельных его творениях, если хотят прийти к нему.

Сегодня в действительности ещё существует область, в которой совсем немного можно заметить, как в жизнь человека изливается и оказывает воздействие нечто от созидającego разума. В одной области ещё можно отметить нечто от самореализации идей; но, я хотел бы сказать, что здесь оно является лишь тенью от неё, и в большинстве случаев на эту тень не обращают внимание. Сегодня существует большое количество натуралистических антропологических теорий о возникновении речи, как она должна была развиваться. Вы знаете — я уже часто упоминал об этом -, что существует две основные теории. Первую называют теорией «гав-гав», вторую — теорией «бим-бам». Теория «гав-гав» в большей степени представлена континентальными учёными, теория «бим-бам» представлена Максом Мюллером. Теория «гав-гав» основана на том, что люди вышли из самых примитивных состояний и тогда их внутренние органические переживания издавали лающие звуки так же как собака, когда она издаёт «гав-гав», а посредством соответствующего развития — ведь всё развивается от примитивного к совершенному — собачье «гав-гав», которое сегодня ещё можно заметить у людей на примитивной ступени, стало человеческой речью. Если проследят всё в развитии от «гав-гав» до сегодняшней речи, то она подобна теории о происхождении Дарвина или Геккеля, начиная от самой простейшей монеры*, то есть от самого простого способа, от нечленораздельного способа до сегодняшней речи, в этом и состоит теория «гав-гав». Другая теория гласит, что человек может развить определённое чувство родства со звуками колокола: бим-бам; каждый раз у человека возникает определённый внутренний звук, который он имитирует. В соответствии с этим теория «гав-гав» в большей степени следовала бы теории эволюции, а теория «бим-бам» — теории приспособления, приспособления человека к внутренней природе материальных слов. Затем можно также остроумно связать эти вещи, теорию «бим-бам» с теорией «гав-гав», тогда это станет чем-то более совершенным, тогда развитие связано с приспособлением. Собственно говоря, сегодня эти вещи в большей или меньшей степени являются обыденным делом. Также существуют такие люди, которые смеются над обеими этими теориями и придерживаются других теорий; но в принципе они не на много отличаются.

* Монеры — так Геккель назвал простейшие одноклеточные организмы без ядра. Сейчас этот термин не применяется. - прим. пер.

Рассматривая духовно, наблюдая духовно, невозможно говорить о том, что развитие речи произошло так, как только что было охарактеризовано, а уже чисто внешне строение речи показывает, что в формировании речи, возникновении речи господствует реальный разум. А именно интересно то, что как раз в речи придерживаются господства разума по той простой причине, что в речи самым наглядным образом живёт некий идейный момент, то есть то, что рассматривали сегодня в одном течении, и что речь направляется не просто к душе человека, но имеет свою собственную закономерность, в ней уже определённым образом реализует себя идейное, даже если по сравнению с законами природы оно подобно тени. Давайте возьмём, например, одно слово — я просто хочу обратить Ваше внимание на несколько очень элементарных случаев —, в котором Вы сможете увидеть, как внутренний разум господствует в возникновении речи; давайте возьмём следующее слово: Oratio, речь. Собственно говоря, удивительно, когда берут такое слово как Oratio, речь, и затем смотрят на то, что из этого слова возникает в жизни человека после смерти, тогда образуется удивительное сходство с тем, что действовало в развитии речи в качестве становящегося разума. Это даёт определённую достоверность, которую сегодня вряд ли

можно получить другим путём. Другим путём можно получить максимум гипотезы. По крайней мере, в течение определённого времени после смерти умерший иногда ещё понимает слово *Oratio*; в дальнейшем он больше не будет понимать его, он утратит его понимание. Взамен этого он всё ещё будет понимать созерцание, имагинацию, ведущую обратно к тому, что можно выразить словами: *Os*, *Oris*, рот, и *Ratio*, разум. Умерший раскладывает слово *Oratio* на *Os* и *Ratio*. А в ходе развития на самом деле происходил обратный процесс: слово *Oratio* в действительности возникло благодаря синтезу изначальных слов *Os* и *Ratio*. *Oratio* не является таким изначальным словом как *Os*, *Oris* и *Ratio*, но *Oratio* образовано из *Os* и *Ratio*.

Я хотел бы привести Вам несколько таких элементарных вещей. Эти вещи самым наглядным образом можно изучить ещё в латинском языке, потому что там они обнаруживаются яснее всего, но для других языков также имеют значение законы, которые при этом можно обнаружить. Давайте возьмём, к примеру, три изначальных слова: *Ne ego otior*; если воспримут это как выражение, то это означало бы: я не праздный. *Ego otior*: я праздный; *ne ego otior*: я не праздный. Эти три слова объединяются благодаря господствующему космическому разуму в *Negotior*, что означает: заниматься делами. Здесь Вы связали три слова в одно и видите основанное на разуме построение слова. Вы видите разум, господствующий в развитии речи.

Тем не менее, я бы не утверждал это настолько категорично, если бы не имел место тот удивительный факт, что умерший опять раскладывает то, что было соединено здесь в мире. Умерший снова раскладывает нечто вроде *Negotior* на: *Ne ego otior*, и он понимает только эти три слова вернее созерцания, которые составляются из этой троицы, и он забывает то, что возникло посредством соединения.

Приведу другой близлежащий пример: *Unus*, один, и *Alterque*, другой; это суммируется в латинское слово *Uterque*, каждый из двух. Мы были бы весьма рады, если бы в современной речи существовало такое слово как *Uterque*, которое даст такое понятие; француз максимум может выразить это, сказав следующее: *l'un et l'autre*; у него нет одного отдельного понятия, чтобы высказать это. Но *Uterque* выражает это намного точнее.

Давайте возьмём один случай для того, чтобы Вы увидели, какой принцип я в действительности имею в виду. Вы все очевидно знаете слово «se», французское слово «se»: себя. Вы знаете, слово «hors»: вне себя, также можно сказать во вне, и «tirer» - я сохранил от него только «tir» - «tir»: тянуть, оттягивать себя прочь. Если затем Вы соедините эти три слова согласно тому же принципу, то получите здесь «sortir», уходить, что является не чем иным, как сочетанием «se hors tir»; «tir» является остатком слова «tirer». Здесь в современной речи Вы ещё видите тот же господствующий разум. Или давайте возьмём пример, в котором эти вещи немного замаскированы потому, что действуют разные уровни языка: «cœur», сердце; «rage», оно является живым, животворным, тем энтузиазмом, который исходит от сердца; а вместе даёт: «courage»*. Это не какие-то выдумки, а подлинные события, которые там происходили на самом деле. Вот так образуются слова.

* *Courage* — в переводе с французского храбрость, мужество. - прим. пер.

Но этой возможности, так образовывать слова, её здесь больше нет. Сегодня человек отделился от живой взаимосвязи с космическим разумом, и потому максимум в совершенно единичных случаях ещё может существовать возможность рискнуть приблизиться к речи, чтобы извлечь из неё какие-либо слова, которые, как говорят,

находятся в духе языка. Но чем дальше возвращаются назад, а именно чем дальше возвращаются в период до VIII века до Рождества Христова, даже в греческом и латинском языках, тем больше в живой жизни действует тот принцип, что развитие речи происходит как раз таким образом. И значимым при этом всегда остаётся то, на что можно указать как на эвритмическое, на то, что открывается у умершего: он опять разъединяет слова, он разделяет их на части. Он, умерший, в большей степени чувствителен к частям слов, чем к словам целиком. Если Вы представите себе эти вещи последовательно развивающимися, то слова разделили бы на звуки, а если Вы в свою очередь преобразуете звуки, не в движения воздуха, а в движения всего человека, то получите эвритмию. Поэтому эвритмия является чем-то, что умерший в действительности может очень хорошо понимать, если ею полноценно заниматься. И Вы видите, что о таких вещах как эвритмия не следует судить внешним образом, но её место в общем устройстве человеческого развития можно понять только тогда, когда также смогут обратить внимание на это общее развитие человека.

Можно ещё многое сказать о том, к чему на самом деле стремится эвритмия, но для этого ещё представится возможность позднее. Сначала я хотел бы указать Вам на пусть даже тенеподобную область, в которой в прежние времена в жизнедеятельности самих людей воздействие идеального ещё входило в реальность. Я сегодня говорил в начале: в сегодняшнем мировоззрении мы больше не обнаруживаем возможности построить мост между идейным, идеальным, моральным и тем, что живёт в природе. Этот мост отсутствует. Для сегодняшнего цикла развития человека даже совершенно естественно, что этот мост отсутствует. Идейное более не творит. Я хотел показать Вам один пример в самой человеческой области, хоть и, как говорится, тенеподобной, в которой в самом человеке всё ещё творит идейное. Потому что в составлении таких слов, тогда действовали не договорённость людей или соображение отдельной человеческой индивидуальности или личности, а тогда действовал разум действительно без участия при этом человека. Сегодня люди хотят участвовать во всём, что они делают: то есть если бы должны были сделать нечто прекрасное, великое, значимое вроде этого здесь — тогда Вы бы увидели, что бы получилось при помощи сегодняшней мудрости людей, если бы речь следовало бы формировать сегодня! Но в те времена, когда человек ещё не был настолько самим собой, в человечестве происходили эти величественные, мудрые, значимые вещи, и они происходили таким образом, что в этом происходящем ещё взаимопроникающе действовало близкое совместное бытие идеи и реальности, а именно идеи, то есть разумного становления, и реального движения воздуха через органы дыхания человека. Сегодня мы не можем построить мост между моральной идеей и допустим электрической энергией; но здесь выстроен мост между чем-то происходящим и чем-то разумным. Естественно это не приводит нас — я расскажу об этом дальше завтра — к построению такого же моста; сегодня его необходимо построить совершенно другим образом. Но в этом Вы можете увидеть, что человечество шагнуло вперёд к современному состоянию от другого состояния: от нахождения в живом ткани, которое было близко к тому, что определённым образом перевёрнуто *post mortem**, то есть происходит после смерти человека. Сегодня после смерти для того, чтобы продвинуться вперёд между смертью и новым рождением, человеку необходимо снова разобрать то, что было соединено силами — мы ещё будем говорить об этом завтра — так, чтобы можно было ясно увидеть это соединение, когда возвращаются к древним ступеням образования речи.

* *Post mortem* — после смерти. - прим. пер.

Это важные вещи, вещи, которые действительно необходимо учитывать, если обращают взгляд на следующее: как следует — мы часто уже говорили о том, что нам нужно внимательно посмотреть на это — внести во всё устройство сегодняшней духовной жизни то, что можно обрести на почве духовной науки? - И если снова и снова говорят о важности этого внесения духовной науки во всё развитие, то в этой области также уже необходимо мыслить конкретно. В этих лекциях я хотел бы кое-что сейчас внести для этого конкретного мышления. Если бы когда-либо смогло случиться так, что духовную науку приняли бы как определённое движение современности, движение людей, тогда эта духовная наука смогла бы плодотворно действовать во всех областях. Но также, прежде всего, должна была бы присутствовать воля вникать в тонкости, которые здесь часто подчёркивают. Потому что на этих тонкостях, которые всегда затрагивают отношение нашей духовной науки к современной духовной культуре, мы должны основать то, что мы можем назвать внесением самих себя в духовное течение современности благодаря духовной науке. В действительности происходит так, что печальные, катастрофические события нынешнего времени должны обратить внимание людей на то, что древние мировоззрения стали банкротами. Однако не в духовной науке, а в её отношении к этим древним мировоззрениям можно было бы увидеть, что должно произойти, чтобы мы вышли из банкротства современного времени. Конечно, для этого было бы необходимо, чтобы в конце концов поняли замыслы, о которых я часто говорил именно как о замыслах духовно-научного движения. В действительности необходимо было бы понять, по какой причине, например, с одной стороны, в определённых кругах стала настолько плодотворной работа здесь над строительством, а почему другие устремления Антропософского общества в определённой мере остались настолько же бесплодными; почему, если не принимать во внимание то, чего оно достигло на самом деле, а именно что оно принесло в мир Дорнахское здание, Общество всё ещё часто терпит неудачу. С одной стороны, такое достижение, если оно не должно зачастую пробуждать противоположность, всегда становится причиной того, что происходит нечто другое. Необходимо было бы, чтобы Антропософское общество не потерпело неудачу также и в других областях, наподобие того как оно полностью потерпело неудачу за годы своего существования. Эту неудачу, её не требовалось бы подчёркивать снова и снова, если бы гораздо сильнее было распространено мнение о том, что следует задуматься, почему Антропософское общество терпит неудачу в отношении многого другого. Если бы задумались более основательно, то поняли бы, на чём, к примеру, базируется то, что в мире снова и снова распространяется мнение, будто я просто веду Антропософское общество на помочах и хвастаюсь всем; тогда как в мире вряд ли существует общество, в котором в меньшей степени происходит то, к чему стремится так называемый вождь, чем в Антропософском обществе! Происходит, как правило, противоположное тому, что я на самом деле задумывал. Следовательно, именно Антропософское общество имеет возможность показать, насколько реальность на практике далека от так называемых идеалов. Но в таком случае также необходимо обладать волей встать на почву реальности. В Обществе естественно существует личное; но это личное нужно также воспринимать как личное. Если где-либо в ветви люди спорят исключительно по личным причинам, то тогда нужно не делать белое чёрным или чёрное белым, а следует спокойно признаться: у нас есть личные причины, нам нравится это, а это нет, по личным причинам. - Тогда придерживаются истины; не нужно путать реальность с идеалами. Таким образом, необходимо было бы, чтобы, в то время как, с одной стороны, мои устремления движутся к тому, чтобы всё духовно-научное вытащить из сектантского, очистить от всего сектантского, Антропософское общество снова и снова плюхалось в сектантское и несло в

себе любовь именно к сектантскому. Если где-нибудь существует стремление выйти из сектантского, то именно здесь ненавидят это желание выйти из сектантского.

Естественно, я не хочу никого осуждать, и также не хочу быть неблагодарным за те прекрасные устремления, которые существуют повсюду и там и здесь, я всё очень ценю, но необходимо, чтобы немного задумались о многих вещах, иначе снова и снова будут обнаруживаться те вещи, о которых мне также в свою очередь рассказывали в эти дни. Конечно, здесь личное ещё тесно связано с этими вещами. Если в какой-либо стране снова случится какое-то несчастье, то со своей стороны основной закон Антропософского общества таков, что, я хотел бы сказать, Общество ощущает, что опять в некоторой степени поссорится, и из-за этой ссоры получается, что меня лично ругают самым омерзительным образом. Конечно, если это повторяется снова и снова, то мы не продвигаемся далее. Если меня постоянно ругают самым омерзительным образом, потому что другие люди ссорятся и используют меня, если дело постоянно сводится к тому, что меня используют, то, естественно, я больше не смогу удерживать антропософское движение в мире. Действовать в позитивном ключе было бы возможно только, если бы стремились больше концентрироваться на том позитивном, которое я достаточно часто обрисовывал. Следовало бы отодвигать назад такие вещи, которые чаще всего основаны на ужасно низменных вещах. Но во многих кругах намного больше желания поссориться, в том числе намного больше желания спорить о догмах, из-за чего потом часто развиваются личные споры. И затем обычно происходит так, что ругань перенаправляется на меня — что меня лично оставляет в высшей степени невозмутимым, но движение не сможет существовать далее, если так будет продолжаться. Причём я не осуждаю то, что сделали в таком случае, но я обращаю внимание на то, что они не сделали кое-чего иного, на что мне не подобает бестактно намекать, но благодаря чему более надёжным образом, чем тем образом, которым это постоянно пытаются сделать, предотвращали бы то, что постоянно происходит. Сегодня происходит так, что можно сказать: мы давали циклы лекций только членам Общества, и я знаю, что ко мне самому часто обращаются те или иные люди из Общества со странными просьбами, когда я часто более либерален чем хотят быть отдельные члены Общества при раздаче циклов лекций. Даже посторонние люди не смогли бы привести к ещё худшей ситуации чем та, при которой циклы лекций были вынесены в мир, как это сделали члены Антропософского общества! На это также необходимо обращать внимание. Сегодня мы уже зашли так далеко, что члены Общества, отколовшиеся члены Антропософского общества, некоторым образом злоупотребляют циклами лекций, что на самом деле очень скоро придут к тому, чтобы сказать: мы больше не ставим никаких границ, мы продаём циклы лекций всем желающим. - Не могло случиться ещё худшей ситуации.

Я не говорю, что это должно произойти уже завтра, а просто намекаю на то, что Общество вообще не действует в качестве общества — за исключением здания и отдельного круга - , что оно на самом деле вообще не делает то, что обычно делает общество. Вместе с тем у Общества вообще нет поддержки; оно вообще не является тем, что могло бы породить движение.

Здесь ясно видно, что я не имею в виду кого-либо лично, что я говорю здесь об этом совершенно беспристрастно, по той простой причине, что именно здесь находится место, в котором плодотворно творят исходя из Общества, то есть возводят здание. Оно (здание) уже является реальной вещью, возникшей из Общества. И если бы другие вещи, которые могли бы быть намного дешевле чем возведение здания, делали бы исходя из такого духа Общества, подобно рабочим на нашей стройке, тогда из Антропософского общества могло

бы произрасти невероятно благодатное. Но тогда следует называть белое белым, а чёрное чёрным. Там, где действительно присутствуют личные вещи, следует говорить: это — личные вещи, а не возвышать их до высокого идеализма; иначе придётся задуматься о том, что должны поставить на место Антропософского общества. В таком случае не смогли бы поставить на это место некое общество, потому что снова случилось бы такое же бедствие! Конечно же Общество не может быть просто средством для того, чтобы драться со всевозможными низшими личностями. Но оно является средством, которое заставляет человека снова обращать внимание на всевозможные низменные вещи.

Что ж, сегодня я не хочу более надоедать Вам этими вещами, я просто хотел ещё кое-что добавить, поскольку время истекло. Я закончил лекцию раньше; и только если время лекции истекает, я в конце рассказываю такие вещи в качестве подготовки.

Лекция восьмая Дорнах,

1 сентября 1918 г.

Мне нужно составить рассуждения, которые нас сегодня здесь интересуют, так, чтобы я сегодня в расширенном виде изложил вчерашние разъяснения, чтобы затем завтра прийти к определённом предварительному небольшому выводу. Поэтому сказанное сегодня будет означать больше чем нечто эпизодическое.

В настоящем существует очень, очень много поводов, также исходя из событий этого времени, задуматься о том или ином, если не намереваются проспять важнейшие импульсы нашего времени. В нынешнее время в особенности бросается в глаза и, я хотел бы сказать, вызывает вопросы то явление, которое Вам всё же достаточно известно, что в самом широком смысле в настоящем времени распространилась самая чудовищная неправдивость, что неправдивость присутствует именно там, где сегодня выступает всеобъемлющее. Затем такие вещи, как проявление настолько деятельной, настолько радикальной неправдивости, побуждают также духовно-научно исследовать всё, что с этим взаимосвязано. И тогда, можно сказать, навстречу часто выступает совершенно особенный факт, которого я уже часто касался здесь, что чаще всего то, что рассказывают в качестве истории человечества, является некоего рода *Fable convenue**. При этом речь идёт совсем не о том, что сообщаемые факты нельзя было бы считать в определённой степени верными; но другие факты — вспомните, что я на днях объяснял, как глубочайшее влияние одного человека было просто вычеркнуто из римской истории — их просто стирают. Церковь стёрла из истории невероятное количество фактов, потому что церковь старалась, чтобы люди не узнали определённых фактов.

* *Fable convenue* – выдумки, признаваемые по соглашению истиной. - прим. пер.

Вчера мы снова с некой точки зрения говорили о том времени, которое предшествовало греко-римскому культурному периоду, о важном отрезке времени в VIII веке до Рождества Христова. Это является тем временем, выходя за рамки которого исторические предания сообщают не очень много. Тогда исторические предания становятся весьма и весьма ненадежными, но после начала этой временной эпохи сияет одна личность, вызвавшая у очень-очень многих людей рассмотрения самого различного рода. Там из этого периода возникновения, то есть после VIII века до Рождества Христова сияет имя

Пифагора, а также название Пифагорейская школа. Вчера я указывал на то, что Пифагор мог получить из остатков древних египетских мистериальных истин, какого рода были те вещи, которые мог получить Пифагор.

Собственно говоря, интересно рассмотреть не только то, что говорили и делали Пифагор и его ученики, что конечно было очень важным, потому что они занимались не только обучающей деятельностью, но и широко охватывающей политической деятельностью. То, что делали Пифагор и его ученики интересно, но кроме того важно рассмотреть мир, который в известной степени окружает пифагорейскую деятельность, мир, из которого затем также произросла более поздняя греческая культура, которая уже также восприняла определённое влияние того, что обнаруживают у Пифагора сияющим особым светом. Если взять жизнь в VII, VI, V веке до нашего летоисчисления, из которой произросла позднейшая греко-римская жизнь, если взять жизнь на греческом полуострове, в близлежащих странах и итальянском полуострове, то тогда человеку особенно бросается в глаза, если вещи рассматривают не согласно *Fa- ble convenue*, а рассматривают их в свете истины — в таком случае духовно-научное исследование должно всегда вносить в это свой вклад -, что в этой жизни была распространена одна характерная особенность человечества. А именно вряд ли в какое-либо иное время в странах Средиземноморья так много лгали, чем в это время. Ложь, высказывание неправды другим людям, это было заметным характерным явлением всей той жизни, из которой позднее произросли греческая и римская культуры.

Не следует предаваться иллюзиям в таких вещах. Всё то, что видят развивающимся в римской культуре в качестве величественной красоты, в качестве достойной восхищения суммы творений фантазии Греции, что видят в качестве величайшей суммы абстракции, когда-нибудь существовавшей в мире, всё это, подобно тому как растительный мир произрастает из навоза, произошло из почвы, расстилающейся в странах Средиземноморья, из почвы, населённой людьми, сплошь наполненными неудержимым влечением, страстью ко лжи. Это является кое-чем, что в меньшей степени подчёркивается историей, но что необходимо понять, если стремятся правильным образом заглянуть в третий направленный вниз послееатлантический культурный период. Да, мы имеем дело с направленным вниз третьим послееатлантическим культурным периодом, когда мы поднимаемся от предыдущих столетий и тысячелетий к VIII веку до Рождества Христова. И люди, которые были в то время носителями культуры третьего послееатлантического культурного периода, направленного вниз третьего послееатлантического культурного периода, они, в сущности, были огромными лжецами. В то же время это та эпоха, в которую совершенно особым образом развивается та способность, о которой я вчера Вам говорил и которая настолько необычайно интересна: способность образовывать речь исходя из космического разума. И тогда этот величайший талант присутствовал — наряду с теми вещами, которые я объяснял вчера — в огромном пристрастии ко лжи.

Если желают рассмотреть действительность, то в этих вещах следует так же мало предаваться иллюзиям, как о том, что фиалка, цветущая весной, наоборот увядает и уже несёт в себе силы преходящего, в то время как она красиво и прелестно цветёт. Потому что у фиалки в определённой мере присутствует чередование сил зарождения и сил разрушения. В жизни человека, в частности в огромной жизни человечества, это очень, очень часто даже по времени находится рядом друг с другом, и человек не постигнет действительность, если не постигнет необходимость того, чтобы такие вещи формировались рядом друг с другом: эволюция и деволуция*, возможность действовать

созидающе, как например, в образовании речи, и в то же время то разрушающее воздействие, которое ложь оказывает на духовную жизнь.

* Деволюция — здесь имеется в виду комплекс изменений, ведущих к регрессивным формам. - прим. пер.

В определённой мере это обратная сторона того, что я объяснял Вам вчера. Существует также светлая сторона. Эта светлая сторона ещё более духовно-научной природы. Вчера я уже обращал внимание на то, что сегодня было бы невозможно с такой уверенностью говорить об этих вещах в образовании речи, которые мы обсуждали вчера, если бы жизнь человека после смерти не давала ему ясного доказательства того, что снова разделяется то, что здесь в жизни, например, соединяется в слова из отдельных атомов слов или частей слов. И это разделение слов, распыление слов, оно является чем-то, что играет значимую роль в жизни умерших. Умерший в некоторой мере живёт исходя из распыления слов. И умерший испытывает весьма убедительное чувство, что он в своей жизни, то есть перед смертью, был изолирован от духовного мира, в котором он находится после своей смерти, потому, что формировал составные слова из звуков и букв. Умерший испытывает чувство, что речь в некоторой мере является ковром, лежащим в жизни перед духовным миром. И при распускании этого ковра, при разделении слов он чувствует, что теперь он опять вступает в духовный мир. Следовательно, одной из особенностей умершего является разделение, расщепление, раскладывание на составные части человеческих слов, которые упомянутый человек узнал в жизни между рождением и смертью. Например, умерший испытывает очень торжественное, величественное чувство, когда ему удаётся получить определённое понимание путём такого разделения. Я часто Вам говорил о том, что момент смерти для жизни здесь в физическом теле является в определённом отношении чем-то пугающим. Люди даже любят отворачивать лица от смерти. После смерти постоянно присутствует созерцание момента смерти — я часто уже это подчёркивал -, но в этом случае оно не означает ничего ужасающего; когда человек взирает на свою собственную смерть с другой стороны жизни, в этом созерцании всегда присутствует уверенность, что он есть и остаётся «Я». Я часто это подчёркивал.

Но теперь для умершего речь идёт о том, чтобы понять то, что открывается ему в созерцании смерти с другой стороны жизни. Он понимает это всё лучше и лучше благодаря тому, что он разделяет те или иные слова, в зависимости от того, говорил ли он на том или ином языке. У древних евреев и ещё в достаточно похожем виде у римлян есть так называемое священное имя, неизречённое имя Бога, Jahve (Яхве). Для евреев это неизречённое имя заключалось в определённом соединении звуков, ощущаемых нами как пять гласных, которые мыслили связанными на протяжении физической жизни. Ещё в римском слове Jovis, Юпитер, просто замаскированно находилась другая форма имени Яхве; по сути оно в пяти гласных определённым образом соединяется в Jovis. Умерший жил в разделении того, что здесь было соединено в этом имени Бога, и когда он разделял гласные, соединённые при жизни, ему в то же время также открывался, можно было бы сказать, смысл смерти. Раскрытие этого смысла смерти, его нужно хотя бы просто попытаться предчувствовать правильным образом. Необходимо понять, что этот смысл смерти открывается умершему благодаря разделению священного имени на составные части, которые затем, звучат умолкая и затихая продолжают звучать в мире. Разделение этого священного имени связано с пониманием одухотворения смерти. Это является понятием, которое чрезвычайно трудно описать. Смерть, если её рассматривают с другой стороны, можно назвать одухотворением. Когда на смерть взирают с другой стороны, то это созерцание связано с возникновением духовного. И в расщеплении слов на гласные

раскрывается духовное, исходящее из распада, означающего смерть. Потому что распад в то же время является рождением духовного, возникновением духовного. Тогда как распад антипатичным образом ощущают как нечто безобразное как и любое разрушение, но глядя с другой стороны, это разрушение раскрывается как сияние духовного, которое затем понимается в умолкании звучания. Происходит так, как если бы священное слово звучало и излучалось вовне вдаль, и в излучении вдаль разделялось на гласные составные части, которые затем слышат как бы с периферии мира, и которые потом делают слышимым смысл смерти, духовный смысл смерти.

Сказанное уже направляет Вас к тому, что так же как здесь в жизни говорят о членах человеческой природы: физическом, эфирном, астральном телах и «Я», по праву можно говорить о членах человеческой природы, которыми эта человеческая природа обладает между смертью и новым рождением. Ведь когда я представил Вам так сказать центральное явление, которым человек обладает непрерывно между смертью и новым рождением, то есть раскрытие духовного смысла самой смерти, должен возникнуть вопрос: как же на самом деле выглядит этот мир, который должен открыться для человека после смерти? - Но человек не сможет постичь этого, если он не узнает нечто о природе и существе самого человека.

Что ж сегодня мы хотим сначала попытаться описать умерших так, как обычно описывают живых. В таком случае можно начать с того члена умершего человека, у которого ещё есть сильная связь — не родство, а связь — с тем, что человек переживает здесь между рождением и смертью. То есть тогда мы имеем дело с первым членом человеческой природы, который также называют «Я», и который в определённой мере здесь между рождением и смертью изначально называют самым высшим членом человеческой природы. Сейчас мы не обращаем внимание на то, что сначала, непосредственно после смерти, ещё присутствует оболочка эфирного тела, которую затем отбрасывают, и ещё присутствует оболочка астрального тела, которую также отбрасывают в ходе времени; они являются составными частями, которые в определённой степени не принадлежат к этому. Если говорят об умершем человеке, то исконным членом этого умершего человека изначально всё же следует признать только «Я». Я говорил, что существует связь с «Я» в жизни на Земле, но не подлинное родство; потому что на самом деле это «Я» представляет из себя нечто совершенно иное, чем «Я», переживаемое между рождением и смертью. Между рождением и смертью «Я» в некоторой мере является чем-то текучим, чем-то, что чувствует в себе силу каждый день становиться иным. Только представьте себе, насколько ужасно было бы в телесной жизни между рождением и смертью, если бы Вы не могли понять такую мысль: вчера я сделал нечто плохое, но я в свою очередь могу это исправить, для этого я могу сделать нечто хорошее. - Или если бы Вы, будучи достаточно юным, должны были бы сказать: я мало чему научился, но больше не смогу научиться ничему новому. - Ни единого момента в жизни между рождением и смертью «Я» не является чем-то настолько зафиксированным, чтобы в определённой мере благодаря его собственной силе воли его не могли бы изменить изнутри. То, что Вы переживаете в качестве «Я» после смерти, оно является чем-то ставшим фиксированным, оно обретает определённые качества, которые теперь нельзя напрямую изменить; оно остаётся таким, какое оно есть. Преобразование этого непрерывно текучего в жизни между рождением и смертью «Я» в фиксированное образование, в котором ничего не может измениться, которое остаётся таким, каким оно оформилось в жизни, это является той важной вещью, которой следует придерживаться для понимания этого «Я» после смерти. После смерти не может идти речи о развитии, о котором мы должны говорить в

отношении «Я» в период между рождением и смертью. После смерти «Я» в определённой мере является фиксированным духовным образованием, оно берёт начало из созерцания самой смерти, и в этом «Я» ничего невозможно изменить. Можно было бы сказать, если бы хотели высказать эти вещи более или менее банально: после смерти человек обречён воспринимать все детали своей жизни как нечто фиксированное. Так же как Вы видите ближние и дальние зелёные насаждения, находящимися рядом друг с другом, когда смотрите на поле, и как Вы в этом видите не текучее, а фиксированное, обширное, изначально постоянное образование, так Вы обзрываете всю протяжённость Вашего жизненного пути, но так, что стоящее впереди не стирается стоящим позади, как это происходит в жизни в физическом теле, а Вы обзрываете его как остающееся видимым поле, в котором Вы изначально ничего не можете изменить простым созерцанием. Для умершего даже было бы плохо, если бы это не происходило таким образом; потому что его взгляд, взгляд умершего на самом деле изначально главным образом поглощён этим «Я». Он словно прикован к этому «Я». И если бы это «Я» исчезло, то для умершего это было бы подобно тому, как если бы для живого человека исчез бы окружающий мир чувств. Отдельный человек в своём «Я» главным образом для себя самого, если мне позволят так сказать, настолько же важен — этими словами мы выражаем значимую истину —, насколько здесь для людей в физической жизни важен весь чувственный мир, который для нас, людей, является общим. Если бы после смерти мы не смогли взирать на это застывшее «Я», это застывшее из текучего состояния «Я», то разверзлась бы прямо-таки чудовищная бездна, бездна ничто.

В качестве второго члена мы обладаем неким видом духовного существа, который по аналогии с тем, что мы уже знаем, мы также можем назвать Самодухом. Следовательно, после смерти в качестве второго члена человеческого существа мы обладаем неким видом духовного существа. У человека это духовное существо осознаётся преимущественно таким образом, что для него это осознание Самодуха словно восходит изнутри. В то время как «Я» представляет некий вид внешнего наблюдения, осознание Самодуха восходит извне наружу. И в той же мере, в которой человек чувствует: этот Самодух оживляется — в той же мере вовне из сознания выступает то, что человек знает, там находятся они, существа высших иерархий. Следовательно, я называю его следующим образом: «Самодух» — я должен дать точное определение так, как я сейчас пишу его на доске, иначе я написал бы Вам нечто неточное — «посредством иерархий направлен на «Я»».

То, что я сейчас написал, почти полностью соответствует положению дел. Вы испытываете чувство: там присутствует существо из иерархии Ангелов, из иерархии Эксузиаи, которое сейчас направляет взгляд на Ваше «Я». Когда Вы направляете Ваш взгляд на «Я», в первый раз благодаря какому-либо существу одной иерархии, во второй раз благодаря тому, что Вы знаете, что сейчас Ваш взгляд направлен на «Я» благодаря существу другой иерархии, то Вы знакомитесь с иерархиями внутри действия Вашего Самодуха. То есть Вы знакомитесь с иерархиями в Вашей собственной деятельности. Благодаря Вашему Самодуху Вы начинаете пребывать в обществе иерархий. И между тем как, до того как возсияет Самодух, Вы ещё испытываете чувство, что только Вы сами направляете взгляд на собственное «Я», всё более ясным для Вас становится чувство, что существа высших иерархий всё больше и больше заботятся о Вас и, вмешиваясь в Ваше созерцание, руководят Вашим взглядом. Когда Вы развиваете Вашу высшую деятельность чувств, то благодаря Самодуху Вы всё больше и больше чувствуете себя так, что в этой деятельности чувств принимают участие существа высших иерархий. То, что здесь в

чувственном мире для человека было бы невыносимым, в состоянии после смерти для человека становится как раз важным элементом жизни.

Представьте себе, что Вы стоите у окна, смотрите наружу и должны рассмотреть окружающую местность. Один из Вас становится туда и хочет рассмотреть окружающую местность, а один из сидящих здесь людей, подходит и поворачивает Вашу голову в одну сторону, чтобы Вы увидели нечто в том направлении; подходит второй человек и поворачивает Вашу голову немного вверх, чтобы Вы увидели нечто другое; третий человек в свою очередь водит по кругу, чтобы Вы увидели ещё нечто иное, и так всё общество, сидящих здесь людей, приближалось бы к Вам сзади, и Вы бы видели аспект окружающей Вас местности только потому, что тот, кто сидит здесь, постоянно направляет туда Вашу голову. Теперь представьте себе это не наблюдаемым со стороны, а как внутреннее переживание, как внутреннее ощущение, и тогда Вы получите нечто полностью аналогичное тому переживанию, которое Вы испытаете в качестве Вашего Самодуха. Вы всё больше и больше вживаетесь в жизнь высших иерархий благодаря тому, что эти высшие иерархии вступают в направление Вашего взгляда.

В том разделении слов, о котором мы уже говорили, уже действуют существа высших иерархий. Это одна сторона того, что переживается там. Но это является продолжающимся обогащением жизни, возникающим благодаря тому, что человека постепенно всё больше и больше знакомят с иерархиями. И похожим образом человека знакомят с существами, с которыми он каким-либо образом был кармически связан до своей смерти. И тогда человек чувствует, что в определённой мере им руководят и его направляют. Вот, что можно сказать о втором члене человеческого существа в жизни между смертью и новым рождением.

Третий член является чем-то, что сначала, вероятно, могло бы подействовать несколько шокирующе на понимание человека. Когда человек вживается в эту жизнь после смерти, постепенно он чувствует себя пропитываемым определённой силой, я мог бы, вероятно, сказать, взаимосвязью сил. В то время как сначала человек чувствует, что иерархии приближаются и руководят им в сверхчувственной деятельности чувств — если мне позволят так выразиться - но постепенно он чувствует: эти иерархии по капле вливают в него силу, дают ему силу. Постепенно человек чувствует себя наполненным этой силой, которой позволяют вливаться иерархии, в то время когда они помещают себя в него, когда они вливают в него по капле своё существо. Человек понемногу чувствует эту силу. Человек чувствует, что иерархии не просто направляют его к тому или иному, а чувствует, что посредством деятельности иерархий, которая сначала выступает как способствующая созерцанию деятельность, его самого внутренне наполняют силой. Человек чувствует вливание в себя сил Космоса, самого Космоса, в качестве оживляющих соков. Но, собственно говоря, шокирующим является то, что этим силам, которые человек чувствует сейчас вливающимися в себя, присущ весьма своеобразный вид. Это те силы, которые изначально являются абсолютно не благоприятствующими, а растворяющими, уничтожающими для того, что здесь в физическом мире называют жизнью. Постепенно человек чувствует себя наполненным космической, несущей смерть мировой силой.

Важно усвоить такие удивительные представления, потому что только благодаря этому можно на самом деле постичь духовный мир. Представьте себе, что Ваше духовно-душевное существо постепенно наполняют силами, от которых Вы получаете осознание, когда переживаете их в себе: благодаря этим силам всё то, что живёт здесь на Земле, умрёт, если Вы его коснётесь. - Следовательно, в-третьих, Вы облачаетесь в то, что я, по

аналогии с тем, что мы уже знаем, могу назвать Жизнедухом. Вы облачаетесь в нечто, что можно назвать Жизнедухом, но его самое главное свойство состоит в том, что он умерщвляет всё то, что обычно можно назвать силой жизненного тела. И Вы получаете третий член Вашего существа, посредством которого Вы можете умертвить любое эфирное тело, которое попадётся Вам на пути. Всё, к чему Вы прикасаетесь посредством этого члена Вашего существа, умрёт в том смысле, в котором говорят о смерти здесь на Земле. И умерщвляя полученными силами, Вы пробуждаете из умерщвлённого духовное, на самом деле в первую очередь душевное. Это является удивительным переживанием, состоящем в том, что посредством прикосновения живого убивается живое, но из этого умерщвления возникает душевное, освобождается душевное. Происходит умерщвление, но в то же время происходит освобождение душевного из оков жизни. Так что можно сказать следующее: Жизнедух умерщвляет живое, принадлежащее земному, освобождая в нём душевное. И человек приходит к этому удивительному опыту благодаря тому, что душевное в жизни, в живом так сказать заколдовано, а благодаря этому процессу, происходящему там после смерти, заколдованное душевное освобождается из живого. Возможно, человек был бы склонен увидеть нечто ужасное и несимпатичное в том умерщвлении, в котором, по существу, действует сила, о которой мы сейчас говорим. Для жизни после смерти оказывается не так, потому что в этом умерщвлении, в этой убивающей силе присутствует постоянное вспыхивание душевного, потому что благодаря этому воспламеняется непрерывное возникновение душевного. Но умерший должен осознавать не только то, что он всегда взирает на смерть, которую сам испытал, но он также должен осознавать, что то, что является сущностью его смерти, в определённой мере распространяется на подоснову всего того, что он теперь переживает в духовном мире. Происходит так, что отныне человек живёт в духовном мире таким образом, что можно сказать: здесь в духовном мире беспрестанно возникают духовные образования, на самом деле в первую очередь душевные образования; душевное вспыхивает самым различным образом. Но если бы спросили, что является почвой, из которой произрастает всё это душевное, то ею является эта умерщвляющая сила, о которой мы только что говорили. То есть такая сила, разрушающая привычную находящуюся здесь на Земле жизнь, является душевным в нашей сущности, которым мы должны овладеть между смертью и новым рождением, подобно тому как в жизни здесь мы должны овладеть нашим физическим телом.

В свою очередь по аналогии с тем, что мы уже знаем, я могу назвать четвёртый член: Духочеловек. Этого Духочеловека, его ощущают как нечто, что в период между смертью и новым рождением человек склонен причислять к себе потому, что теперь опять же с помощью сил, уже влитых иерархиями, как я уже описывал, теперь человеку вливают возможность не просто умерщвлять, разрушать, растворять жизнь — то, что человек называет жизнью здесь на Земле —, а уничтожать формы или даже преобразовывать их в другие. [Пишет на доске:]

- 1 «Я»
- 2 Самодух посредством иерархий направлен на «Я»
- 3 Жизнедух умерщвляет живое, принадлежащее Земле, освобождая в нём душевное
- 4 Духочеловек.

Естественно, описывать эти вещи становится всё более трудным. Но, по существу, сила этого Духочеловека, которой человек обладает между смертью и новым рождением, состоит в том, что он совершает деятельность противоположную — если мне позволят так выразиться — всему тому, что можно было бы назвать: созданием форм в самом широком смысле. Здесь — если я хочу коснуться частного примера — рисуют треугольники, квадраты и так далее. После смерти человек благодаря силам, развитым здесь, «уничтожает нарисованное», человек растворяет всё нарисованное, все эти формы. Но особенностью является то, что это означает не просто уничтожение чего-то нарисованного, а в то же время является космической деятельностью. Сам человек теперь находится внутри космической деятельности, он связан с космической деятельностью. Потому что это уничтожение нарисованного, это уничтожение форм, это растворение форм, оно является космической деятельностью, и когда человек овладевает этой силой уничтожения форм, после того как его пропитали Жизнедухом, он становится частью космического мира. Он действует внутри Космоса.

То, что здесь на Земле называют разрушением, гибелью, в духовных мирах часто связано с возникновением, формированием, и наоборот. То, что здесь выглядит как разрушение, гибель, уничтожение форм, уничтожение нарисованного, в других, в духовных мирах часто относится к возникновению. Так что, когда я говорю об уничтожении нарисованного, уничтожении форм, я говорю не о гибели в духовном мире, а только о гибели в душевном мире, наоборот говорю о появлении духовно нового в духовном мире.

С этими вещами связано множество тайн в мире. Сегодня Вы едете в Южную Италию из Центральной Италии; когда Вы едете в Южную Италию, Вы приезжаете в бедную, не особо плодородную местность, в которой людям доступно мало природных богатств. Это та местность, в которой действовал Пифагор во время восходящего четвёртого послееатлантического периода. И в то время деятельность Пифагора проходила среди самых плодородных, самых богатых, самых изобильных областей. Как мало времени прошло с той эпохи: когда указывая именно на то место на Земле, где действовал Пифагор, мы видим преобразование от плодородия и изобилия, которые дошли до уровня Сибариса*, и которые Сибарис превратил в бедность, вплоть до возникновения внушающих опасение болезненных явлений. На месте растущей, изобильной жизни, существовавшей там в те времена, которые история ещё очень мало прослеживает, развивается нечто, что по сравнению с той изобильной, растущей жизнью является вообще нищетой природы. На самом деле в высшей степени интересно посмотреть на такие переходы во внешнем мире. В этом внешнем мире возникновение и исчезновение постоянно объединяются друг с другом. Люди при помощи своих исследований истории просто не настолько широко мыслят, чтобы правильно связать друг с другом это постоянное возникновение и исчезновение. Пифагор разворачивал свою деятельность среди процветающего изобилия, в котором чрезвычайно много лгали, и эта деятельность продолжалась после его смерти. И то, чем занимались Пифагор и души пифагорейцев, во многом связано с тем, что выражалось в гибели цветущей, растущей жизни, среди которой находился Пифагор. Пифагор и души его последователей отнюдь не не причастны к разрушительной работе — которая для потустороннего мира является созидательной работой —, которая возникла в природе на месте изобильной, растущей жизни в период после жизни пифагорейцев. И если человек хочет понять всеобщий мир, то ему необходимо ознакомиться именно с тем, что эти вещи воспринимаются совершенно по-

разному исходя из различных аспектов здесь между рождением и смертью и между смертью и новым рождением. Человек совершил бы святотатство, искусственно разрушив здесь изобильную, растущую жизнь, но если в жизни между смертью и новым рождением он участвует в такой работе, которая очевидно здесь означает разрушение, тогда человек в определённой мере совершает только то, что происходит в смысле вечной необходимости.

* Сибарис — крупный торговый центр, жители которого славились богатством и любовью к роскоши (отсюда пошло нарицательное название — сибарит). - прим. пер.

Вместе с третьим послееатлантическим периодом также должно было кое-что погибнуть, и оно оставило свою тень. Многое должно было погибнуть в другой области, как это только что обсуждалось. И с этой гибелью третьей послееатлантической эпохи, связано в сущности то, что в то время так много лгали. Как я объяснял вчера, люди лгали на Земле потому, что они ещё были связаны с космическими силами; но именно те космические силы, которые тогда в период до VIII века до Рождества Христова участвовали в земном развитии, часто были силами лжи. Как я объяснял вчера, демон лжи действовал в той сфере, в которую человек вживался своей душой, когда он создавал слова таким образом. Он должен был, так сказать, впихнуть свою душевную голову в сферу, в которой он мог бы это сделать: в сферу космического разума. Но когда он впихнул свою душевную голову, там внутри находилась та ариманическая сила, которая выражалась в деятельности бесчисленных духов лжи. И из того же источника, из которого в то время черпали силу, образующую речь, из той же силы на почве средиземноморской культуры развилась эта огромная сила, гигантская сила лжи. Люди лгали, потому что демоны, связанные с теми другими демонами, которые давали способность формировать речь, были лжецами. И у этих демонов лжи, имевших ариманическую природу, была задача привести к разрушению то, что следовало разрушить для того, чтобы мог спуститься вниз третий послееатлантический период и подняться вверх четвёртый послееатлантический период.

Мир устроен согласно necessities, и человек должен взглянуть на эти necessities, если хочет ответить на великий вопрос, поставленный нами в начале наших рассматриваний, великий вопрос о связи морального и идейного с происходящим в природе. Поэтому я хочу завтра продолжить говорить об этом, чтобы предварительно подвести эти рассматривания к небольшому итогу.

Лекция девятая Дорнах,

2 сентября 1918 г.

Рассматривания, которыми мы займёмся сегодня, касаются вещей, которые расцениваются как мистерии многими людьми, которые в той или иной форме нечто знают о них. По определённым причинам знание об этих вещах в мире со многих сторон держат на расстоянии, потому что существует точка зрения, что как раз те вещи, которые рассматривают, являются частью всеобъемлющего знания о сверхчувственных вещах, которое сегодня ещё не следует сообщать человечеству. Я не считаю правильным такое воззрение на определённые вещи, о которых здесь идёт речь, и мне представляется необходимым, чтобы человечество приняло мужественное решение присоединиться к реальному рассмотрению сверхчувственных миров. А это всё же невозможно сделать

иначе, кроме как непосредственно прикоснувшись к тому, что конкретно рассматривают по данному вопросу.

Собственно говоря, сегодня я хотел бы для начала решить можно сказать своего рода предварительный вопрос. Вчера мы говорили о строении человека между смертью и новым рождением. Сейчас очень распространённое возражение против обсуждения этих вещей, не со стороны посвящённых, а со стороны непосвящённых, состоит в том, что люди просто говорят: зачем же необходимо нечто знать об этих вещах? Человек мог бы подождать пока он пройдёт через врата смерти, и тогда он уже увидит, как это в действительности выглядит там, в духовном мире. - Вот так очень часто говорят. Но дело в том, что, если мы говорим о реальном, то мы никогда не сможем ответить на такие вопросы исходя из некой безусловной точки зрения, а, рассматривая духовно-научно, мы всегда должны отвечать с точки зрения времени, в котором мы живём. Мы живём в пятом послееатлантическом периоде, начавшемся в XV веке нашего летоисчисления. Он завершил четвёртый послееатлантический период, начавшийся, как нам известно, в VIII веке до Рождества Христова и закончившийся в XV веке после Рождества Христова. Можно отметить семь таких культурных периодов. Но в этом можно увидеть, что мы прошли середину культурного развития Земли, находящуюся в четвёртом послееатлантическом периоде, и что просто благодаря этому обстоятельству мы вступаем в то время, - мы также находимся в пятом великом земном периоде — когда эта Земля находится в нисходящем развитии.

Те рассуждения, которые мы провели за эти дни, уже могут обратить Ваше внимание на то, что важно взглянуть на нисходящее развитие, на то, что находится в некоторой мере не в эволюции, а в деволюции, в обратном развитии. Всё наше развитие Земли находится в обратном развитии. Там заканчиваются определённые способности, определённые силы, которые в предшествующее время находились в восходящем развитии, а взамен этих заканчивающихся сил и способностей должны вступить другие. И в особенности так происходит в отношении определённых внутренних душевных способностей человека. Можно, сказать: вплоть до четвёртого послееатлантического периода, примерно до времени Мистерии Голгофы, в людях ещё присутствовала возможность иметь определённую связь со сверхчувственным миром. Мы знаем, что эти способности исчезали самыми различными путями. Они более не присутствуют в качестве элементарных способностей, они в некотором смысле зачахли. В отношении этих способностей изменилась не только жизнь человека на Земле между рождением и смертью, а в действительности, ещё более радикально, изменилась жизнь человека между смертью и новым рождением. И здесь следует сказать, что для этого периода, от смерти до нового рождения, в современном цикле человечества, который уже относится к нисходящим, дело обстоит так, что люди, когда они проходят через врата смерти, что люди должны иметь определённые воспоминания о том, что они получили здесь в физической жизни, если они хотят обрести правильную позицию и правильное отношение к тем событиям, которым их подвергают между смертью и новым рождением. К необходимой предпосылке правильной жизни после смерти относится как раз то, что здесь перед смертью люди получают всё больше и больше определённых представлений о жизни после смерти, потому что они смогут ориентироваться во времени между смертью и новым рождением только тогда, когда они вспомнят представления, которые они здесь получили. Объективно неверно утверждать, что нужно подождать смерти для таких представлений о жизни между смертью и новым рождением. Если люди продолжают жить в таких предрассудках, если они продолжают отвергать стремление получить представления

о жизни между смертью и новым рождением, то эта жизнь, жизнь, свободная от тела, станет для них сумрачной, утратившей ориентацию; они бы не смогли правильным образом проникнуть в окружающую их духовную среду — благодаря всему, что я описал вчера. Вплоть до приближения к Мистерии Голгофы происходило так, что сюда в физическую жизнь люди приносили способности, проистекавшие из духовного мира. Поэтому они обладали атактистическим ясновидением. Это атактистическое ясновидение пришло потому, что определённые духовные способности распространялись из состояния до рождения в эту жизнь. Это прекратилось. Здесь в физической жизни люди более не обладают способностями, распространяющимися из жизни до рождения. Конечно, Вы знаете об этом. Но вместо этого наоборот должно выступить иное: люди должны здесь на Земле приобретать всё больше и больше представлений о посмертной жизни, жизни после смерти, чтобы после смерти они смогли вспомнить, чтобы они смогли нечто пронести через врата смерти.

Это то, что я хочу отметить в частности по этому предварительному вопросу. То есть удобные речи о том, что можно подождать смерти для таких представлений, они не имеют ценности, если конкретно рассматривать в каком временном пункте развития Земли мы в действительности находимся. А на самом деле его всегда необходимо рассматривать конкретным образом. Потому что точек зрения, считающихся безусловными, действующими для всех времён, не существует, а всегда существуют только воззрения, которые могут сориентировать людей в определённый период времени. Это то, что необходимо усвоить в фундаментальном смысле именно благодаря духовной науке.

А теперь я хотел бы подойти к тому, что сможет привести наши рассуждения к предварительному небольшому итогу. Мы исходили из того, что современный человек ощущает пропасть между тем, что он называет идеалами, будь то моральные или иные идеалы, что он называет идеями, и тем, что он ощущает как свои воззрения на чисто природный мировой порядок. Эти понятия и воззрения, которые человек создал себе о природном мировом порядке, они не делают его способным принять, что то, что он несёт в своём сердце в качестве идеала, обладает реальной силой, и в действительности может реализовать себя так же как сила природы.

Собственно говоря, для рассмотрения этого вопроса, существенным является следующее: мы теперь знаем, каким является строение человека здесь на Земле. Мы также знаем, каким является строение человека в духовном мире между смертью и новым рождением. Недавно я задал вопрос, на самом деле выступающий перед человеческой душой уже как конкретный вопрос, когда человек рассматривает жизнь, но являющийся именно тем вопросом, в отношении которого человек вообще ничего не может сказать, если стоит перед охарактеризованной пропастью между идеализмом и реализмом, это был следующий вопрос: почему происходит так, что в нашем мировом порядке некоторые люди умирают совсем юными, ещё будучи детьми, или молодыми людьми, или в среднем возрасте, а другие умирают только когда постареют? С чем же это связано в мировом порядке? - Ни идеализм, с одной стороны, ни, с другой стороны, реализм, который не умеет рассматривать идеалы как реальные силы, не могут дать какой-либо ответ на такие вопросы, которые однако являются жизненно важными вопросами. Приблизиться к этим вопросам можно только тогда, когда обратят внимание на нечто совершенно определённое. И его увидят, если обратят внимание, что современный человек, таким каким он предстаёт перед нами как земной человек, относительно легко управляется с пространством, но со временем он уже не управляется настолько легко. В этом отношении никакое из философских воззрений, существующих вплоть до сегодняшних дней, в

действительности не даёт какого-либо достойного упоминания объяснения, и вопросом о сущности времени на самом деле до сих пор люди занимались лишь в самых узких кругах. Также весьма непросто общедоступно говорить о времени и его сущности, но может быть всё же получится вызвать у Вас представление о том, что на самом деле я имею в виду, когда выношу на обсуждение время по аналогии с пространством. Однако здесь я должен немного воспользоваться Вашим терпением, потому что кажется, но это только кажется, что краткое рассмотрение, которое я хочу привести на эту тему, носит несколько абстрактный характер.

Когда Вы просто обозреваете часть пространства, то Вы знаете, что то, что Вы там обозреваете, открывается для Вас с характером перспективы. Вы должны считаться с этой перспективой пространства, если обозреваете часть пространства. Если Вы теперь часть пространства, которую Вы обозреваете и которой совершенно инстинктивно приписываете свойство перспективы, переносите на плоскую поверхность, то при этом Вы учитываете перспективу. Ведь, если Вы посмотрите внутрь аллеи, то увидите дальние деревья более низкими и ближе друг к другу. Вы можете выразить это в перспективе, и Вы можете выразить определённым образом перспективно на плоской поверхности то, что Вы видите в пространстве.

Собственно говоря, ясно видно, что то, что Вы видите в пространстве, на плоской поверхности находится рядом друг с другом. В пространстве они не находятся рядом друг с другом; потому что там эти два дерева (см. илл. 1) находятся впереди, а другие два дерева расположены немного дальше. Но когда Вы переносите на плоскую поверхность обозреваемое пространство, Вы ставите рядом друг с другом то, что находится позади стоящего впереди. В свою очередь Вы обладаете способностью, можно сказать, превращать в пространственное то, что Вы видите нарисованным или начерченным на плоской поверхности. То, что Вы обладаете этой способностью, оно проистекает из того, что человек, таким каким он является сейчас в качестве земного человека, относительно сильно отделился от пространства как такового.

Но человек не отделился таким же образом от времени. И это нечто невероятно решающее и важное, но к сожалению, вряд ли замечаемое, почти не замечаемое наукой. Когда человек развивается во времени, то он верит, что обозревает время, что он обладает временем. Но в действительности он не обладает реальным временем. Он вообще не обладает реальным временем, а то, что он переживает в качестве времени, оно на самом деле по отношению к настоящему времени является чем-то, что можно назвать отражением. Подобно тому как этот рисунок на плоской поверхности (см. илл. 1) относится к пространству, так то, что обычный человек называет временем, относится к настоящему времени. Потому что обычный человек переживает не настоящее время, а он переживает отражение времени, он действительно переживает отражение времени. И человеку очень трудно себе это представить.

Илл. 1

Например, Вам может быть чрезвычайно трудно представить себе, что тому, что действует сегодня, совсем не обязательно присутствовать в сегодняшней момент времени, но оно является реальным в некоем более раннем моменте времени, а в сегодняшнем моменте времени не является реальным. Вы видите, так сказать, как то, что присутствовало в более раннем периоде времени, действует перспективно в Вашем собственном времени.

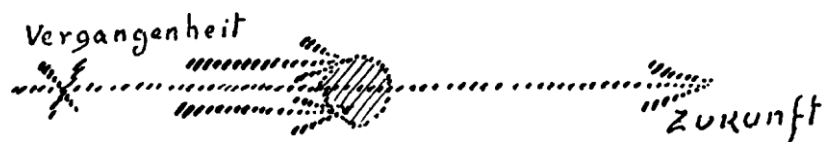
Из того, что я сейчас сказал, можно сделать очень важный вывод. Этот вывод заключается в том, что всё то, что мы называем природой, носит совершенно иной характер чем то, что мы должны рассматривать как определённую часть самого человека. К примеру, вовне, в природе, также действует Ариман или ариманические силы; но эти ариманические силы в настоящее время никогда не действуют вне природы. Если Вы рассмотрите всю природу, то Ариман уже действует в природе, но он действует из отдалённого времени. Ариман действует из прошлого времени. И смотрите ли Вы на минеральное, растительное или животное царство, Вам не следует никогда говорить, что в том, что в данное время разворачивается перед Вашими глазами, находится нечто, в чём действует Ариман. И всё же Ариман действует внутри; но из прошлого времени. То есть если бы я хотел зарисовать вещи, то я должен был бы сказать: здесь находится линия развития из прошлого в будущее, а здесь Вы смотрите на природу.

Vergangenheit - прошлое, Zukunft - будущее

Илл. 2

Теперь Вам нужно представить себе, что Вы смотрите внутрь. В том, что Вы видите в качестве настоящего времени, не содержится ничего из ариманических сил, а Ариман оказывает воздействие сюда в природу из прошлого, из определённого прошлого.

Илл. 3

И Ариман является Вам в природе, когда Вы его там замечаете, перспективно. Если бы Вы сказали: Ариман действует в настоящее время, - то в отношении природы Вы бы совершили ту же ошибку, как если бы сказали: если я обзираю пространство, то дальние деревья стоят рядом с ближними деревьями, потому что их можно перспективно вставить на плоскую поверхность (см. илл. 1).

Основное требование для реального созерцания в духовном мире состоит в том, что человек учится видеть перспективно во времени, что во времени он учится ставить любое существо в правильный момент времени.

Когда я вчера говорил: после смерти «Я» в некоторой мере переходит из текущего состояния в некоего рода фиксированное состояние, - то это всё же ещё не всё, а происходит ещё и другое. Представьте себе, что Вы жили здесь на Земле со своим «Я» с 1850 г. по 1920 г., и в 1920 году Вы осознали Ваше «Я». То есть я имею в виду следующее: в целом Вы осознаёте его раньше, но теперь Вы оглядываетесь назад, вместе с Самодухом Вы посредством иерархий оглядываетесь назад на Ваше «Я»; там Вы постоянно видите Ваше «Я» остановившимся с 1850 по 1920 годы. «Я» остаётся там, останавливается там. Это означает следующее: вскоре после Вашей смерти Ваши переживания не сопровождают Вас, а Вы оглядываетесь на них назад, теперь Вы смотрите на это с отдалённой временной перспективы, и Вы вглядываетесь в протяжённость времени так, как здесь, в физическом мире, Вы вглядываетесь в протяжённость пространства. Также я могу выразить это такими словами: если Вы умерли, скажем, в 1920 году, то затем Вы живёте дальше со всем, что я описывал вчера в качестве членов Вашего существа; но Вы оглядываетесь назад на участок времени, в который Вы жили здесь на Земле вместе с Вашим «Я». И этот участок времени остаётся там, и когда Вы перспективно живёте далее, то постоянно видите его, этот пункт времени, там, где он находился. И таким образом Вы должны себе представить, что Ариман действует вовне в природе, но из более раннего пункта времени.

Сказанное является очень важной вещью. Это является тем, на что очень мало обращают внимание. Если хотят понять мир, если хотят духовно-научным образом говорить о времени, то время непременно должны представлять пространственноподобным образом, и должны учитывать эту остающуюся связь сущностного со временем. Это — очень важно.

Собственно говоря, то, что я рассказал Вам относительно ариманических сил, что они действуют из прошлого, действительно верно для природы. Но у человека происходит совсем по-другому. У человека, пока он живёт здесь между рождением и смертью, происходит по-другому потому, что для него всё происходящее во времени становится майей, иллюзией. Пока сам человек живёт здесь, он живёт внутри хода времени, и когда он проживает определённое количество лет, то проживает совместно с ходом времени.

Когда время заканчивается, он сам заканчивается вместе со временем. С пространством так не происходит. Когда Вы идёте вдоль аллеи, оставляете деревья позади и шагаете дальше, то Вы же не берёте остающиеся позади деревья с собой, а следовательно и Ваши впечатления, так, что Вы могли бы подумать, что этот образ деревьев пойдёт с Вами, когда Вы сделаете шаг. С образом времени Вы так делаете. Здесь в физическом теле Вы действительно делаете так — потому что Вы сами развиваетесь дальше во времени —, что вводите себя в заблуждение относительно времени и его перспективы. Вы не замечаете перспективу времени. И в особенности её не замечает подсознание человека. Подсознание человека действительно не замечает этой совместной жизни со временем, предаётся полнейшему заблуждению относительно перспективы времени. Но это приводит к совершенно определённой следствию. Это приводит к тому следствию, что теперь в том, что происходит в человеке, ариманические силы могут действовать в качестве нынешних сил. В душевной жизни человека ариманические силы могут действовать как силы настоящего времени. Так что человек стоит напротив природы таким образом: когда он смотрит наружу в природу, в настоящем времени не присутствует ничего ариманического. В нём же ариманическое действует как присутствующее в настоящее время, а именно как майя, как иллюзия. Но человек отдаётся этой иллюзии об этих вещах, которые я Вам сейчас объяснил, поэтому посредством человека ариманические силы получают возможность проскользнуть в настоящее время, войти в настоящее время. Мы можем сказать: ариманические силы — так же происходит и с люциферическими силами, хотя и с несколько другой точки зрения, о чём мы тоже поговорим — действуют в природе так, что они в действительности не связаны с нынешним временем, а распространяют своё воздействие из прежних времён. В человеке эти ариманические силы действуют в настоящем времени.

Что же будет следствием? Следствие заключается в том, что в отношении только что изложенного пункта в самой глубине своей души человек не может почувствовать себя родственным природе. Он смотрит на своё существо или чувствует себя в своём существе, ощущает близкое природе существо. Так как в нём ариманические силы являются силами настоящего времени, а в природе ариманические силы являются силами прошлого, то всё то, что является близким природе, кажется ему иным чем то, что развивается в нём самом. Отличие, которое человек замечает между собой и природой, он не разгадывает правильным образом. Если бы он разгадывал его правильным образом, то происходило бы так, как я только что объяснил. Он бы говорил следующее: вовне в природе Ариман действует из прошлого; во мне Ариман действует как сила настоящего времени. - Но по этой причине приходит к тому, даже если он не знает об этом отличии, что он ведёт себя в соответствии с этим отличием, а природу ощущает лишённой духа. Он уже ощущает то, что в нынешнее время ариманические силы не действуют напрямую, но он ощущает природу лишённой духа, потому что не говорит себе: Ариман действует из прошлого, - а смотрит лишь на нынешнюю природу. В ней Ариман не действует.

Но, как бы странно это ни звучало, Ариман является той силой, которой всеобщее мировое созидание пользуется для того, чтобы породить природу. Если говорят о духе природы, если говорят о настоящем духе природы, то в действительности следовало бы говорить об ариманическом духе. Там он, ариманический дух, имеет полные права. Существа закономерных иерархий, они пользуются ариманическим духом, чтобы породить то, что расстилается вокруг нас в качестве природы. То, что мы не ощущаем природу пронизанной духом, это проистекает из того, что в современной жизни природы дух не содержится, а действует из прошлого. И, я хотел бы сказать, тайной сил,

созидающих мир, является то, что они используют оставшийся стоять на более ранних ступенях дух для действия на более поздних ступенях, но ему позволяют действовать из прошлого.

Когда мы говорим о природе, нам следовало бы говорить не о веществе, и даже не об энергиях, нам следовало бы говорить об ариманических существах; но в таком случае нам следовало бы говорить так, что мы помещаем этих ариманических существ в прошлое. Так что происходит нечто странное: представьте себе, что какой-то натурфилософ размышляет, думает о том, что находится позади явлений природы. Собственно говоря, тогда он создает себе всевозможные теории и гипотезы о соединении атомов и тому подобное. Но эти вещи не являются такими. Позади того, что чувственно воспринимаемым образом расстилается вокруг нас, на самом деле находится не то, что обычно предполагают натурфилософы, а позади всего этого находится сумма ариманических сил, но не в качестве присутствующих в настоящее время. То есть если натурфилософ вынужден, скажем, позади химических элементов предположить какую-то атомарную структуру, то это будет неправдой; позади химических элементов стоят ариманические силы. Но если бы Вы смогли опустить то, что Вы видите в химических элементах, и взглянуть за них, то в настоящем времени Вы бы позади ничего не увидели: потому что там, где ищут атомы, было бы пусто, а то, что действует, оно действует в этом пустом пространстве из прошлого. Вот таким это является в действительности. Отсюда такое множество разбившихся теорий о том, что существует «вещь в себе»; потому что этой «вещи в себе» вообще здесь в настоящее время не существует. А в том месте, где ищут эту «вещь в себе», ничего нет; там находится воздействие из прошлого. Поэтому могли бы сказать, когда Кант искал свою «вещь в себе», то он должен был бы сказать: там, где я хочу приблизиться к «вещи в себе», там я не смогу ни к чему приблизиться. - Это он тоже говорил. Но он не пришёл к тому, что он изначально вообще ничего не обнаружил бы в настоящее время, и что, если бы он зашел за завесу над вещами, ему следовало бы пойти далеко назад; и тогда он обнаружил бы ариманические силы. В самом человеке дело обстоит иначе. Именно потому, что человека живущим поместили во время, для ариманических сил стало возможным проникнуть в наш мир через врата человечества и действовать как таковые внутри человека. И следствие того, что в человеке действуют ариманические силы, состоит в том, что человек отделяет то, что он видит в настоящее время, от духовного, что человек отделяет своё нынешнее бытие от духовного. В этом заключается следствие того, что мы несём в себе ариманические силы майи. Поэтому можно сказать: то, что мы считаем мир материальным, оторванным от духа, просто в качестве природного порядка, который считает, что находит свой апогей в законе сохранения энергии и вещества, — что является иллюзией — то, что мы видим там в качестве природного порядка, вызвано, к сожалению, тем обстоятельством, что мы несём в себе ариманические силы, и что вовне в природе они не присутствуют в качестве сил настоящего времени. - Поэтому то, что мы думаем о природе, когда думаем о ней просто материалистически, не находится в согласии с природой, просто не соответствует нынешней природе. А эта нынешняя природа является как раз абстракцией, потому что в ней всегда действует Ариман из прошлого.

Собственно говоря, в людях действует не только ариманическое, но и люциферическое. Но это люциферическое, оно в некоторой мере несёт иную тенденцию во Вселенной, чем ариманическое. Давайте представим себе ариманическую тенденцию так, как мы только что говорили об этих вещах. Тенденция ариманического в нас состоит в том, чтобы представлять мир материалистически. То, что мы представляем мир материалистически,

что мы думаем только о природном порядке, является следствием того, что мы несём в себе ариманическое. То, что мы несём в себе идеалы, отделившиеся от всей природы, согласно которым мы хотим направлять себя в нашем взаимном образе действий, но которые всё же должны казаться лишь мечтами нашему сегодняшнему мировоззрению, которым перестают предаваться, когда согласно природному порядку Земля приходит к своему конечному состоянию, это является следствием того, что люциферические силы, живущие в нас так же как и ариманические, постоянно стремятся полностью вырвать из природного порядка доступную им часть нас и целиком одухотворить. То есть главная тенденция люциферических сил, поскольку они живут в нас, состоит в том, чтобы сделать нас настолько духовными насколько возможно, по возможности оторвать нас от всей материальной жизни. Поэтому они внушают нам такие идеалы, которые не являются природными силами, но которые бессильны в современном природном порядке. И если бы человек в ходе будущего земного периода полностью поддался люциферическому влиянию и поверил бы, что идеалы являются просто мыслимыми вещами, согласно которым душа может направлять себя, то этот человек подчинился бы люциферическим силам. Материальная Земля, которой мы принадлежим, распалась бы, рассеялась во Вселенной, не исполнила бы свою задачу, а люциферические силы увели бы человека в другой духовный мир, которому он не принадлежит. Чтобы внушить нам идеалы, на самом деле являющиеся просто мечтами, для этого им нужно ухищрение. Так же как Ариман, с одной стороны, одурачивает нас миром, просто являющимся природным порядком, так, с другой стороны, Люцифер одурачивает нас миром, состоящим лишь исключительно из мыслимых идеалов.

Это нечто очень значимое. И в настоящее время, я хотел бы сказать, лишь создают выравнивание в этих областях, всё ещё лежащих в бессознательном человека. Но люди должны всё больше и больше осознавать эти вещи, иначе они не выйдут из этого затруднения, и не придут к тому, чтобы выстроить мост между идеализмом и реализмом, но этот мост необходим.

То, что сегодня ещё создаёт своего рода выравнивание, является следующим. Когда сегодня умирают очень юные люди, к примеру дети, то эти дети - с молодыми людьми происходит то же самое — только вглядывались в мир; здесь на физическом плане они не полностью изжили своё бытие. Они приходят с неизжитой здесь на физическом плане жизнью на ту сторону, в другой мир, который проживают между смертью и новым рождением, проживают так, как я описывал это вчера. Благодаря тому, что они прожили только часть земной жизни, они приносят с собой в духовный мир из земной жизни нечто, что невозможно принести на ту сторону, если человек постарел. Человек в старости входит в духовный мир иначе, чем в юности. Если человек умер молодым, то он прожил жизнь так, что он ещё несёт в себе много сил из жизни до рождения. Будучи ребёнком или молодым человеком проживают физическую жизнь так, что внутри себя ещё несут многое из тех сил, которыми обладали в духовном мире до рождения. Благодаря этому создавали тесную связь между духовным, которое приносили с собой, и физическим, которое переживали здесь. И благодаря этой тесной связи в духовный мир могли взять нечто, что приобрели на Земле. Дети или умершие молодыми люди брали с собой в духовный мир из земной жизни нечто, что совершенно невозможно взять на ту сторону, если человек умирает в пожилом возрасте. То, что взяли с собой, затем находится по ту сторону в духовном мире, и то, что принесли туда дети и молодые люди, оно придаёт духовному миру определённую тяжесть, которой в противном случае он не обладал бы, тот духовный

мир, в котором затем все люди живут совместно, оно придаёт определённую тяжесть и мешает люциферическим силам полностью отделить духовный мир от физического.

Только представьте себе, на какую грандиозную тайну мы здесь взираем! Когда умирают дети и молодые люди, то они берут с собой отсюда нечто, благодаря чему они препятствуют люциферическим силам в их стремлении полностью отделить нас от земной жизни. Чрезвычайно важно, чтобы на это обратили внимание.

По мере старения человека, он уже не может испортить расчёт люциферических сил описанным образом; потому что с определённого возраста у человека больше нет той тесной связи между тем, что он принёс с собой при рождении, и физической земной жизнью. Когда человек становится старше, эта внутренняя связь растворяется, и выступает как раз противоположное. С определённого возраста жизни мы некоторым образом по каплям вливаем наше собственное существо в находящееся на физической Земле духовное. Мы делаем физическую Землю более духовной, чем она была бы в противном случае. То есть с определённого возраста мы одухотворяем физическую Землю таким образом, который невозможно воспринять внешними чувствами. Мы вносим духовное в физическую Землю так же, как мы выносим физическое в духовный мир, если умираем молодыми; мы некоторым образом выдавливаем духовное, когда становимся старше, я не могу сказать это другими словами. С определённой точки зрения старение в духовном смысле состоит в том, что здесь на Земле выдавливают духовное. Вследствие этого в свою очередь препятствуют расчётам Аримана. Благодаря этому в наше время Ариман в долгосрочной перспективе ещё не сможет влиять на людей настолько сильно, чтобы иметь возможность полностью погасить мнение, что идеалы всё же имеют определённое значение. Но в нынешний период времени мы очень близки к тому, что люди впадают в ужасные заблуждения именно в отношении сказанного. Даже люди, имеющие добрые намерения, в отношении сказанного с лёгкостью впадают в такие заблуждения. И эти заблуждения будут становиться всё больше и больше, и могут стать огромными вместе с возрастающим земным развитием.

Приведу Вам один пример: один действительно умный философ, Роберт Циммерман, в 1882 г. написал книгу «Anthroposophie» («Антропософия»)*. Я уже упоминал её в определённой связи. Эта «Антропософия» является не тем, что мы сейчас называем Антропософией, а в большей или меньшей степени она являет непроходимую чащу понятий. Но это произошло по той причине, что Роберт Циммерман не мог взирать в духовный мир, а был просто сторонником философа Гербарта. Итак, он написал эту «Антропософию». Но именно в этой «Антропософии» он со своей точки зрения занимается вопросом, который я в эти дни поставил во главе наших рассматриваний. С одной стороны он видит идеи, логические идеи, эстетические идеи, этические идеи; с другой стороны он видит природный порядок. И он никак не может найти мост между логическими, эстетическими, этическими идеями и природным порядком, и он всё же останавливается на следующем: здесь с одной стороны находится природный порядок, а на другой стороне находятся идеи. И то, к чему он в конце концов пришёл, всё-таки чрезвычайно интересно, потому что на самом деле это типично для современного человека. Он приходит к тому, чтобы говорить о том, что человеку навсегда отказано в заселении природы идеями и приписывании идеям силы природы. В действительности оба эти мира можно связать друг с другом только в голове человека. Вот, что он говорит. И потому в месте, где он суммирует всё, что он говорит и думает, он высказывает: «Осуществление идей является ни фактом, лежащим в прошлом, ни фактом, лежащим в настоящем, а задачей, выполнение которой лежит в будущем и находится в руках

человека. Мечта о «золотом веке», о котором прозаичный реалист вроде Канта фантазировал как о некоем «вечном мире» или о котором крайний позитивист вроде Конта мечтал как о «*etat positif*»**, исполнится только тогда, когда станет реальным весь мир идей, и вся действительность будет пронизана идеями, то есть: когда то, что Шиллер называл «тайной искусства мастеров» сделает очевидным «уничтожение вещества благодаря форме» или как выразился Шлейермахер: когда «этика станет физикой, а физика станет этикой»».

* Полное название книги «*Anthroposophie im Umriß*» («Очерк Антропософии») - прим. пер.

** *etat positif* - позитивное состояние (в философии Конта) – прим. пер.

Но это никогда не сможет случиться! Это может случиться только тогда, когда люди реализуют идеи в социальном порядке. Но когда Земля достигнет своего конца, то всем мечтам об идеях перестанут предаваться. Согласно такой философии ничто другое невозможно. Поэтому такая философия всегда остаётся абстрактной и в конце концов должна признать: «Философия, которая, наподобие вышеуказанной, не ставит себя ни как теософия на недоступную человеческому знанию теоцентрическую точку зрения, чтобы исходя из неё рассмотреть «сон разума» как созданную давным-давно действительность, ни как антропология не стоит на хотя и антропоцентрической, но не критичной точке зрения рядового опыта, чтобы исходя из неё рассматривать как «сон разума» наполненную идеями действительность, которая, следовательно, в то же время антропоцентрична, это является исходящей из человеческого опыта, но всё же философией, это является, желанной быть выведенной за руку логическим мышлением за пределы всего того же самого, антропософией». То есть здесь «Антропософия» является признанием того, что никогда не смогут пройти над этой пропастью между нереальными идеями и лишённой идей реальностью.

Но собственно говоря, в самом человеке природное существо, которое стало быть принадлежит природному порядку, связано с духовным существом, которое может воспринимать в себя духовное. Даже такой антропософ как Роберт Циммерман не отрицает это. Но современная наука даже не умеет рассматривать человека так, чтобы посредством человека, посредством этого микрокосмоса, разрешить эту загадку.

Давайте мы теперь посмотрим назад на нечто, что мы уже упоминали в нынешний мой приезд. Мы говорили, что на самом деле нам следует разделить человека на три части, естественно это не так удобно как в случае со скелетом, я уже объяснял это. Но я также говорил об этом в заключительных примечаниях к моей книге «О загадках души». Мы можем разделить человека на три части: человека головы, человека грудной клетки и человека конечностей, таким образом к человеку конечностей относится всё то, что расположено внутри конечностей, то есть всё сексуальное также относится к человеку конечностей. Если мы разделим человека таким образом и теперь применим то, что мы уже знаем: что образование головы, форма головы указывают на силы прошлого воплощения, человек конечностей указывает на будущее воплощение, и в действительности только человек грудной клетки, принадлежит современному времени, то после того, что я сегодня рассказывал, Вы больше не будете считать совершенно непонятным, если я скажу: пока человек несёт свою голову, эта голова указывает назад на более раннее воплощение, на прошлое. Внутри головы действуют силы прошлого,

ариманические силы, и то, что имеет значение для ариманических сил в общем, имеет значение для человеческой головы в деталях. Всё то, что действительно является образующим голову в человеке, относится на самом деле не к настоящему времени, а в голове действуют силы предыдущего воплощения; а созидательные силы используют ариманические силы, чтобы сформировать нашу голову, чтобы дать нашей голове подлинно правильную форму. Если бы созидательные силы не использовали ариманических духов, чтобы сформировать нашу голову, тогда мы все — прошу прощения, но это так — хотя и несли бы более мягкую голову, но мы все несли бы голову животного: один человек, соответствующий по характеру быку, носил бы голову быка, другой человек, соответствующий по характеру барану, носил бы голову барана, и так далее. От влияния ариманических сил, которых используют созидательные силы, чтобы формировать нас, проистекает то, что эта голова животного, которую мы бы носили в противном случае, на самом деле не надета на нас так, как это рисовали египтяне у многих фигур; что мы не ходим такими как эти египетские изображения, имеющие свои правильные причины, потому что в египетских мистериях также, хотя и исходя из атавистической точки зрения, учили таким вещам, которым теперь снова можно учить; что мы не ходим такими, как нарисованы на картинах розенкрейцеров, где каждая женщина нарисована с головой льва, а каждый мужчина с головой быка. Так розенкрейцеры изображают человека. Розенкрейцеры выбрали наиболее усреднённое животное, и поэтому надели женщине то, что больше всего подходит женщине, голову льва, а мужчине то, что больше всего подходит ему, голову быка, голову тельца. Поэтому Вы видите на розенкрейцеровских изображениях, расположенных рядом мужчину и женщину: женщину с самой прекрасной головой льва, а мужчину с головой быка. Но это совершенно правильно. То, что может осуществиться метаморфоза — говоря сейчас в духе Гёте -, что наша голова, по своей форме тяготеющая к животной природе, сформирована так, что является головой человека, проистекает от влияния ариманических сил. Если бы божественные существа не использовали Аримана, чтобы сформировать нашу костяную голову, то мы бы ходили с головами животных.

Но божественные силы используют также и люциферических духов. Если бы они не использовали этих люциферических духов, то в свою очередь нашего человека конечностей нельзя было бы преобразовать из нынешнего воплощения в следующее. Для этого необходимы люциферические существа. Опять же люциферическим существам мы обязаны тем, что, когда мы умираем, форма, которой сейчас ещё обладает человек конечностей, постепенно преобразуется в дальнейшую форму, которую она должна получить в следующем воплощении. Потому что потом на середине пути между смертью и новым рождением должен вступить Ариман, чтобы взять на себя другую задачу: в свою очередь соответствующим образом придать форму голове. Подобно тому как мы бы ходили с головами животных, если бы не были обязаны Ариману тем, что мы получили голову человека, так наша природа конечностей не совершила бы метаморфозу в человеческое вплоть до следующего воплощения, а перешла бы в демоническое. Благодаря всем обстоятельствам смерти мы теряем нашу голову, такой какой мы обладаем сейчас, не только как материю, соединённую с Землей, но и как форму; в следующее воплощение мы переносим от человека конечностей то, что станет головой. Но оно стало бы демоническим существом, если бы мы не были обязаны люциферическим силам, связанным с нами, тем, что смогло состояться преображение от демона, который был бы просто духовно-душевым, в человеческий облик следующего воплощения.

Таким образом, при нашем становлении людьми ариманические и люциферические силы должны работать совместно, и человеческое нельзя постичь, не призвав на помощь ариманическое и люциферическое. На пути к будущему человеческую природу невозможно избавить от того, чтобы по-настоящему понять эффективность действия Аримана и Люцифера. Библия с полным правом говорит, что то Божество, о котором идёт речь в начале Библии, вдохнуло в человека дыхание жизни. Но это дыхание жизни действует в человеке грудной клетки. То есть когда мы имеем дело с закономерно действующими божественными существами, то мы имеем дело только с человеком грудной клетки. Когда мы имеем дело с человеком головы, то мы имеем дело с противником сил Яхве, а значит также с противником Христа. А также когда мы имеем дело с человеком конечностей, то мы имеем дело с люциферическим противником.

Поэтому понять человека смогут только, если представят его в свете этих трёх аспектов. Потому в центральной скульптурной группе нашего здания Вы видите это триединство: представитель человечества, сформированный так, что в нём преимущественно действуют силы дыхания, грудной клетки, сердечная деятельность и так далее — он является центральной фигурой —, затем та фигура, в которой действует всё, что соответствует голове: Ариман; та фигура, в которой действует всё, что соответствует конечностям: Люцифер.

Человеческое необходимо разделить на части таким образом, если хотят понять человека, потому что в человеке человек как таковой соединён с Ариманом и Люцифером. В то же время это конечно указывает на то, что всё, что в большей или меньшей степени связано с человеческим мышлением, которое касательно своей физической зависимости связано с головой — это человеческое мышление протекает на основе восприятий в качестве чего-то воспринимаемого внешне-чувственно —, что всё это носит ариманический характер. Мы воспринимаем природу преимущественно через органы чувств головы, и мы выстраиваем себе образ природы при помощи только что описанного ариманического характера, потому что мы сами несём в себе ариманическое в образовании, в формировании нашей головы.

В свою очередь идеалы внутренне, психологически — я ещё вернусь к этому в ближайшее время — очень сильно связаны с любовью, со всем тем, что относится к человеку конечностей. Поэтому люциферические силы обладают особым доступом к идеалам. Посредством головы нас охватывает Ариман, посредством конечностей нас охватывает Люцифер. Посредством нашей головы Ариман искушает нас представлять себе природу бездуховной; посредством нашего человека конечностей Люцифер искушает нас представлять себе идеалы лишёнными сил природы.

Но задача современного человека состоит в том, чтобы, увидев это таким, прийти к правильному наблюдению. Потому что Вы увидите: в нас, а именно в человеке грудной клетки, есть определённая граница, благодаря которой силы головы, являющиеся ариманическими силами, отделяются от люциферических сил, относящихся к человеку конечностей. Если бы мы, взирая в себя мистически, могли видеть себя полностью насквозь, тогда мы хотя и постигали бы природный порядок посредством головы, но мы бы также посредством природного порядка взирали в нас самих. И если бы люциферические силы принимали в нас решение, тогда люциферические силы разьясняли бы нам также об ариманических силах, и таким образом мы пришли бы к связи между природным порядком и духовным порядком. Но мы не умеем этого по одной определённой причине, а именно по той причине, что мы обладаем памятью. То, что мы

берём из природы в представлениях и понятиях, во впечатлениях, мы собираем в нашей памяти. И если здесь (см. илл. 4) находится — только изображённый схематически — человек головы, здесь — человек грудной клетки и торса, здесь — человек конечностей, то в человеке грудной клетки присутствует разделительная преграда, ведущая к тому, что то, что мы воспринимаем в природном порядке посредством головы, опять возвращается к нам в виде субстанции памяти. Вследствие этого мы не смотрим вниз вплоть до люциферического, и вследствие этого не замечаем ариманического, подобно тому как мы не видим то, что находится позади зеркала, а видим то, что отражается. Здесь природный порядок отражается в том, что в то же самое время отделяет наше ариманическое от нашего люциферического, и что является основой для формирующей себя памяти, для формирующей себя силы воспоминания. Если бы мы не смогли вспоминать себя в пережитых вещах, если бы там не было этой разделительной преграды, если бы мы, глядя в себя, видели себя насквозь, то мы бы смотрели вниз внутрь себя вплоть до люциферического. Тогда мы бы воспринимали и ариманическое.

Arimanisch - ариманическое, Luciferisch - люциферическое

Илл. 4

Но теперь задумайтесь: именно то, что предстаёт для нас благодаря этому зеркалу, оно является тем, что мы проживаем в ходе жизни, оно является тем, на что мы оглядываемся назад после смерти, оно является тем, что из текучего «Я» становится фиксированным «Я». На него мы оглядываемся назад. Оно является тем, с чем мы совместно живём. И Ариман и Люцифер действуют совместно с нами, действуют совместно с нами таким образом, что Ариман приводит нас к тому, чтобы носить человеческую голову, Люцифер приводит нас к тому, чтобы не становиться демоном, а иметь возможность прийти к следующему воплощению.

Я немного воспользовался Вашим терпением в отношении вещей, которые, вероятно, труднее понять, однако я хотел бы изначально как минимум вызвать ощущение того,

благодаря чему на самом деле возникает пропасть между идеализмом и реализмом. Она возникает благодаря тому, что люциферическое порождает в нас идеализм, бессильный в природе, а ариманическое вызывает в нас простой природный порядок, кажущийся нам бездуховным. То есть в действительности идеалисты, абстрактные идеалисты находятся под люциферическим влиянием, а материалисты находятся под ариманическим влиянием. Уже становится необходимым, чтобы связываясь с этими вещами, занимались так называемой теософией не просто схематически, а более подробно вникали в эти вещи. Потому что необходимо, чтобы человек осознал, что он должен нечто сделать для того, чтобы суметь остаться соединённым с духом в остальной части земного развития. Это является неудобной истиной, можно было бы даже сказать, ненавистной истиной, подлинно ненавистной истиной, потому что она противоречит очень многому из того, что симпатично людям, симпатично исходя из удобства. Сегодня для человека нет ничего более трудного, чем когда ему говорят: если ты в будущем хочешь сохранить свою связь с духом, то ты должен нечто сделать для этого. - Множество людей хотело бы, чтобы Мистерия Голгофы исчезла, чтобы они просто не имели никакого отношения к своим обстоятельствам, чтобы их избавили от их грехов через Христа и без действий со своей стороны они смогли попасть на небеса. И теологи так злятся на Антропософию потому, что естественно с антропософской стороны никогда не смогут согласиться с тем, что человеку ничего не нужно делать для того, чтобы поддерживать свою связь с духом, что это также может происходить совершенно без его содействия в будущем земного развития. Связь между физическим и духовным, между тем, какие члены присущи человеку между рождением и смертью, и тем, какие члены присущи человеку между смертью и новым рождением, эта связь окажется под вопросом в будущем земном развитии, и она не пострадает только тогда, когда люди на самом деле будут заниматься духовным на пути к будущему. Сегодня уже есть духовно- научные доказательства этого. Эти духовно-научные доказательства, они являются в высшей степени неудобными истинами, но они проливают свет на важное и значимое.

Связь между душевно-духовным и физически-эфирным в человеке стала, я хотел бы сказать, уже очень слабой, и человеку необходимо стоять на страже для самого себя, чтобы во взаимосвязи между его физически-эфирным и душевно-духовным не произошло чего-то, что могло бы можно сказать истощить его, что могло бы душевно- духовно истощить его. Потому что когда постоянно возникают такие предрассудки, что в жизни не требуется ничего знать о том, как она выглядит после смерти, или когда всё больше становится пропасть между так называемым идеализмом и чисто природным порядком, существует опасность, которую встречают люди, что они всё больше и больше могут потерять свою душу. Сегодня ещё, я хотел бы сказать, установлена плотина от этой потери, данная тем обстоятельством, что, когда умирают молодые люди, духовному миру придаётся определённая тяжесть и расчёт Люцифера разрушается, а когда умирают пожилые люди, то в духовность внутри физического мира выдавливается очень много того, что разрушает расчёт Аримана. Но не следует забывать, что вследствие того, что люди отказываются от духовной области, ариманические и люциферические силы становятся всё сильнее и сильнее, и что постепенно, когда всё дальше и дальше будет заходить деволуция Земли, эта плотина не сможет более полностью выполнять свою задачу.

Это является тем, что мне хотелось бы увидеть возникшим в качестве своего рода квинтэссенции из наших рассматриваний, как чувство необходимости — а чувства всегда являются самым главным, что может следовать из духовно-научной жизни — начиная с

современного земного цикла заниматься духовным. С самых различных точек зрения я подчёркивал то, что начиная с настоящего времени необходимо, чтобы люди занимались духовным. И в будущем человек не сможет заниматься духовным иначе как благодаря тому, что обретут понимание и не будут сопротивляться действительно принимать в себя такие даже более трудные рассмотрения, которыми мы занимались в эти дни и в частности сегодня. К людям должно прийти понимание перспективы времени. Когда это понимание перспективы времени придёт к людям, тогда они больше не будут говорить: здесь находится идеализм, который является просто мечтой, который не обладает силой природы, а на другой стороне лежит природный порядок -, а люди придут к тому, чтобы признать, что то, что живёт в нас как идеалы, является зародышем будущего, а то, что является природным порядком, является плодом прошлого.

Эти слова являются золотым правилом: каждый идеал является зародышем будущего природного события; каждое природное событие является плодом прошлых духовных событий. - Только благодаря этому правилу обретают мост между идеализмом и реализмом. Но для этого необходимо следующее: никакой идеал не смог бы никогда и никак стать зародышем будущего природного события, если этому будущему природному событию воспрепятствовало бы нынешнее природное событие. Мы можем представить себе любую гипотезу. Если мы допустим ту возможность, значимую сегодня, что однажды благодаря закону энтропии земное развитие перейдёт в своего рода всеобщее потепление, и что все иные природные силы остановятся, то, естественно, в этом земном состоянии все идеалы умрут. Это земное состояние, оно действительно последует, если предположить, что современные физические условия будут продолжаться далее согласно исключительно причинно- следственной связи. Если думают так, как мыслит современный физик, что однажды согласно закону сохранения энергии и вещества, здесь возникнет такое земное состояние, то в этом земном состоянии нет места для того, чтобы в нём однажды взошёл идеал в качестве будущего природного события, тогда это будущее станет просто следствием сегодняшнего природного события. Но происходит не так, как представляется сегодняшнему рассмотрению природы, а выражается иначе. То, что сегодня существует в энергиях и веществах, всё это в определённом будущем не будет здесь присутствовать.

Закона сохранения энергии и вещества не существует. Там, где ищут вещество, вообще ничего нет кроме ариманического воздействия из прошлого, и то, что в чувственно воспринимаемом окружает нас, в определённом будущем больше не будет существовать. И тогда, когда из всего, что сейчас является физическим, больше ничего не будет существовать здесь, когда оно полностью растворится, тогда там наступит время, когда нынешние идеалы будут внесены в качестве природных событий в то, что теперь погибает.

Так происходит в великой Вселенной. А для отдельного человека происходит так, что он снова инкарнирует в следующем мировом воплощении, когда частично преодолевается всё то, во что он врос вместе с нынешним воплощением, то есть когда для него смогут создать окружающую среду, которая отлична от нынешней окружающей среды, когда всё то, что удерживает его сейчас здесь, на Земле, сможет оказаться вне нынешней окружающей среды. Когда всё это изменяется настолько, чтобы он смог пережить нечто новое, тогда он снова воплощается. Сегодняшние идеалы, которые он мог себе сформировать, станут природой, когда всего того, что является природой сейчас, больше здесь не будет, а возникнет нечто новое. Но это новое, которое возникает, является ничем иным как духовным, ставшим природой.

Мы должны искать то, что формирует мост над бездной, позади этих явлений и позади этих идеалов. И именно об этом следует узнать. Сегодня об этом узнают только, если не страшатся настолько сильно развивать понятия, чтобы они сами могли проникать в реальность. Поэтому сегодняшнему времени в действительности необходимо вникать во всё то, что можно испытать духовно. Только — позвольте мне дополнительно добавить — необходимо, чтобы в отношении духовных рассматриваний всё сильнее и сильнее могла бы господствовать беспристрастность. Позавчера, в конце, как многим могло показаться совершенно излишне — однако несмотря на то, что мне не нравится это делать, это никогда не будет излишне -, я указывал на некоторые вещи, препятствующие приносящей пользу духовно- научной работе также со стороны Антропософского общества. Потому что, прежде всего на этой почве снова и снова требуется подлинная беспристрастность. Снова и снова мы переживаем, что то разрушающее, которое на самом деле породило материализм, которое погубило древнюю духовность, оно в человеческом мышлении также проникает в спиритуальное, в желанное спиритуальное. Я уже обращал внимание на то, насколько материалистичными являются некоторые теософские воззрения. Конечно, когда объясняют духовно-научные вещи, нелегко найти характеризующие слова, потому что сегодня наша речь более не пригодна для духовного, потому что сначала нам следует снова отыскать такую связь между речью и предметом, которая пригодна для духовного. Но необходимо, чтобы духовно-научное движение более не портили тем, что является самым пагубным. Человек должен беспристрастно характеризовать то, что происходит в духе. Снова и снова я переживаю то, что меня спрашивают: здесь находится некто, там находится некто, у кого есть духовные переживания. - Смысл вопросов, которые часто задают таким образом, заключается в том, что на самом деле спрашивают: можно ли теперь предаться слепой вере в истинность того, что видит тот или иной человек? - И если отвечают на эти вопросы утвердительно, тогда появляются слепые сторонники; если отвечают отрицательно, тогда происходит так, что упомянутого человека сразу начинают поносить и говорить: ну да, это проявление атавистического ясновидения, которому люди не придают никакого значения. - Да, это или-или в этой области следует всё же воспринимать совсем иначе. В действительности нам следует в отношении высказываний о духовном выступить также со всем здравым рассудком. Но если мы желаем стать приверженцами догматизма, то мы не сможем стать приверженцами духовной науки. Если мы желаем или боготворить, или поносить, то мы не сможем стать приверженцами духовной науки. Бесконечно ценные вклады для характеристики духовного мира также приходят от сторон, которым необязательно желать клясться в верности.

Также те, кто некоторое время клялись в верности какой-либо видящей личности, переживают иное. Потому что могут доказать, что эта видящая личность когда-либо — ну, возможно даже однажды - немного нечто подретушировала или сильно подретушировала; тогда эта личность падает в их глазах. Прежде те же люди клялись ей в верности, а потом она падает в их глазах.

Да, таким образом в человечестве не продвинутся вперёд. В человечестве продвинутся вперёд не с помощью либо обожествления, либо обвинения, а только благодаря тому, что навстречу вещам будут выступать с помощью здравого человеческого рассудка. К примеру, также может случиться так, что через какого-то человека, о котором даже знают следующее: ну, он не побрезгует время от времени достаточно сильно приврать -, однажды из духовного мира исходит нечто очень правдивое, важное и существенное.

К этому или-или, которое я здесь имею в виду, не приходили бы, если бы хотели не вносить догматику, а хотели бы поместить себя внутри этого антропософского движения при помощи здравого человеческого рассудка. Это является первым замечанием. Второе замечание состоит в том, что посредством вида и способа, которым оперируют вещами внутри нашего круга, чрезвычайно трудно поместить Антропософское общество в культурное движение нашего времени. К этому относится способность различения у тех людей, которые уже находятся внутри этого общества. Если человек уже находится внутри, то для него возникает определённая обязанность перед этой силой различения. Потому что мы с Антропософским обществом пойдём по абсолютно ложному пути, если мы не будем искать соединения с общей духовной культурой настоящего времени, если мы снова и снова будем впадать в ошибку занимаясь сектантством. Если мы станем сектантами, то это будет смертью нашего движения. Ведь только задумайтесь, что такие вещи, которые мы обсуждали в эти дни, не покажутся очень странными тому, кто находится в научной и культурной жизни настоящего времени, только если он обретёт необходимую беспристрастность. Но чтобы достичь чего-либо на этом пути, необходимо существование воли для различения. У нас с лёгкостью случается, что просто спрашивают о чём-то схематическом, когда речь идёт о следующем: можно ли какому-либо человеку прослушать антропософские лекции или можно ли ему получить какой-нибудь цикл лекций? - Таким образом, вопрос задают схематически, не принимая во внимание степень образования, положение во всём мире упомянутого человека. Но это схематическое абсолютно пагубно для нас. Это схематическое приводит к тому, что такой человек, как например, тот, который сейчас находится опять же в Голландии, вокруг которого кристаллизуется огромное количество бесчинств, может влиться в Антропософское общество и найти там покровителей, в то время как людей, способных к суждению, часто отталкивает именно такое поведение.

Чтобы указать на нечто конкретное отметим: посмотрите, некоторое время назад господин фон Бернус появился в Антропософском обществе с ясным устремлением — его можно считать лучше или хуже, об этом может говорить здравый человеческий рассудок — навести мост между всеобщей культурной жизнью, литературной и научной жизнью настоящего времени, и нашей антропософской жизнью. Что ж, господин фон Бернус, например, перелил в своего рода поэтическую форму и вынес в мир ряд вещей, которые частично находятся в моих книгах и частично в циклах лекций. Он сам мне показывал: стопку писем, оскорбительных писем, которые он получил потому, что однажды была сделана действительно соответствующая времени попытка! Не стоит удивляться, что какого-либо человека, который, возможно, во многом подвергается риску, оттолкнуло бы такое поведение, которое в то время в отношении него допустило Антропософское общество. Тем не менее, тот журнал, который он основал, может быть чрезвычайно полезен антропософскому движению. Ему также удалось сделать так, чтобы антропософское движение в Мюнхене было представлено в его Доме искусств. Но повсюду можно было заметить определённое противодействие тому, что было настолько обоснованно насколько это возможно! И если посмотрят именно на пережитое Бернусом, то увидят правильный образ того, каким образом антропософское движение, Антропософское общество должно научиться быть сообществом на самом деле.

Поскольку дорнахское здание возникло, то оно (Общество) является сообществом. Но не выполняется многое другое, благодаря чему ясно обнаруживается, что Антропософское общество воспринимает себя совсем не как сообщество, а как сумму отдельных маленьких

сектантских кружков. Но нам следует выйти из этой стадии сектантства. Но мы не выйдем, если не обдумаем этот вопрос.

Естественно, это очень трудно, и, конечно, о таких вещах говорят неохотно, но в конце концов, мне необходимо многое сказать потому, что я лично очень сильно соединён с этим антропософским движением. Если сейчас Антропософское общество постепенно всё больше и больше вынуждено развиваться к тому, чтобы оно на самом деле было обществом с ярко выраженной тенденцией умалчивать обо мне, - к чему оно на самом деле развивается, и что всегда было тенденцией для него —, то когда я это подчёркиваю, это не является личным тщеславием. Мне очень неприятно, что мне приходится это подчёркивать, но в Антропософском обществе существует тенденция, во многом умалчивать обо мне, и здесь личное как раз связано с объективным. Вследствие этого — поскольку не делают всё то, что обычно делает общество — происходит то, что на поверхность как пузыри с ядом выходит только то, что посылают в мир в качестве ругани отделившиеся члены.

Да, таковы вещи, на которые мне ещё иногда приходится указывать и которые нельзя оставлять невысказанными. Я выносил их на обсуждение в тех местах, где я имел возможность высказаться в последнее время, потому что я действительно верю, что в это катастрофическое время многое зависит от того, что Антропософия будет правильным образом представлена в мире. Но насколько трудно добиться того, чтобы глубже задумались о следующем: как на самом деле следует творить в антропософской области, чтобы сделать это Антропософское общество настоящим сообществом? - В действительности отдельными людьми создано начало, но как правило в начале всё и застревает. Что ж, я думаю, что, возможно, когда я уже во второй раз обратил внимание на эти вещи, о них немного задумаются. Я говорю об этом не по личным причинам, а исходя из необходимости времени, также как Вы из того, что я излагал как раз на протяжении этих дней, извлечёте разнообразные зародыши, которые могут сослужить Вам службу для понимания нашего катастрофического времени.

[Надпись на доске]

2 сентября 1918 г.

Каждый идеал является зародышем будущих природных событий.

Каждое природное событие является плодом прошлого духовного события.